

4 СМЫСЛА

Избран делегатом съезда комсомола

Борьба за качество или показуха?

Солдаты границы. Фотоочерк

Открытия поэтического конкурса

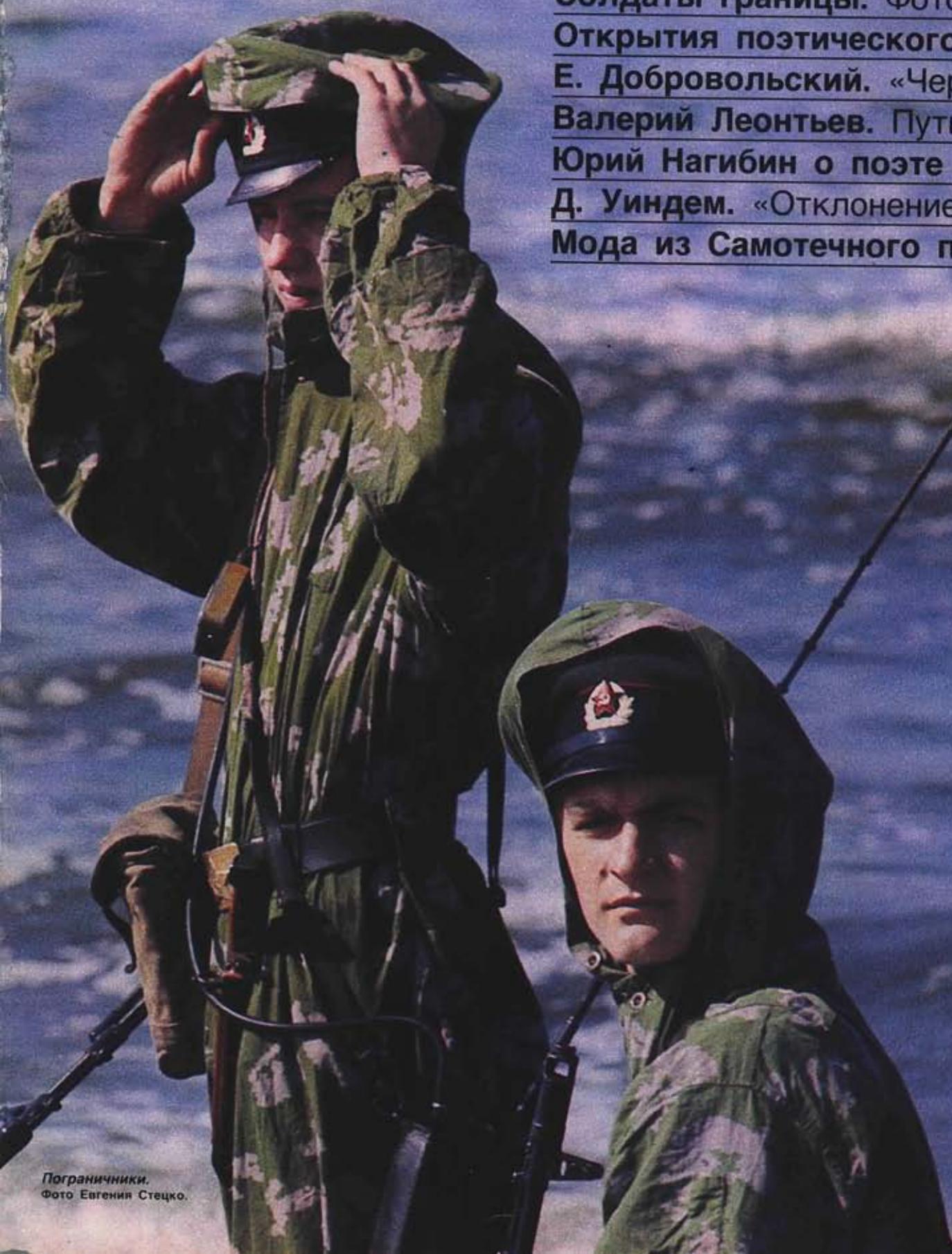
Е. Добровольский. «Черная Калитва»

Валерий Леонтьев. Пути на эстраду

Юрий Нагибин о поэте Мандельштаме

Д. Уиндем. «Отклонение от нормы»

Мода из Самотечного переулка

Делегат XX съезда ВЛКСМ, сталевар.

Николай Жигуин:

«КТО ЕСТЬ НЕ МЫ?»

Прочитываю проект Устава ВЛКСМ с предлагаемыми изменениями. Сейчас он активно обсуждается и в первичных организациях, и в комсомольской печати. Каждая строка этого документа требует серьезного осмысления, нового подхода ко всем сторонам жизни и деятельности Союза молодежи. Чем внимательнее вчитываешься в положения Устава, тем явственнее понимаешь, какая огромная ответственность ложится на плечи молодых.

«Член ВЛКСМ обязан...» — далее следуют емкие слова о том, каким должен быть комсомолец, что он призван отстаивать, защищать, с чем непримиримо бороться. Почему же в повседневной жизни некоторые комсомольцы забывают об этих требованиях, идут на компромисс, в то и на прямое нарушение Устава? Откуда это уже не раз осужденное расхождение между словом и делом?

Особенно тревожит меня потребительское отношение к комсомолу.

Причем у иных оно проявляется открыто, я бы сказал, агрессивно. «Что мне дает комсомол?» — этот вопрос то и дело слышишь в молодежной аудитории. Легче всего отмахнуться, назвать это демагогией и закрыть тему. Но когда встречаешься с ребятами в цехе или общежитии, в школе или клубе, от ответа не уйти. Находятся и такие, которые спрашивают, как говорится, в лоб: «Ты член ЦК, скажи честно, что ты за это имеешь?» Подразумеваются определенные льготы — или внеочередное получение

квартиры, или доступ к дефициту, или еще что-то в этом роде.

Непросто бывает убедить какого-нибудь «знатока», что общественная работа не приносит материальных выгода. Если говорить о жилье, то свою «малосемейку» я получил, как и все, в порядке очереди, а до этого семья лет жил в общежитии. Никакого «блата» или родства «в сферах» у меня не было и нет. Все, чего я достиг, может добиться каждый, если, конечно, будет работать на совесть и не жалеть личного времени для общественных дел. Так скажу: никак «сильная рука» не поможет, если у самого все валится из рук.

И все же мне крупно повезло. Я вырос в деревне, родители с самых ранних лет приучили меня к труду, к полной ответственности пусть за маленький, но свой участок домашнего хозяйства. Бывало, мальчишки зовут на улицу, и тебе так хочется пойти с ними, но вспоминаешь наказ матери и берешься за работу. Надо было накормить кур, прополоть грядки. Забот хватало.

Повезло мне и с армейской службой. Два года на границе очень много значат. Когда идешь с оружием в руках берегом реки — на том берегу чужое государство, в за твоей спиной Родина — это чувство, как ничто другое, формирует молодого человека, делает его настоящим гражданином и патриотом своей страны.

Не только на себе испытывал это. В нашем цехе работают семь парней, проходивших службу в Афганистане. Они выделяются среди своих сверстников более пристальным взглядом на жизнь, зрелым отношением к работе. С ними легко находишь общий язык.

«Трудно там было?» — спросили однажды у машиниста крана Сергея Корышева, награжденного медалью «За отвагу». Сергей спокойно ответил: «Конечно, трудно. Но ведь кто-то должен быть и там».

Не прятаться за спины товарищей, не сваливать на других то, что можешь сам — так, считаю, надо действовать всем. Но слишком долго в ходу была другая привычка — «не высказываться», а если кто-то и решится высказать свое мнение, то не на собрании, а где-нибудь в «курилке». Удобная позиция: и для начальства, и для ребят прослышишь «критически мыслящим» человеком.

Строили, к примеру, в нашем цехе систему вытяжки на аргонных установках. Многие видели, что она мало-

мощна, не будет работать как надо. Кое-кто из рабочих прямо говорил об этом. Но в ответ прозвучал начальнический оклик: «Не твое дело». Построили, а теперь придется все переделывать заново.

Где уж тут быть чувству хозяина, есливольно или невольно навязывалась психология «маленького человека», когда участие молодых рабочих в управлении производством лишь декларировалось, да и пониже зачастую оставалось только благим желанием. Потому-то сейчас, в условиях развернувшейся перестройки, самое главное, самое трудное — перестроить свое сознание, свое отношение к общим проблемам.

Увы, старая привычка не вмешивается все еще дает себя знать. И сам, бывает, смолоду душничаешь, смолчиши. Оправдание всегда найдется: то ли еще не зажили шишки, полученные за критику, то ли удерживает довод «мудрых»: «Тебе что, больше всех надо?» В такие минуты идет мучительная борьба с самим собой. Решился важный вопрос, а ты напряженно ждешь, кто же встанет и скажет правду. Но все молчат. Кто же, если не ты?..

Отношения с администрацией — жалуй, самое большое место для комсомольской организации. Особенно когда дело касается создания комсомольско-молодежных коллективов. Вот и в нашем цехе недавно перебрасывают ребят из одной бригады в другую, с одного агрегата на другой. Стабильный состав молодежного коллектива остается лишь на бумаге. И все это объясняется производственной необходимостью. Не слишком ли универсальное оправдание для хозяйственников?

Тот же довод приводится, когда комсомольцам предлагают выйти на субботник, чтобы залатать какие-то производственные прорехи. Но как только доходит до распределения жилья, путевок, комсомол иногда «забывает» пригласить. Конечно, тут комсомольской организации, ее секретарю надо проявить твердость. Но, к сожалению, не каждый вожак способен отстоять интересы молодых. Чаще видишь секретаря в роли робкого просителя.

Очень хорошо, что в проекте Устава более четко определен круг вопросов, решать которые должна первичная. Это и участие в управлении делами предприятия, и поощрение, премирование молодых рабочих, распределение для них жилья, мест в общежи-

тиях — я бы добавил: и мест в детсадах и яслях. Молодые семьи в этом кровно заинтересованы.

Радует то, что сейчас самым серьезным образом взялись за проблемы трудового воспитания, распределения по труду. Без этого, кстати говоря, никакое воспитание немыслимо. Мы, рабочие, это хорошо видим. Порой кажется, слишком легко достаются некоторым имитаторам трудового энтузиазма социальные блага, которыми располагает наше общество. Выгоним из своего коллектива злостного прогульщика, а он, глядишь, уже устроился в другом цехе. Работает все так же ни шатко ни валко и не тужит. Значит, жизнь его не бьет, а надо, чтобы била, и крепко.

У нас нет безработицы, но уравновеска, которая еще имеется, на руку лиши, нерадивым. Получается, что работаем за себя да еще за какого-нибудь «умельца»-захребетника. Разве это справедливо? Какой урок извлекает из этого молодежь?

Не секрет, что подобное потребительство начинается в семье, где трудом пугают, как букой, в школе, когда отъявленным лентяям ставят незаработанные тройки. Какое отношение у человека к учебе — таков и к работе. Рассчитывать на чудесное превращение закоренелого лодыря в труженика не приходится.

Ведь как бывает: парень еле-еле окончил восьмилетку, идет в ПТУ. Там палец о палец не ударит, а стипендию получает — у нас в отрасли она немаленькая. Служит в армии — ему сохраняется рабочий стаж. А вернется, месяц, другой потолкается в цехе — и след простыл: нашел что-то полегче. Вот и выходит: за все это время парень ничего не дал обществу, только брал. И никто его не остановил. Он и в дальнейшем будет искать и находить разные лазейки.

Сколько же надо потратить сил, времени, чтобы сделать из такого вот юного потребителя рабочего человека! Очень сложное это занятие. Но все-таки при желании и терпении рабочему коллективу, комсомольской организации удается повлиять на новичка, заставить его задуматься, помочь преодолеть себя, стать лучше. Не без гордости замечу: есть на комбинате ребята, которые считают меня своим наставником.

Больше, понятно, помогают не словесные призыва, а личный пример, открытые, товарищеские отношения.

Вот, скажем, недавний случай. Молодые рабочие некачественно подготовили машину для приема металла. Хотя я, как старший оператор установки непрерывной разливки стали, не раз им напоминал. Почему же не проконтролировал? Но ведь людям и доверять надо. Короче, вышел брак, меня наказали. Я видел, как искренне переживают мои напарники, как квянут себя за свою промашку. Обсудили мы этот эпизод, и теперь, я уверен, подобное уже не повторится.

Правильно говорят: рабочая совесть — лучший контроль. Именно на нее, нашу совесть, и опирается госприемка — на Новолипецком металлургическом она введена с начала года.

Качество продукции неотделимо от уровня нравственности. Как только об этом забывают, перестают видеть за производственными показателями конкретных людей, срывы неминуемы. Иначе чем объяснить, что молодой бригадир, чье имя гремело на весь комбинат, попал в вытрезвитель.

Или другое, когда передовая комсомольско-молодежная бригада в полном составе демонстративно не является на комсомольское собрание. Эти факты известны комсомольскому акту НЛМК.

Погоня за «хватом», бумаготворчество, тяга к громким рапортам — все это только вредит делу. Лишь бы «галочку» поставить, а там хоть трава не растет.

Такие «формы» работы с молодежью давно пора сдать на свалку. Поворот от форм к сути — это сегодня главное в перестройке всей комсомольской деятельности.

Потребительство, пассивность, безответственность — известно, на какой почве произрастают эти сорняки. У комсомола, думается, есть силы и возможности с корнем вырвать их из молодежной среды. Ну, а начинать надо с себя. Вот почему важно, чтобы каждый комсомолец, каждая первичная организация действовали так, как того требуют дух и буква Устава ВЛКСМ, основного закона комсомольской жизни.

Фото: В. Борисов, А. Григорьев, А. Смирнов

Михаил ПЕЧЕРСКИЙ,
специальный
корреспондент
«Смены»

В прошлом году
бюро ЦК ВЛКСМ
приняло
постановление о работе
комсомольских
организаций Латвии
по привлечению молодежи
к повышению
технического уровня
и качества
выпускаемой продукции.
В постановлении,
в частности, отмечается,
что на многих
предприятиях
почти половина молодых
рабочих не знает,
какова доля брака,
как оценивают
потребители
их продукцию.
Не дается
принципиальной оценки
бракоделам,
штабам и посты
«Комсомольского прожектора»
не стали действенными
заслонами на пути
бракованных изделий.

Рисунок Петра Воскресенского

ЮКАЗУХА

Представьте, что у вас есть, например, соха. Вчера она была сплошь деревянная, а сегодня вы ей приделали железный наконечник. Да и тот тяп-ляп, на честном слове держится. И довольно: модернизацию провели, техническую революцию совершили! Окружающие восхищены вашими деловыми качествами, примером для подражания считают...

Конечно, любое сравнение условно, но все же... В латвийском городе Резекне о заводе «Электростройинструмент» у многих сложилось мнение как о передовом и самом лучшем предприятии. И не случайно. Восемнадцать кварталов подряд ему присуждалось первенство в соревновании среди промышленных предприятий города. На всякого рода совещаниях и заседаниях о заводе неизменно упоминали с самыми восторженными эпитетами. Даже после того, как Комитет народного контроля Латвии провел здесь проверку, один из руководителей города на страницах республиканской газеты «Советская Латвия» высказал похвальное слово в адрес лидеров этого предприятия. Смысл дифрамба сводился к тому, что они наладили на заводе гласность, чутко прислушиваются к общественному мнению при решении различных ключевых проблем, особенно когда дело касается подбора, выдвижения и воспитания руководящих кадров в духе высокой ответственности и творческой самоотдачи. В результате на могучих крыльях научно-технического прогресса завод неустанно движется от победы к победе, являя остальным предприятиям города яркий и привлекательный пример.

Если судить по отчетным цифрам, то вроде бы нет никаких оснований быть тревогу. Ну, разве не молодцы резекненские машиностроители? Отправляют на стройки и в торговую сеть ежегодно более полумиллиона различных электромашин, чуть ли не в пятеро больше, чем, например, в десятый пятилетке! БАМ и Крым, Ленинград и Сахалин, Крайний Север и знойный юг — вся страна снабжается электрическими рубанками, дисковыми пилами, шлифовальными, сверлильными, долбежными и другими инструментами с маркой «Сделано в Резекне». Да что говорить! Даже на экспорт дают свою продукцию. Есть чем гордиться.

Но народные контролеры не поддались гипнозу цифр, характеризующих достижения. Тщательно проанализировав деятельность всех заводских подразделений, они поставили обоснованный и категорический диагноз: «Электростройинструмент» хронически и тяжко страдает показухой и очковтирательством.

В первую очередь это касается технического уровня и качества выпускаемой продукции.

Правда, конструкторы и технологии вовсе без дела-то не сидят и за такие слова могут очень даже обидеться. Как-никак, шестьдесят с половиной процентов изделий отмечено Знаком качества! Справедливости ради скажу, что смотрятся сегодняшние инструменты значительно лучше тех, что выпускались лет 10—15 назад, поскольку какая-то модернизация все-таки проводилась. Но

как соху ни модернизирай, она все равно останется орудием вчерашнего дня...

Правда заключается в том, что за резекненским инструментом давно и прочно утвердилась репутация неконкурентоспособного. На мировой рынок с ним выходить и стыдно, и безнадежно. Правда, кое-что кое-где пока берут. Но объем экспорта составляет всего-навсего 0,3 процента от общей программы. Это примерно около ста тысяч рублей в год. Инструменты резекненского завода не выдерживают никакого сравнения с лучшими мировыми аналогами, уступая им по производительности, надежности, металлоемкости, энергопотреблению, технологическим возможностям и даже по технике безопасности.

Можно, конечно, махнуть рукой на границу: она нам, дескать, не указ. Ну, не продадим строительные инструменты на международном рынке, так рассуем их по всем уголкам Советского Союза. Да тут вот какая незадача. В прежние годы, рассыпая свой инструмент по городам и весям, резекненские машиностроители жили припеваючи и горя не знали: никто никогда не предъявлял им претензий. А нынче, когда в стране началась серьезная борьба за высокое качество и жесткую экономию, на «Электростройинструмент» косяком пошли рекламации. Претензии к бракованной продукции, помеченной почетным пятиугольником, исчисляются десятками тысяч рублей. С каждым месяцем поток рекламаций становится все более мощным. Если его не перекрыть, то ведь немудрено и захлебнуться...

Впрочем, такого рода «обратной связи» на заводе, похоже, не боятся. Выкинуть на гарантийный ремонт и штрафы за поставку брака 200—300 тысяч рублей? Подумаешь, какая важность! Не из своего же кармана. Тем более что переходящие знамена и все возможные премии заводу присуждали как раз не за качество, а за количество. Главное — выполнить и перевыполнить, а там хоть трава не расти. Уж очень хочется, чтобы похвалили и отметили солидной премией. Ради этого можно закрыть глаза на явный брак и бракоделов. Был бы план. Если обыкновенная снисходительность к бракоделам и легкое подталкивание подчиненных к нарушениям технологической дисциплины не помогали, тогда директор завода Я. Матулис и главный инженер В. Белов сами выходили на оперативный простор и приказывали вставлять бракованные детали в недостающие до плана электрические машины. Не в том даже суть, что главный инженер в течение года отдавал 600—700 таких распоряжений, а директор — 30—40. Главное, они тем самым освобождали от мучительных сомнений многих своих подчиненных. Однажды дошло до того, что несколько более менее руководящих работников сборочного цеха подделали штамп ОТК, чтобы выпустить за ворота большую партию совершенно непригодных к эксплуатации дисковых электропил. Узнав об этом, ни директор, ни главный инженер даже ухом не повели. Никто не подвергся никакому наказанию, а сам факт остался тайной для абсолютного большинства членов заводского коллектива. Вот вам и гласность...

Размышляя об этих и других результатах проверки, я подумал о том, что народные контролеры из столицы республики все-таки не могут дневать и

ночевать на одном заводе. Есть у них дела и на других предприятиях. А вот куда, интересно, смотрит заводской штаб «Комсомольского прожектора»? Волнует ли его низкое качество продукции?

— Волнует,—сказала руководитель «прожектористов» шлифовщица Галина Пейрага.— Но мы этой проблемой не занимаемся. Вот вы сами посудите. Как я пойду уличать кого-то сегодня, если он подойдет ко мне завтра и скажет: «Ты и сама-то брак гонишь». А я его на самом деле гоню. Думаете, не умею и не хочу работать как следует?— Совсем не поэтому.

Она вздохнула тяжело и грустно:

— Вот вам пример. Восемнадцатого числа прибегают в бригаду начальник цеха Евгений Литвинов и старший мастер Александр Шмат. Так и так, ребята, у вас был месячный план 8600 шпинделей к электросверлкам, а теперь новое задание — надо сделать дополнительно еще 3200. А мы, между прочим, только-только приступили к работе, потому что в первой половине месяца нам не дали заготовок, пришлось целыми днями слоняться по цеху без дела. Теперь, значит, надо наверстывать упущенное и работать по шестнадцать часов в сутки. Иначе план не выполним и никто в бригаде не получит прогрессивки. А кому охота терять 80—90 рублей? Вот и подумайте, какое может быть качество при такой сумасшедшей нагрузке?

Авралы, штурмовщина и уму непостижимые сверхурочные — это на «Электростройинструменте» вообще какая-то повальная эпидемия. В первой половине каждого месяца в заводских цехах, как правило, стоит тишина. Потом начинается...

Правда, в отчетах, которые предназначены для ЦСУ, сверхурочные почти не фигурируют, ибо по закону они разрешаются только в исключительных случаях. Например, при производстве работ, необходимых для предотвращения или ликвидации стихийного бедствия, в случае аварии или для немедленного устранения ее последствий. А тут какое же стихийное бедствие? Поэтому делается так. Где-то после двухнедельной спячки и раскачки озабоченные начальники цехов и мастера бодрой рывью разбегаются по бригадам, заглядывают рабочим в глаза, просят нежно и ласково:

— Ребята, надо бы остаться после смены, маленько поднажать. Да еще неплохо бы в субботу и воскресенье. Надо! План горит...

И тонкий намек:

— А вместе с планом, сами понимаете...

Рабочие, конечно, спорят, говорят нехорошие слова в адрес снабженцев и руководителей, которые вот уже много лет подряд никак не научатся обеспечивать ритмичное снабжение. Однако кому охота терять прогрессивку? И получается, что никто рабочего не привлекает крутиться в цехе по шестнадцать часов в сутки. Это вроде бы он сам такое придумал. Как патриот родного предприятия и от любви к избранной профессии. Тем более что местный прокурор по вечерам и в выходные дни в заводские цехи не заглядывает, о вопиющих нарушениях трудового законодательства ведать не ведает. А в отчетах — полный порядок. Прямо-таки образцово-показательное предприятие в смысле соблюдения Кодекса законов о труде и заботы о рабочем человеке.

— Да какая к дьяволу забота! — кипит от возмущения обычно очень сдержанный и корректный бригадир комсомольско-молодежной комплексной бригады из первого механического цеха Анатолий Рыбкин.— Вот у нас каждый год режут расценки и повышают нормы выработки. Почему, на каком основании? Надо же прийти в бригаду, посоветоваться, создать условия для работы по новым нормам. Но никому из наших начальников это даже в голову не приходит. Называется демократия, привлечение трудового человека к управлению производством, воспитание у него

чувствия хозяина... А возьмите наше оборудование. Какую точность могут дать, например, зубофрезерные станки, если радиальное бение от вращения стола превышает допустимое госстандартом в семьдесят раз! Или гидрокопировальные станки. Это же гроб с музыкой, старье и рухлядь. Их в моей бригаде десять, и четыре станка, как правило, в ремонте. На остальных, чтобы не отставать от плана, приходится работать даже по субботам и воскресеньям. Это что, порядок?

По мере того как я ходил по заводу, беседовал с людьми и копался в бумагах, вырисовывалась удручающая картина. Чтобы выглядеть красиво перед вышестоящими инстанциями, руководители предприятия из года в год взвинчивали темпы производства, как говорится, гнались за собственной тенью. И настолько увлеклись этой гонкой, что было просто некогда позаботиться о постепенном и планомерном обновлении основных производственных фондов. Что же получилось в итоге? А то, что степень износа, например, металлорежущих станков сейчас составляет без малого 80 процентов. Время свое взяло, и настал час расплаты за беспечность. Тому свидетельство — горы бракованых деталей в заводских цехах и тысячи изделий, которые возвращают разгневанные потребители. Чем дальше, тем будет хуже. Потому что Министерство строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР обещает в двенадцати пятилетке заменить здесь не больше восьми процентов станочного парка. Это примерно около пятидесяти станков. А остальные четыреста с лишним, донельзя изношенных, уже давно морально и физически устаревших? Как на них работать, добиваться ускорения научно-технического прогресса?

В Минстройдормаше не могли не знать, в каком состоянии находится оборудование на подведомственном предприятии. Или до поры до времени усыпляли поступающие оттуда победные реляции?

Директор завода Я. Матулис, как только почувствовал приближение неприятностей в связи с приездом представителей республиканского Комитета народного контроля, написал заявление об увольнении с должности. И министр тут же отпустил его «по собственному желанию». Теперь старые проблемы, возникшие не без «помощи» министерства, придется расхлебывать новому руководителю. Неужели в одиночку?

И еще один вопрос. Семь лет назад рязанский «Электростройинструмент» первым в городе и едва ли не первым в отрасли стал внедрять у себя бригадную организацию труда. Очень скоро отсюда во все концы, в том числе и в Минстройдормаш, полетел рапорт: «Добились почти стопроцентного охвата». Министерство поспешило объявить этот завод базовым предприятием отрасли по внедрению бригадной организации труда. И что же? А ничего. С чего началось, на том и застопорилось. Никакого движения по пути совершенствования этой прогрессивной формы организации и оплаты труда, никакого намека на то, что бригадные трудовые коллективы хотя бы в малой степени становятся хозяевами на производстве. Правда, созданы советы бригадиров, которые по идеи должны принимать активное участие в управлении производством. Но вот я разговариваю с молодым председателем заводского совета бригадиров Александром Щавинским.

— Наш совет бригадиров — это же самая настоящая фикция, — откровенно говорит он. — Никто с нами ни о чем не советуется, и никого наше мнение не интересует. А если мы сами что-нибудь надумаем, то всякое доброе начинание повисает в воздухе. Вот, например, в прошлом году совет принял решение перевести на хозрасчет десять наиболее крепких бригад из ста тридцати. Составили график перехода, согласовали с директором и заручились его подписью. Ну и что? Все сроки давным-давно истекли, а дело ни с места. Не хотят наши специалисты и руководящие

работники, в том числе начальники цехов, заниматься этой непривычной для них работой, считают ее обузой.

Вот, пожалуйста, образец какой-то странной игры в демократию, а проще сказать, чистейшей воды показуха. И у штаба отрасли вполне закономерно спросить: если уж объявили «Электростройинструмент» базовым предприятием по бригадной организации труда, то почему пустили дело на самотек, не довели его до конца? Или министерству тоже по душе подобные «забавы»?

После всего сказанного надо ли удивляться, что рязанский «Электростройинструмент» становится одним из самых непrestижных предприятий в городе. Особенно велика здесь текучесть среди молодежи. Кому интересно чувствовать себя только исполнителем чьей-то административной воли, работать на станках времен царя Гороха и выматыватьсь в авральные дни штурмовщины, порожденной никудышной организацией труда?

Между тем, как подчеркнул Михаил Сергеевич Горбачев в своем выступлении на встрече с партийным активом Краснодарского края, никакие вопросы на предприятии не должны решаться без комсомола, молодежи. Ценим молодежь, ее свежий взгляд на состояние дел, использовать ее энергию, прислушиваться к ее голосу — вот как ставится вопрос.

На «Электростройинструменте» еще очень многое надо сделать, чтобы добиться этого, а прежде всего переломить психологию хозяйственников, которые слишком уж привыкли к авторитарному стилю руководства.

Однако тут ведь и от заводских комсомольцев требуется не выжидательная позиция. В городе уже давно привыкли, что комсомольская организация этого предприятия традиционно сильна своим очень боеспособным оперативным комсомольским отрядом дружинников, интересными туристскими походами и слетами, культурно-массовыми и спортивными мероприятиями. Но уж как-то очень робко и застенчиво держатся ее активисты, когда речь заходит о защите социальных интересов молодежи, созидании максимально благоприятных условий для работы комсомольско-молодежных коллективов, активном участии в управлении производством. Тут скромнейшее выжидание, когда тебя заметят, привлекут, окажут доверие, наделят ответственностью и самостоятельностью, вовсе ни к чему. Хватит уж. Надо действовать.

Бездействие, самоуспокоенность, формализм, стремление некоторых хозяйственников и администраторов — да и комсомольских вожаков тоже — в новое время работать по-старому должны быть изжиты. Ждем вашей помощи, дорогие читатели, пишите нам!

ПРОБЛЕМА С ИНДЕКСОМ «МОЛ»

«...легкая промышленность направляется в магазины из ста изделий лишь одно с индексом «мол». Вот почему по стране 60 процентов юношей и девушек уходят из магазина без покупки, а 42 процента из тех, кто купил вещь, ею недовольны из-за ее несоответствия современной моде».

(«Закон коммерции», «Смена» № 2, 1986)

Со временем публикации очерка, в котором ставились вопросы выпуска товаров для молодежи, прошли год. Меняется ли положение к лучшему?

Увы, данные статистики оптимизма пока не вызывают. Промышленность не спешит поворачиваться лицом к молодежи. Что касается торговли, то внешние изменения вроде бы налицо: в столицах союзных республик, в крупных областных центрах спешно открылись магазины «Товары для молодежи». Однако их торговые залы заполнены, по сути, тем же товаром, что и во всех других магазинах. Вот почему, по сведениям ВНИИКСа, даже в московском универсмаге «Молодежный» число молодых покупателей составляет не более 40 процентов, а самая заинтересованная публика — подростков — всего-то три процента. Кстати, подросток легпромом и торговлей отнесен к группе детей: одежда для него и моделируется, и изготавливается по ГОСТам и прейскурантам, действующим для детских изделий... И продается в «Детском мире». Но вот ведь странность: носят-то подростки чаще всего совсем не то, что для них завезли в «Детский мир».

Теперь уже очевидно, что в рамках отдельных отраслей решить проблемы удовлетворения материальных потребностей молодежи невозможно. Это убедительно доказали три года, прошедшие со времени принятия первого совместного решения Минторга СССР и Минлэгпрома СССР об удовлетворении спроса населения на товары молодежного ассортимента. Индекс «мол» можно встретить на изделиях явно ненужных, а иные, вполне ему соответствующие, затеряны в общей массе товаров.

Положение осложняется тем, что трудно запустить для производства товаров молодежного ассортимента обычный экономический механизм: безнравственно было бы поднимать цены на товары, предназначенные студентам, школьникам, молодым рабочим, чей материальный достаток основан главным образом на родительских дотациях.

Значит ли это, что положение безвыходное? Нет. Но требуются нестандартные решения.

Разработка, производство, продажа товаров для молодежи должны быть сосредоточены в одних руках, должны выстроиться в единую технологическую линию, стать единой отраслью. Так не подумать ли о том, что производство товаров для молодежи должно быть делом прежде всего самой молодежи? Может быть, стоит заняться созданием — для начала в пределах какого-то значительного региона — молодежной фирмы? Объединиться молодым модельерам, конструкторам, экономистам — частично на кооперативных, частично на общественных началах. Переaproфилировать какие-то швейные, трикотажные, обувные и иные производства — возможно, также на основе кооперативной.

Разумеется, это дело не на один год. Но чем скорее начать, тем скорее можно будет и увидеть плоды своей работы.

А если подключить к решению проблемы школьные цеха и заводы? Ведь есть же такой опыт.

Есть над чем подумать?

Давайте подумаем вместе. И подготовим предложения к предстоящему съезду ВЛКСМ — о формах организации шефства комсомола над производством товаров молодежного ассортимента. Ждем писем с пометкой: ИНДЕКС «МОЛ».

ЖИВНИ БЕРЕГА

Стихи
Юрия
КЛЮЧНИКОВА

Ирина ЛОБАНОВА

Путь к поэзии непрост. Слагать же в рифму несложно, особенно в наше время всеобщей грамотности, когда любой может овладеть техникой стихосложения. Еще в Царскосельском лицее умение писать в рифму входило в программу обучения, однако далеко не каждый лицеист, учившийся с Пушкиным, стал поэтом. Ибо далеко не всё, что написано в рифму,—стихи.

Но даже если человек написал одно, два или десять хороших, пусть очень хороших, стихотворений,—это вовсе не значит, что он стал поэтом. К званию поэта предъявляются особые требования. Поэт должен обладать своим особым видением мира, неповторимой индивидуальностью. Но и это не всё. Своёобразие не вправе подавлять внутреннюю правду художника, а, чтобы выявить эту правду, выразить свою личность, нужно быть Личностью.

«Если тебе есть что сказать—приди и скажи». Как проста эта формула и как одновременно сложна...

Может быть, именно этим объясняется долгий путь Юрия Михайловича Ключникова к самому себе, к поэзии. Биография его—человека и художника—необычна.

Он родился в 1930 году, поэзией увлекся рано, занимался в литературном объединении и уже в четырнадцать лет опубликовал первое стихотворение в городской газете. После окончания школы Юрий Ключников поступил на филфак Томского государственного университета. Окончив его, работал спецкором в кемеровской газете. Затем в сибирском селе Падуча учителяствовал, был завучем, потом директором школы. Через несколько лет переехал в Новосибирск, стал радиокорреспондентом. Много ездил по Сибири, по всей стране. Коммунист, он в 1964 году был направлен на учебу в Высшую партийную школу в Москве. Окончив ее, вернулся в Новосибирск, где стал главным редактором радиокомитета, затем главным редактором Новосибирской кинохроники. И вдруг он резко меняет образ жизни, бросает журналистику—должность редактора западносибирского издательства «Наука»—и идет работать грузчиком на хлебозавод.

В чем тут дело? Ведь к тому времени ему уже исполнилось 52 года. Как он сам определил, с этого периода, с 1982 года, он возвращается к поэзии. За четыре года им написаны сотни стихотворений, три работы о Пушкине. Именно эти последние годы Юрий Михайлович

считает самыми счастливыми в своей жизни.

«Творчество,—говорит Ключников,—огонь. Оно требует огромной энергии. В наши дни поэту надо быть посолдатским выносливым. Работа за столом, если она становится каждодневной, поэзия, которая тоже требует многочасового сидения за столом, приводят к усталости, а усталость—к болезням. Логика проста: физически ослабленный, болезненный человек рано или поздно, исчерпав себя, становится творчески бессильным. Сейчас я гораздо крепче и вынослив, чем семь-восьмь лет назад. А значит, могу больше писать, мой ум свободен. С простудой, тахикардией расстался напрочь. Труд на свежем воздухе, в жару и в крепкие сибирские морозы, запах свежего хлеба—вот великий источник физических и духовных сил. Для человека пишущего

такой или подобный режим существования в наше время, в конце двадцатого столетия, мне кажется наиболее оптимальным. Недавно и на работе повысили—перевели из грузчиков в бригадиры. Теперь я бригадир грузчиков-транспортировщиков хлебозавода».

Вот таков Юрий Михайлович Ключников. Его неуемная энергия вовлекла его еще в новое дело: теперь каждый отпуск, уже четыре года подряд, он проводит на строительстве Алтайского музея Николая Рериха в селе Верхний Уймон. Музей создается на общественных началах, силами добровольцев, съезжающихся на строительство со всех концов страны. Ими движет любовь к замечательному художнику. Для Юрия Михайловича Николай Рерих не только художник и писатель, но человек, чьими мыслями он восхищается, чью мужественную, трудовую жизнь ставит себе в

пример. Под влиянием идей Рериха написан цикл стихотворений «Алтайский».

«Вера в духовное будущее народа,— пишет о Ключникове Станислав Кунев,— и ощущение своего права на поэтическую проповедь— вот что движет его волей. Стихи подобного рода не просто писать и не просто печатать. Может, поэтому имя его еще мало известно широкому читателю. У него еще нет книги, лишь несколько публикаций. Но я верю: у него все впереди».

Стихи Ключникова лишены внешних изысков, просты, доходчивы. Какой бы темы ни касался автор: будь то военное детство, любовь к женщине, дому, земле,—его всегда волнуют нравственные проблемы. Его стихи гражданственны, глубоко личностны, непридуманны—это в них и подкупает.

В памяти застрял

светло и немо
Ласковый осколок тишины—
Синее саратовское небо
Самых первых месяцев войны.

Есть еще там зарева полночные,
Огненные прорычки наверх
И барак соседский
развороченный,
Точно в ключья
порванный конверт.

Паровозный дым густой и черный,
Долгий путь—
Налеты, крики, рвы...
А за Волгой вылетают пчелы
Не из туч—

из листьев, из травы.

Тихие цветочные пожары,
Жаркой дымкой.
сломанная даль...
Ничего прекраснее, пожалуй,
Никогда на свете не видал.

Что еще?
Покос июньский помню,
Дальних молний частые броски.
Почтальон привозит прямо в поле
Призывные серые листки.

Медленно уходят полулети
В полуутму с медовой полосы.
Тишина. Над нами солнце светит.
На востоке сплохи грозы.

Небом этим, степью,
удивлением,
Красотой, упавшей в сердце мне,
Я обязан маленькой деревне,
А выходит—
и большой войне.

С ними в грудь мою
вашла Россия
Бабушкиной сказкой наяву
И косой тяжелой,
что косила
Только что
подросшую траву.

Солнце и луна

Валки разнотравья покосного
Гребешь и копнишь до луны...
И что я без детства колхозного,
Без ранних трудов, без войны?!
Неловкий, ленивый, заносчивый
И прочее, прочее, прочее,
Что кожей сходило с плеча
В горячих июльских лучах.
Клубника под вилами рассыпью,
Да руки мои коротки.
Добраться бы лишь,
как до простыни,
До синей каемки реки.
Зарыться в медовую травушку,
Проспать под копной до утра!
Луна баловала, как бабушка,
А солнце, как батя:—Пора!

Танго

«Голубые глаза»

На прохладе покосных вечерок
Под фальшивый и хриплый баян
Приглашали
мы взрослых девчонок
Танцевать до рассветных румян.
Голубые глаза.
Довоенная грусть.
Набегает слеза, полыхает гроза...
Примитивно? И пусть!

Ночь дышала лугами и тиной
И туманом реку устелив.
А какая луна выходила!
Точно яблоко
«белый налив».

И катила за спящие хаты,
И мотив замирал на басах,
И смотрели все мимо куда-то,
Мимо нас голубые глаза.

Фольклорный ансамбль

Сложив на животе неловко руки,
Похожие на крышки погребов,
Поют на сцене русские старухи
Про ямщика,
про Волгу, про любовь.

Плынут,

плывут раздольные печали,
Грудная хрюпотца далеких дней,
Когда они
солдатками кричали
на ездовых буренок,
на коней,
С которыми делили воз и ношу,
На трактор,
ставший в поле,
Хоть реви!
На нас,
что лебедой росли,
И все же
Не обойденных
в ласке и любви.
Они порой совсем теряли силы,
Когда в годину горькую свою
По мужикам убитым голосили,
И вот теперь,
вы слышите,
Поют!
Поют, пройдя всех
преисподних круги,
Поют всем сердцем,
сердце веселя,
Поют на сцене
русские старухи,
Двужильные,
как русская земля.

■ Гавриле Державину

Был прямодушен,
простодушен,
Горяч,
любезен и востер.
Любил поесть,
но даже ужин
Червонной одой
ввьсь простер.

Как скульптор древний,
правил хаос,
Парил под солнцем
налегке
И брел,
порою спотыкаясь,

В великом

русском языке.

И не ленился,
и не трусил
Над трудной строчкой
ждать зарю.

Но мнил важней
служенья музе
России службу
и царю.

Ей—всю любовь,
Ему—старанье,
Обоим—

правду и добро

В юстиц-делах,
на поле брани...
А после всех работ—

перо.

Короче,
был, по нашим меркам,
Совсем
непрофессионал...

Когда построим

Башню-Истину,

В музее стройки сохраним
И Воздвиженку,

и Пречистенку,

И тот бульдозер,
что по ним
Ходил в слепом ожесточении
И в ожидании добра.
Не ждем от завтра

мы прощения

За сотворенное вчера.

Мы примем все,
что с нами будет,
Рождая новый мир зари.
И нет богов,
есть только люди,
В которых ярок
свет любви.

Фотокомпозиция Альберта Лехимуса

ОПРОКИНУТЬ МИР

Евгений ДОДОЛЕВ

Есть в жизни явления, которые замечать не хочется. Так скучнее. Можно жить и делать вид, что ничего такого в нашей жизни нет. Можно. Но к чему это приводит? Помогает ли это очищению и оздоровлению нашей жизни?

...Оттого, что так долго, неоправданно долго мы молчали о наркоманах, стало ли их меньше, этих потерянных для общества людей? Спасли ли недомолвки и уклончивые полупризнания кого-либо из юношей и девушек, сжигаемых жаждой пламенем злого влечения, управиться с коим не под силу порой и врачам, если время упущенено?..

Чем меньше внимания обращаем мы на социальные недуги, тем основательнее врастут они в нашу жизнь, тем безназананее чувствуют себя греющие руки на том, о чем стыдливо умалчиваются.

Среди тех, кого в официальных документах несколько застенчиво именуют «так называемые женщины легкого поведения», встречаются и умудренные жизненным опытом сорокалетние дамы со статусом домохозяек, и едва ли не школьницы. Представительницы самых разных профессий. И про любую из них уместно говорить «бывшая»: бывшая манекенщица, бывшая студентка, бывшая официантка, певица, доярка, медсестра... Экс-женщина. Ставшая «так называемой».

Я знал, что поздно вечером она будет высыпывать добычу, прогуливаясь неспешным, праздным шагом от телеграфа до гостиницы и обратно — от подъезда «Националя» до подземного перехода у магазина «Российские вина»...

Клара будет просеивать поток прохожих подкрашенным ситом наметанных глаз и, высматривая в толпе мужчину посолиднее, этими самыми глазами постараётся как можно доходчивее предложить себя... В этот момент сама охотница притворяется добчней. Согласно правилам игры, роли меняются как угодно, лишь цены остаются неизменными. Платят банкнотами и одновременно здоровьем своих детей, собственным будущим, собственными душами...

Отгородившись от проституции стеной молчания, мы не всегда отчтливо представляем, что за этой самой стеной происходит.

А между тем, перейдя все мыслимые рубежи стыдливости, проститутки рано или поздно преступают и рамки закона.

В качестве наводчиц они участвуют в квартирных кражах и грабежах, поставляют на черный рынок заработанные монотонной любовью вещи и валюту, часто сами спекулируют, распространяют порнографию и наркотики... Список этот грустный можно продолжить.

Однако сколь веревочки ни виться...

Вот, например, Кларина подруга, Татьяна Сычева, не так давно осуждена.

Да и у многих из общих знакомых — Нади Дремлюги, Натальи Беловой, Тани Бирман и других — интимные отношения с клиентами перешли в отношения «деловые».

Вообще у ночных охотниц отношения любого рода, даже семейные, легко становятся «деловыми» связями. Небезызвестная среди московских проституток Галия «Чик» не только со знанием дела посвятила в «секреты мастерства» свою несовершеннолетнюю dochь, но и охотно пестует юных родственниц своих знакомых. Мы молчим стыдливо, а она разверзает. Открыто. Не таясь. Совсем еще девчонки с ее помощью делают первые шаги по тропе ночной охоты на валютно-телецном базаре, где покупается и продается все. Именно все. Где нет ничего святого, неприкосненного. Спекуляция, мошенничество, фарцовка — все это вполне приемлемо для тех, для кого целью жизни стала возможность тратить деньги с небрежностью средневекового вельможи.

Избыток шалыхных, быстро заработанных денег тратится на невообразимо дорогостоящие вещицы и сомнительные удовольствия (из показаний Н. В. Дремлюги, 1955 года рождения: «...купила черный свитер с перьями за 130 долларов... передала ему семьсот рублей на покупку наркотиков»).

Весомый и недобрый, словно булыжник, промысел «путан» (так сами себя называют женщины, сменившие свои имена на смачные клички), бултыкнувшись в тихую заводи нашего безмолвия, порождает круг за кругом волны сопутствующих преступлений, последствия которых расхлебывают, как говорится, не только правоохранительные органы, но в конечном итоге и все мы.

Чего стоит хотя бы та же наркомания в среде этих женщин? Чем обворачивается способность переступить через все рубежи стыдливости, которая для девушек, начинающих жить, становится вдруг вещью возможной? Раньше для них это было немыслимым, и вдруг оказывается, что это в нашей жизни есть, что об этом молчат... А эти занимаются своим делом.

Беседа не клеилась, что называется. Пару часов назад мой знакомый, работник «Главинтуриста», позвонил в редакцию и предложил, как он выразился, «устроить пресс-конференцию» с дамой, желающей откровенно поговорить о сложностях и преимуществах самой древней профессии при условии сохранения инкогнито, разумеется.

То, что за Клариной инициативой кроется какая-то особенная и недобрая тайна, я чувствовал, но спрашивать сразу, в лоб, как говорится, не считал нужным. Вопрос этот щекотливый я приберег под конец разговора. Вообще у меня все было продумано, как мне казалось, наилучшим образом. Но вот сидели мы лицом к лицу, и все мои вопросы звучали как-то ненужно. Ничемный, опрометчивый осенний снежок тихо таял на плоскости окна, обрезанного высоким потолком офиса...

Ну в самом деле, имеет ли значение режим ее «работы» или сумма выручки, если я никак не подберусь к ответу на вопрос «почему»?.. Ведь не ради же куска хлеба, пусть даже с маслом и икрой, продается человек? Женщина! Разве у этой икры есть иной вкус, кроме

вкуса унижения? Ведь не умирали они с голода, не жили на улице? Все у них было, что есть у миллионов других. И возможности те же. Они выбрали свое. Что ж в этой торговле происходит с совестью? Куда ее-то девать?

— А чего совеститься-то? — В хриплом, словно со сна, голосе — искреннее недоумение. — Чай, никого не граблю, воровать не ворую. Меня, бывало... Вот как первый раз деньги брала, клянусь, забыла: Вполне рази чо упомнишь? А как впервые ограбили меня, рассказывать могу.

Она зачем-то, погасив только что зажженную сигарету, нервно закуривая вновь. Широкое, по-волжски красивое ее лицо мрачнеет, мелькает злоба в прищуренных светлых глазах.

...Напоминающий римский дворик буфет в холле «Совинцента» был в этот час заполнен от силы наполовину. В основном Кларинами конкурентками и скучающими завсегдатаями, которые интереса не представляли.

На двух блондинках за угловым столом Клара тоже поставила крест — пьют свекольный сок, да и слишком молоды к тому же.

Пускай табачные кольца, Клара вяло переругивалась со своей давней, еще по «Арбату», соперницей. В Анжели ее раздражало все: кроткие влажные глаза, полные африканские губы — было ей непонятно, как это глуповатая девка умудряется зарабатывать не меньше ее. Клары, да и при этом еще избегать неприятностей. «Дуракам везет!» Что-то в этом роде Клара выговаривала слушающей ее вполуха соседке по столику, когда проходивший мимо них один из «братьев» (как успели уже «девочки» окрестить действительно похожих друг на друга блондинов) споткнулся о выставленную в проход ногу Анжели...

Эти симпатичные финны оказались ребятами покладистыми. Сговорились быстро. Выпили за знакомство по бокалу шампанского, и блондинчики двинулись на улицу — ловить такси. Кларе удалось-таки провести Анжели — она «потеряла» ее в вестибюле и, вскочив в машину, бросила водителю: «На Беговую, быстро!» — жестами объяснив скандинавам, что подруга, дескать, в последний момент раздумала.

...Ее не было. Выкрутив руки, заперли в ванной, предварительно включив там свет. Только когда она начала в полный голос, да еще со своими смачными прибаутками, описывать грядущую расправу над блондинами, один из них, приоткрыл дверь, ловко ухватил ее за челку, несильно ткнул подбородком о трубу и устало пригрозил: «Убью...» Затем свободной рукой разбил об угол раковины флангон с лосьоном и, вылив содержимое ей за шиворот, провел зубастым стеклом по шее и добавил: «Веди себя хорошо».

Виной тому то ли стекающая по спине ароматная, прохладная жидкость, то ли струя, но Клару была крупная дрожь.

Она впервые поняла, что в игре по-крупному случаются и крупные проигрыши.

Впрочем, после того как нагло щелкнул замок входной двери, Клара, выбравшись через окошко, соединяющее ванную с кухней, и устроив инспекцию в разоренной квартирке, обнаружила, что залетные ленинградские фарцовщики, работающие под финских туристов, ограничились лишь аппаратурой, дубленкой, сапогами и... порножурналами.

Я не спросил Клару, обращалась ли она в милицию.

Это не в правилах их занятий. С волками жить — по-волчьи быть.

Услугами проституток пользуются не только потенциальные обитатели не столь отдаленных мест или разного пошиба дельцы, не знающие, куда деньги девать. Совсем нет. Вот почему довольно-таки распространено снисходительно-благодушное отношение к женщинам легкого поведения.

Наркомания, болезни, просто уголовщина — обязательные спутники простиции — как-то во внимание при этом не принимаются...

Нередко можно услышать такие примерно заявления: «Ну что такого? Торгует телом, но ведь своим...» Ну, и так далее.

Если уж на то пошло, то подобным образом можно оправдать что угодно. Хоть ту же подпольную продажу спиртного: «Продает самогон, но ведь сам же гнал, не краденый...» А если этим самогоном отравился ваш сын, брат? А если в торговлю собой втягивают вашу dochь, сестру?

Торговля собой противоречит всем нормам нашей народной морали, всегда рассматривалась ею как тягчайшее преступление против общества, его нравственного здоровья. Вставших на этот путь избегали, как прокаженных, с ними рядом никто не хотел жить.

Лев Толстой рассматривал продажу тела не только как безнравственное, но и противовесное нарушение Закона жизни, данного женщине, детородительнице.

Никогда не поверю заверениям тех женщин, которые пытаются подвести под свой грязный промысел мировоззренческую основу: «Продаваясь, внутренне остаюсь в неприкосненности».

Ерунда! Деньги заставляют их забывать не только свои имена, они вытравляют в них все человеческое. И желание набрать, вернее, наспать нужную, допустим, для покупки очередного туалета сумму заставит им все на свете.

Их же кавалеры, несущие деньги на алтарь развлечений, испытывают при этом уважения к женщине не больше, чем к котлете по-киевски. Или сигаретам. Которые, кстати, тоже могут быть дешевые или дороже, с фильтром и без, в разной упаковке и с различным содержанием яда... «Минздрав предупреждает — курение опасно для вашего здоровья». Отчего же мы стыдливо молчим о том, что среди живущих с нами бок о бок людей есть такие, которые не считают для себя зазорным пользоваться живым человеком на манер платной плевательницы или чего-либо еще в

в этом роде, а другие готовы терпеть, если «уплощено»?

Да, да, именно терпеть!

Не стоит обманываться насчет оплаченных страстей-мордаслей. За крайне редким исключением (которое, согласно известной английской пословице, лишь подтверждает правило), дамам этим противно.

— Даже не передать словами,— кривится моя собеседница.— Чтобы понять — попробовать надо.

Попадаются, само собой, и такие, которые симпатяги, при деньгах и обходительные, — продолжает она.— Такому можно и телефон оставить... Только не позвонит! — досадует Клара на такого абстрактного симпатягу, который к купленному товару относится не как к какой-нибудь штучке из «1000 мелочей», а заинтересованно, с теплом, как, допустим, к приобретенному на Птичьем рынке волнистому попугайчику или аквариумной рыбке — все-таки что-то живое, смотрите-ка, какие перышки, какие плавнички...

Но «клары» своей ущербности не ощущают. Отнюдь! Их бы вполне устроил зарубежный аквариум или золоченая клеточка, где можно чистить перышки днями напролет. Многие из них жаждут выбраться за границу, потому что на Родине им не так уютно. Да и что для них Родина? Пустое слово. Их идеалы не здесь.

— ...Работа хоть и интересная — люди там разные, кабаки, тачки, туда-сюда, но нервная. В номер пребираешься — тренишь. Мало ли на кого попадешь. Из номера тоже — «свинят» с валикой, и пошло-поехало: акты, конфискация, пятое — десятое... Ну, а уж в номере, чего там, всякое может быть. Страшновато, конечно.

Клара не без удовольствия прихлопывает тираду крепким словцом.

По ее уверениям, «язык испортила» она на «настоящей, ну, как у всех», работе: до недавнего времени «ночная охотница» совмещала свой промысел с работой в НИИ скорой помощи имени Склифосовского. Сутки через трое.

— Так что времени хватало. И вроде как при деле, а не просто сама по себе. Но надоело таскаться в халате-то. Мне белый цвет не идет... Короче, ушла с работы, с той, значит, а то коситься начали, пошептываться. Завидно им: вроде как санитарка, а на работу на машине прикатываю...

Клара сдавленно вздыхает.

— Ну и вообще свои кое-какие трудности появились. Ведь бывает-то всяко, такое, что и в книжках не прочтешь.

По мнению ночной охотницы, ее профессия ничем не хуже, скажем, работы врача.

— Я же излишки денег изымаю, ну вроде как дурную кровь откачиваю...

Вот так. И еще, оказывается, «помогает от комплексов избавляться». Ни много ни мало. И не нужны никакие врачи, психоаналитики, службы доверия, все просто: приготовь наличные, найди целительницу посговорчивее и, если сторгуется, за сносную плату вылечишься. Есть, правда, риск заболеть чем-нибудь другим... посерезнее. Венерические болезни — спутник ремесла.

Женщины, промышляющие проституцией, либо не работают вовсе, либо устраиваются на должности, где не надо уделять работе столь драгоценное время.

Чаще же всего они просто числятся где-нибудь. Это называется «положить трудовую». Лежит себе трудовая книжка в отделе кадров, а хозяина ее, дорогу забывшая на свое номинальное место работы, занимается в это время совсем другим делом...

Фиктивную работу находят, пусть и не с такой легкостью, как раньше, все те, кто нуждается хотя бы в формальном прикрытии нетрудовых доходов. Правоохранительные органы, ссылаясь на расплывчатость определения этих самых «нетрудовых доходов», отдельваются пока лишь декларациями типа «усилить» да «улучшить». Но ведь пора и за дело браться. До каких пор мы будем миндалничать с теми, кто не только открыто попирает нашу мораль,

но и откровенно презирает всех тех, кто не желает играть по правилам их меркантильной игры?

Не в последнюю очередь с общего нашего попустительства процветают и проститутки, и дельцы от проституции, наживающиеся на сдаче им полуквартир-полупритонов, обеспечивающих их транспортом (особенно ощущимую лепту вносят некоторые таксисты). Не говоря уже о спекулянтах, поставляющих для любительниц пошивать вещицы по баснословно высоким ценам. К этой же братии следует отнести и взяточников, обеспечивающих лореток кооперативными квартирами вне всякой очереди, достающими им дефицитные автомашины. Процентами с постельных денег оплачиваются проход в самые популярные рестораны, путевки на престижные курорты, контрамарки на шумные премьеры, авиабилеты в сезон и так далее.

Получают мзду из рук дам полусвета и руководители (или нечистые на руку работники отделов кадров), устраивающие на фиктивную работу женщин, которые днем предпочитают отсыпаться после ночных похождений. Заботясь о здоровье платных дамочек, они получают свой кусочек от замешанного на крайнем цинизме и раззврате пирога.

Клара и ей подобные считают, что их доходы нетрудовыми назвать нельзя, поскольку с трудом они отождествляют трудности своего ремесла... С таким же успехом можно отнести к труженикам и «работающим» спекулянтов, и «активных» фарцовщиков, и вообще всех «деловых», зарабатывающих, как они говорят, на жизни.

Впрочем, что значит «зарабатывать на жизнь»? Ведь не нужда, не безработица толкают ночных охотниц к гостиничным подъездам. Жадность. Духовная нищета. Желание накопить побольше, не работая. Нет, на панели охотятся именно хищницы, а не жертвы обстоятельств. Ищи, не ищи, а Сонечку Мармеладову, задавленную бедностью, не найти ни среди вызывающих-шикарных посетительниц валютных баров, ни среди постоянных обитательниц ночных вокзалов.

Хотя порой любительницы легкой на-живы в свое оправдание рассказывают трогательные истории про то, как «он» бросил, оставил с близняшками на руках и желание отомстить раскрытило хмельной непристойной калейдоскоп самопродажи, а корпоративная вражда к мужчинам подтолкнула в среду профессионалов... Ну и так далее...

Статистика утверждает, что процент психических расстройств среди проституток значительно превышает средние показатели. Зависимость примерно такая же, как между потреблением табака и раковыми заболеваниями. Но ведь если от никотина действительно бывает трудно отказаться, к нему человека влечет каждой клеточкой, участвующей в обмене веществ, то бросить заниматься самопродажей ничего не стоит, если... если у тебя что-то есть за душой. Но жажда наживы вытравливает в человеке все. В этих существах остается только она. Она командует ими. Ради нее они забудут все, что угодно, все, что угодно, продадут. И кого угодно. Начав с себя. Со своих детей.

То, что продажа тела и духа, которые неразделимы, стимулирует развитие психопатии, истерий, отмечали почти все писатели, в поле зрения которых попадали женщины легкого поведения.

А вдруг случается и обратное? Кому-то мысль продаться приходит в голову оттого, что голова эта не совсем в порядке?

— Ну-у, нет! — с легким оттенком недоумения в прокуренном голосе протестует Клара. — Чушь какая-то. Чтоб, значит, «крыша поехала» и от этого вышла придумка зарабатывать? Наоборот, я так думаю, те, которые деньги не берут, — ненормальные. Или стесняются, что ли... Как? А вот так: спит себе и спит с ним, а втолковать ему — давай, мол, милок, по счетчику набежало — духу не хватает. Или мозгов. А он сам не «догоняет», что пора уж и раскошили-

ваться... Ну, а начисто чокнутых — их везде хватает. Вот давнишняя моя приятельница, ее так и зовут — Инка «Дурная», — уж под сорок, а замуж на аркане не затащишь. Мужиков, говорит, их обицать до нитки надо. Люто ненавидит. Да и то сказать — телка она видная...

...Было это лет двадцать назад. Жила-была в Николаеве скромная девушка Нина, знавшая о продажных женщинах лишь из итальянского кинофильма «Ночи Кабирии» да французской классической литературы.

После окончания техникума она отправилась по распределению на далекую Камчатку. Работа в рыбном хозяйстве была нелегкой. Мало того, что пришлось Нине после родительской опеки да ласкового южного солнца привыкать к самостоятельному житью-бытью и студеным ветрам, ей еще очень не повезло на людей. Вернее, на мужчин... Много недобрых историй могла бы рассказать эта потрапанная шальными ночами, но ухоженная рыжеволосая дама. Долгом своим Инка считает не только лишать клиентов наличных, но по возможности и семейного благополучия, душевного равновесия.

Вот уже два десятилетия изо дня в день ловит она совсем другую рыбку в шумном потоке «гостей столицы» и посетителей вечерних ресторанов.

В ее позиции нет и намека на пугающую-слепую, но все же с оттенком жертвенности злость Женьки из «Ямы»; герояня Куприна намеренно заражала посетителей дома терпимости сифилисом, потому что считала их повинными и в своей собственной беде, и в покалеченных судьбах товарок.

Затянувшееся же на долгие годы «отмщение» Инки подразумевает прежде всего нахважи.

Быть может, это поза? Поза предполагает недвижимость, лосколько статичность ее рисунка обязана убеждать, что все уроки жизни уже усвоены. Все самое главное — позади. В глазах иных ее знакомых Инкин бизнес оправдывается горькими словами о тяжкой доле провинциальной девушки, столкнувшейся в нежном возрасте с грязью и предательством. Но, ступив на путь-дорожку более чем сомнительной «вендетты», эта наивная голубоглазая девчушка превратилась в опытную, расчетливую и нечистоплотную торговку теплом своих рук и собственного дыхания.

Недалекая, не развитая ни духовно, ни душевно девушка, воспитанная без всякого уважения к человеческому достоинству, к нравственным и моральным ценностям, столкнувшись с бедой, сделала аморальный выбор. Почему? Это было проще всего. Внутри ничего не протестовало. Потому что внутри ничего не было. Там, где мы ничего не вкладываем в души, где видны прорехи воспитания, растут сорняки, разливаются гряды.

Даже оставаясь в рамках Уголовного кодекса, эти женщины переходят границы кодекса морали.

Но... Той же Кларе, например, мысли о нарушении нравственных норм, похоже, в голову и не приходят. У нее свои нормы. Свой, извращенный кодекс чести. Свои установки. И цена тоже своя. Равно как и у ее подруг.

Что-то связанное с ними, вернее, с ее отношением к ним, и подтолкнуло Клару на эту встречу.

Однако удобный момент выяснить подлость нашего «рандеву» я, видимо, упустил. Светлоглазая магдалина, курящая одну за другой дорогие, шоколадного цвета голландские сигареты, украдкой посматривающая на часики, беспокойно постукивала накрашенными коготками по лаку письменного стола. За окном уныло-синие тона провалились на второй план, вечернее освещение нахально утверждалось неоново-электрическими узорами на темном бархате осеннего вечера. Клара торопилась на «работу».

Мы договорились встретиться снова, связавшись через нашего общего знакомого, здесь же, в его кабинете.

Я не знал, что больше не увижу ее...

Окончание следует.

ЧЕРНАЯ КАШИЦА

Евгений
ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Вечером над железнодорожной станцией, за разбитыми переходными мостами, повисшими растерзанным ржавым железом, за обгоревшим кирпичным остовом водокачки на полнеба польхнуло дымное зарево. Взвизгнул смертельно раненный паровозик крипты, тревожным гудком и затих, заглушенный раскатистым взрывом. Зенитные разрывы расцветили чистое вечернее небо, потом снова ухнуло, и на узле связи по звуку определили наверняка, что опять попали в эшелон с боеприпасами. Чего ж они их на станцию принимают, ведь каждую ж ночь бомбят!

Горели цистерны с горючим. Отсветы недалекого огня ложились на лица дежурных смены. Стены вздрогивали. Посыпались стекла. Сколько там было до станции? Километра два, три? Разве это расстояние по военным, фронтовым масштабам? Скоро и до нас доберутся, маскировку следут проверять, подумал старший батальонный комиссар Матвей Филиппович Аланасенко, подшивая свежий подворотничок.

Он только что вычистил сапоги, побрился, пах тройным одеколоном, потому что гигиена прежде всего. Гигиена и внешний вид военнослужащего. Когда-то на заре своей армейской службы он понял раз и навсегда, что командир, тем более политработник, обязан быть примером для личного состава и никакие такие отговорки, ссылки на неудобства походной жизни не должны приниматься к сведению.

Старший батальонный комиссар посматривал в сторону станции, довольно ловко орудуя иглой. На душе у него было тревожно.

Батальон, в котором он служил, обеспечивал связью авиацию Юго-Западного фронта и размещался в Валуйках, населенном пункте с крупным железнодорожным узлом, который немцы, прорвав нашу оборону, сразу же и подвергли жестокой бомбардировке.

Телеграфная и особенно радиосвязь в условиях бомбёжки дело сложное, требующее величайшего напряжения. Что стекла в окнах выпадут от взрывной волны — это ладно, это можно новые вставить, можно фанеркой подлатать, дежурная смена останется на своих местах. Беспокоило другое. Откуда у немца такая сила? Оно, конечно, всю Европу под себя подмял, но сколько ж у него самолетов, если на какие-то Валуйки столько приходится? И курсанты из учебной роты недоумевали, особенно там одна глазастенькая выступала решительно. Почему, мол, составы на станцию принимаются? Как так можно? Они даже рапорт коллективный — это в армии-то! — собирались писать и подать по команде, чтобы прекратить это безобразие.

— Нельзя так халатно относиться к своим обязанностям в военное время! Нельзя! Железнодорожники... Их бомбят, а они забивают станцию снарядами. На всех путях составы со снарядами.

— Военные грузы вообще имеют свойство взрываться, — мрачно заметил старший батальонный комиссар. — Особенность такая. Член Военного совета знает. Железнодорожники, товарищи курсанты, тут ни при чем. Война, одним словом, идет.

Он был прав, но девушкам от такого довода легче не стало. Не успокоились. Они к командиру батальона военинженеру третьего ранга с тем же вопросом обращались. Гражданские люди! И снова та красавая, с темными глазами, первой выступала. Привыкла, понимаете ли, в гражданской жизни к тому, что хороша, что у нее успех, все на нее внимание обращают, и в армии думает с теми же ориентирами прожить. Нельзя так, голубушка, нельзя...

Батальон в полном составе перебазировался в Валуйки из Воронежа в начале мая. Весна выдалась ранней, душистой. Пахло теплой землей. Валуйки славились яблоневыми садами и самосадом.

Узел расширялся. Приняли новые связи, улучшили монтаж. Научились кое-чему за год военных действий. Генераторную станцию вынесли на сто метров в отдельное помещение, все, как предусмотрено уставом, питание подали по подземному кабелю, и тут началось. Подкатился фронт к тихим Валуйкам. По документам, которые проходили через руки старшего батальонного комиссара, он знал, что войска нашего Юго-Западного фронта после неудачного наступления на Харьков отступают.

Дорогой вечер. Красное солнце, обещая ветреную погоду на завтра, садилось за крышами домов, наскоро превращенных в казармы. Все говорили просто — дома для личного состава, и только комиссар упорно говорил — казармы, хотя отлично понимал, что общарпаные эти домишкы так же похожи на казармы, как тот часовской у КПП, которого он видел из разбитого своего окна, заклеенного тонкими полосками белой бумаги, похож на настоящего часовщика, каким ему надлежит быть. У шлагбаума за дощатой, наспех сколоченной будкой прохаживалась девушка с шинельной скаткой через плечо, с противогазом, все по форме, зато пилотка кокетливо съезжала на висок на русой волне. Пилотку, небось, заколкой зафиксировала, подумал Аланасенко, иначе давно свалилась бы. Про себя он отметил, что скатка уродует женскую фигуру, и устыдился этой мысли: о чём я? Часовой... При всем при том винтовку держит правильно, как положено, и то хорошо. Сколько труда вложено, чтоб по крайней мере уставной вид придать всему этому воинству. Была рота как рота, отдельная рота связи, потом ее развернули в батальон по штатам военного времени, и пришли к ним девчонки, курсанты досрочных выпусков Харьковских и Ростовских курсов радиотелеграфистов. И сразу с первых дней — дежурство в боевой радиосети. Пришли опытные телеграфистки с гражданских телеграфов, вчера еще на высоких каблуках, в крепдешинских ходили, телеграммы принимали — выезжала, жду, целую, твой, твоя — и еще, небось, замечания делали гражданам: «Пишите разборчиво! — и бланк в окошечко от себя откладывали тонкими пальцами в маникюре, а сегодня солдаты. Вон она стоит на посту, шею нежную вытягивает, смотрит, как на станции польхает, и, если на винтовку штык надеть, как раз одного роста боец и его оружие.

А сколько сил потрачено, чтоб поняли азы армейской службы: как в строю стоять, что такое строй, как к командиру подойти, подход, отход, а то:

— Матвей Филиппович, Матвей Филиппович...

— Я вам, товарищ курсант, не Матвей Филиппович, а в данный момент военного времени товарищ старший батальонный комиссар. Так надо обращаться. Поймите, вы в Красной Армии, а не у себя на Центральном вашем телеграфе.

— Я в почтовом отделении работала, Матвей Филиппович, то есть, простите, товарищ старший батальонный комиссар.

— Не простите, а виновата.

— В чем я виновата?

И действительно, в чем она виновата? В чем они все виноваты, девчонки, добровольно пришедшие защищать Родину или призванные на военную службу от папы и мамы строгой повесткой райвоенкомата? Видимо, суть женская такая, что многое в армейской жизни они органически не могут понять, успокоил себя Аланасенко. Вместо салог на боевое дежурство тапочки обувают.

— Вы почему в тапочках?

— А так удобней, ноги к концу смены гудят. Мы всегда так...

Что тапочки! Случалось, вместо гимнастерки блузку наденет с украинской яркой вышивкой, из дома, види-

мо, прихватила в том вещевом мешке, в котором положено иметь кружку, ложку, две смены белья. Женщины... И как их ругать за это? Как наказывать?

— Товарищи, — говорил военком, — сделать из гражданской девушки красноармейца, дисциплинированного бойца, владеющего специальностью телеграфиста или радиста, совсем даже не простое дело. Большую роль в привитии воинских навыков играет строевая подготовка. И вы не улыбайтесь, в строю не положено ульбаться. Со строевой подготовки начинается служба. Строй подтягивает, дисциплинирует...

Старшина Бахметов кадровый, голос зычный, бывало, крикнет:

— Выше ногу! Тверже шаг! Запевай: «Петлицы голубые, петлицы золотые...»

Или еще у него была любимая песня для строя. Девчонки пели:

— Бей, винтовка, метко, ловко,
Без пощады по врагу.
Я тебе, моя винтовка,
Острой саблей помогу.

Учил их, как мог. Они у него строевым ходили. А какой там строевой: сапог — сорок третий, нога — тридцать пятый, вот и бьет она строевым, сначала сапог, потом ногу. Разуется, портняжка съехала, сбилась в комок, нога голая, вся в крови. Горе луковое. Ну да ладно, это все придет, успокаивал комбат Белоусов. Аланасенко соглашался. Хуже было с разными женскими фантазиями: то ночью в карауле светлячков за лазутчиков вражеских приняли, стрельбу открыли. Быка увидели, побежали, а до этого строем шли с оружием.

— Да как же вам не стыдно? А если танк фашистский на вас пойдет, вы от танка тоже побежите?

— Нет, от танка не побежим. В быка стрелять нельзя.

При всем при том и военком, и старослужащие признавали, что со своими служебными обязанностями девушки справляются отлично. Очень старательно, аккуратно работают. У некоторых большой опыт, телеграфистки классные, но с трудом усваивают, что армия не гражданская. И вот фантазии отсюда. У каждой своя фантазия. Фотографии женихов вешают над койкой, цветы, салфеточки расшитые. Какие такие салфеточки, возмущалась Аланасенко. Война идет! А потом оставал: может, им это нужно?

Комбат Борис Петрович Белоусов сказал:

— Смотри на такие вещи проще.

— Или сложней?

Так у них однажды разговор по душам начался.

— Или сложней, — согласился Белоусов. — Женщина на войне — явление новое, мы всех последствий еще не знаем. Женщина — мать, хранительница очага, женщина — любимая. Ведь если мысленный взгляд в историю кинуть, женщина-солдат и не бывало, так что целый батальон из них сформировать или даже роту. В армии мужские традиции, мальчишка с детства в войну играет, ружье у него, барабан, а у девочки — кукла, цветы, вышивание.

— Фантазии у них!

— Это само собой. Да еще в мужском окружении. Все-таки в авиации служим, кругом женихи один другого краше.

— Это я понимаю. Не ясно только, почему мы им классными дамами должны быть, за поведением их смотреть?

— А почему нет, если нам их доверили? Мы старше, опытней.

— Трудно.

— Нелегко.

Воен инженер третьего ранга хоть и окончил военную академию, в армейских тонкостях разбирался, но, по мнению военкома, был человеком без военной косточки, слишком мягким в сложившихся обстоятельствах. Враг наседал, не сегодня завтра смертельный бой случится принять, какие уж тут цветочки, одна вон кошку вышила и лебедей. Плынут по глади вод. И это в казарме! Служба есть служба. Запретить? Самое простое — запретить. Главное, не позволить себе размякнуть, поблажки им начнешь делать, пиши пропало. Аланасенко больше всего именно этого боялся. И дрогнул только раз. Ночью на дежурстве телеграфистка плакала у аппарата. Закрыла лицо руками, слезы падали на движущуюся ленту. Он подошел, прочитал: «Самолет №... мотор №... на базу не вернулся». Подумал, может, там отец, брат, жених этой телеграфистки в этом самолете. Надо было найти слова утешения, положил руку на ее вздрагивающее плечо, она подняла глаза, полные слез, сказала:

— Жалко...

— Война, — сказал военком и отдернул руку, а потом простить себе не мог поспешности, с какой готов был почувствовать. Раскис, увидел, собой хороша, руку на плечо.

— Вид красоты рождает смущение, — сказал комбат.

А если кто подумает, амуры хотят завести? Влюбился? Больше всего старший батальонный комиссар боялся не того, что влюбится и этим подаст пример для подражания — влюбиться он не должен был, не имел права как женатый человек, но мог к кому-то относиться лучше, к кому-то хуже, сам не замечая этого. Ну вот та, красивая, что на железнодорожников собиралась жаловаться члену Военного совета, он у нее фамилии не спросил, а у подруги ее, она всегда с подружкой

ходила, чего проще! Запросто мог бы: «Товарищ боев, подойдите ко мне. Как ваша фамилия?»

— Знаешь, — сказал он комбату, — в нашем положении строгость необходима, как основное средство поддержания самодисциплины. Тут ведь только начни, дай поблажку, и семью забудешь, и жену, которая ждет.

Комбат пожал плечами:

— Чувство выражается тем энергичней, чем лаконичней средство.

И что он этим хотел сказать?

Часовой все ходил (ходила, совсем запутаться можно!) у шлагбаума, и лихо сдвинутая пилотка не падала. Лицо у часовника было строгим. Службу несет старательно, отметил старший батальонный комиссар, перекусывая нитку и пряча иголку за подкладку фуражки.

Надо было идти проверить маскировку, посмотреть, как работает смена на узле связи, поинтересоваться, какие новости поступают с передовой. Положение, сложившееся под Харьковом, тревожило Аланасенко, он понимал, что именно на их фронте решается сейчас судьба летней кампании этого, сорок второго года.

Зарево над станцией все разгоралось и разгоралось. Рвались боеприпасы, судя по звуку, артиллерийские снаряды. Патроны рвутся не так и мины иначе. Зенитки молчали, значит, немцы,бросив бомбы, улетели. Теперь они должны были снова прилететь минут через пятнадцать. Они всегда налетали волнами с интервалами в десять — пятнадцать минут. Последнее время — каждую ночь.

Аланасенко относился к бомбежкам спокойно: привык. Он был кадровым военным, за его плечами две войны стояло, он так говорил не без гордости, когда в политотделе просился в другую часть: «У меня две войны за плечами...» И грудью вперед двигал, чтобы видно было медаль «Двадцать лет РККА». Однако перевод в другую часть это не способствовало. «Вы здесь нужней», — ему сказали, а вот относиться к ночных налетам без страха прошлый опыт помогал. За сорок первый год особенно много пришлося ему пережить по этой части: и эшелон его бомбили, и под откос он на полном ходу прыгал, и как-то из горящего бензовоза высакивал в придорожный кювет, гимнастерка горела и брилки.

Узел связи — сложный организм. Сердце и пульс. Разобраться во всех тонкостях его работы не так-то просто, а потому первым делом Матвей Филиппович отправился именно туда, на узел. На шатком крылечке вытер ноги о разостланную мокрую тряпку.

Заканчивался прием донесений об итогах боевых операций за прошедший день. Поступали разведанные, шли сообщения инженерной службы о состоянии и потерях боевой техники, обеспечении запчастями, боеприпасами. По всему было видно, немцы начали широкое наступление и пока остановить их ни сил, ни средств нет. Мимо прошел знакомый капитан из разведотдела с мотком телеграфной ленты в руке.

— Как там? — спросил Аланасенко.

— Прет, — коротко ответил капитан и ладонью провел пробор, — опять танки... Откуда он их берет?

Мы несли крупные потери, и сердце старшего батальонного комиссара скжалось. Он сводку пробежал глазами. Конечно, его место было там, на передовой, где шли бои, в строевой части ему следовало служить, там, где можно разить врага, видеть его мурло ненавистное и мстить! Старший батальонный комиссар повернулся

Рисунок Игоря Нечаева

налево кругом, пошел вдоль работающих телеграфных аппаратов, заполнявших все крохотное пространство знакомым с довоенных, уже таких далеких, времен электрическим, равномерным стрекотом. Все было, как всегда. Начальник смены только что закончил прием и сдачу дежурства, проверил оставшуюся от предыдущей смены, не переданную корреспонденцию и, низко склонившись над столом, распределял ее по степени сложности, срочности, важности. Надо было распределить операторов по рабочим местам с учетом их квалификации и уровня загруженности отдельных направлений. На Харьков, на Воронеж шел главный поток в сражающиеся армии. А тут рядом с малоопытными девчонками работали такие асы, как Лиза Холод, Лизочка — и это надо было учитывать. — Лизочка в сороковом довоенном году установила у себя на телеграфе личный рекорд: передала за семь рабочих часов 810 телеграмм! Ей тогда начальник ее гражданский говорил: «Лизочка, если ты уйдешь с телеграфа, телеграф развалится».

Два показателя всегда определяли искусство телеграфиста — быстрота и чистота работы. Сержант Ходод передавала у них в Валуйках по две тысячи слов в час, не допуская ни одной ошибки!

В гражданской телеграмме можно номер поезда напутать или слово какое исковеркать, Матя, Мотя, Валя, Воля, неприятно, конечно, обидно, но в общем-то поправимо, а вот военный телеграфист ошибиться не может, виноват Аланасенко курсантам. «Вы ошибиться не имеете никакого права. Ясно, товарищи?» «Ясно», — ему отвечали дружно. «От одного слова порой судьба боя решается, жизни тысяч наших советских людей!»

Приближалась ночь. Из отделов штаба уже начали поступать на передачу документы с боевыми заданиями полкамочных бомбардировщиков, нацеленных на немецкие аэродромы и танковые скопления. Теперь уже сомнений не было, враг накопил на юге крупные силы и жаждал реванша за зимнее поражение под Москвой. Дали ему тогда по морде, но мало. Надо было еще!

Передавались задания частям и соединениям штурмовиков и истребителей, которые начинали действовать с рассветом. Сейчас на притихших аэродромах вовсю шла подготовка к полетам. Поступали зашифрованные приказы, данные метеослужбы. Погода на завтра обещала быть летней.

Все шло, как всегда. Была получена общая разведывательная о положении на всех фронтах. 11-я немецкая армия, усиленная авиационным корпусом и сверхмощной артиллерией, перешла в наступление на Керченском полуострове и, заняв Керчь, начала готовиться к штурму Севастополя.

Когда-то до войны Аланасенко был в Севастополе проездом из дома отдыха, запомнилось голубое, ласковое море, нарядные моряки на Приморском бульваре, затуманенные утренней дымкой корабли на рейде. Значит, и там теперь война, рвутся бомбы, льется людская кровь. Старший батальонный комиссар прошел ладонью по лицу, отгоняя страшные видения войны.

Неудачный для Красной Армии исход наступательной операции в районе Харькова и на Керченском полуострове до крайности осложнил обстановку на южном крыле советско-германского фронта. Сейчас бы закрепиться нам на хорошем рубеже, резервы подтянуть, людей ободрить, заставить поверить в свои силы, думал Аланасенко. Главное сейчас не растеряться, осмотреться, силы собрать в кулак. И на нашей улице будет праздник.

Он заметил: ночной узел связи успокаивает его, вселяет уверенность. Все здесь деловито, все своим порядком, строго, по раз и навсегда установленным правилам свершается, и это военного человека, привыкшего к дисциплине, не может не подтягивать, не настраивать на деловую волну. Он прилив энергии чувствует и себя участником большого дела. Всю ночь идут приказы из Ставки, материалы штаба фронта, документы по взаимодействию с соседними фронтами, с наземными войсковыми соединениями, которые ведут сейчас, может быть, в эту самую минуту, ожесточенные бои и требуют авиационной поддержки. Сейчас, немедленно, и завтра с рассветом обязательно!

Ночью слышней не только звуки, но и запахи. Ночной узел связи с некоторыми порах пах духами: у кого-то из курсантов с довоенных времен сохранился фланкон, и вот, выходя на боевое дежурство, не выдержала, подушилась. Узел пах выглаженным бельем, душистым мылом, крахмалом, удивлял неожиданным бантом под пилоткой — в уставе про бант ни слова! — удивлял колечком на пальце. И все это напоминало дом, устроенный был, настраивало сердце на нежность.

Аланасенко свою глазастую увидел, — вот ведь уже свою, — отвернулся, спрятал руки за спину.

Узел связи обеспечивал прямые телеграфные переговоры с командирами авиационных полков, дивизий, уточнял донесения разведчиков. Война — не женская работа, но с некоторыми порах старший батальонный комиссар ловил себя на том, что ни один мужчина не сможет так вести себя за телеграфным аппаратом, как эти девчонки, когда стоит рядом командир штаба из оперативного или разведывательного отдела, нервничает, говорит быстро, а то и словцо русское крылатое

вернет познергичней, которое пропустить следует, а все остальное надо передать быстро, без искажений, понимая военную терминологию, это тебе не «жду, целую, встречай!» — это война, судьба миллионов, может быть, всей нашей необъятной Родины от Северного Ледовитого океана до жарких среднеазиатских пустынь, и надо быть собранной, спокойной, выдержанной, стараться не реагировать, не нервничать, не переспрашивать — нельзя! — и какие же они все-таки молодцы! Работают вслепую, не глядя на клавиатуру, всеми десятыми пальцами. А ну, сам попробуй?

— Все отлично у вас, — сказал Аланасенко дежурному и уже к двери с хромовым хрустом повернулся, чтобы идти проверять маскировку и караулы, когда за окном ухнуло, посыпалось остатки стекол, куски штукатурки с потолка и стен, два самолета пронеслись на низкой высоте, будто накрыв тенью. Раз и еще раз. Польнуло пламя. Это совсем рядом, в расположении зенитной батареи, прикрывающей штаб фронта, а значит, узел связи и «казармы» батальона.

Ударили зенитки, пыльное малиновое пламя вспыхнуло в пустых проемах окон. И замелькало... Пол заходил ходуном.

Первым желанием было выскочить на крыльце, упасть на землю, ползти в укрытие, вырытое во дворе, лечь, вжаться в землю. Но есть долг, и надо держать себя в рамках, как положено. Старший батальонный комиссар поправил фуражку. С ног до головы его обсыпало мелкой известковой пылью, он рукой по гимнастерке провел, плонул под ноги, пыль скрипела на зубах.

Взрыв оглушил его, теперь он не слышал стрекота телеграфных аппаратов, но все так же бегали по клавишам проворные пальцы дежурных телеграфистов. Они хоть бы что, сидели по местам. Еще раз рвануло. Ясно, теперь бомбили узел связи. Нащупали.

Странное дело, с ранней весны в Валуйках напала на деревню какая-то гусеница. Местное население такого нашествия не могло припомнить. Гусеницы были толстые, лохматые, удивительно прожорливые. Их прозвали фашистами. Фашисты заползали на нары, падали в суп, а проползая по коже, оставляли жгучий след. Бороться с этими паразитами не было никакой возможности, и самое неприятное состояло в том, что, жадно объев всю листву с деревьев, с яблонь, с тополей, они демаскировали узел. Комбат Белоусов специально летал на У-2 над расположением батальона, расстроился и приказал принять меры. Маскировку усилили, но вот, видимо, не помогло или разведка немецкая донесла своим, что рядом со станцией крупный узел связи, и так дальше.

Комиссар Аланасенко по собственному опыту знал, понимал: теперь в покое не оставят, будут бомбить и бомбить, пока всю душу не вытрясут, не вымотают.

Уйти, оставив дежурную смену в полуразрушенном здании, он не мог. Но его уже разыскивали, тут к нему рассыпанный подлетел, вскинул руку к пилотке:

— Товарищ старший батальонный комиссар, горит склад боеприпасов! Пожар кругом...

Склад боеприпасов размещался по задворкам в сараев за невскопанными огородами, буйно поросшими в тот год сорной травой. Там в ящиках, сложенных штабелями, хранились снаряды зенитной батареи, все четыре орудия которой вели беглый огонь. В небе метались сполохи разрывов, белые, розовые, горели сараи, маленькие фигурки людей выносили ящики со снарядами, сгибаясь под тяжестью ноши, мелко семени ногами. Бомба упала рядом с автомобильной телеграфной станцией. Сержант Долгополов в распоясанной гимнастерке, босой, — спал он, что ли? — вспрыгнул в кабину.

Времени разбираться, анализировать свои действия не было совсем: новая волна бомбардировщиков захлестнула на бомбежку. Низко шли. Яркая вспышка высвятила фюзеляж чужого самолета, похожий на большую железную рыбку с крестом на боку. Блеснуло остекление кабины. Матвей Филиппович, пригибаясь, побежал к сараю, пламя уже охватывало крышу. «Воды! — кричали. — Воды! Воды поблизости не было. Аланасенко вбежал в сарай, выхватил ящик из краиного штабеля, прижал к себе, потащил на улицу, в безопасное место. Батарейцы помогали связистам. Старший батальонный комиссар многих своих увидел, узнал, и девчонки учебной роты тоже ящики ворочали, по двое на один, у них такая расстановка сил произошла. Старались, спешали, на лицах пот и копоть, отсветы разгорающегося пламени. Ветром нежности захлестнуло Аланасенко. Он вкус слез на губах почувствовал. Скорей! Скорей! Вот ведь тоже, быка боятся, а то, что сейчас запросто на воздух можно взлететь, об этом подумать некогда. Взрывной волной комиссара свалило с ног, он встал, в ушах звенело. «За меня! — крикнул. И снова — в сарай. А там — огонь и смерть в ящиках. «Ты должен! — он себе приказал. — На тебя смотрят!»

Все снаряды вытащили. Сарай рухнул. Сноп искр взлетел вверх. Аланасенко сел на землю.

— Товарищ старший батальонный комиссар, а где ваш сапог?

— Чего?

— Сапог где? Ваш сапог?

Тут-то Аланасенко и заметил, что одна нога у него разута. И где он мог потерять сапог — полная неясность по этому вопросу.

С той ночи личный состав перевели в лес за два километра, там развернули палаточный лагерь. Спали на земле, все, как у партизан. И каждую ночь тушили пожары, восстанавливали связь, оказывали помощь раненым и обожженным. Все эти дни и ночи смешались у Матвея Филипповича в одну непрерывную бомбежду без начала, без конца, он уже выделить какой-то четкий отрезок времени не сумел бы: все спуталось в клубок, из которого жилку не вытянуть, только разве кусачками перекусить.

Наконец 30 июня в ночь батальон, поднятый по тревоге, вместе со штабом фронта получил приказ следовать в город Россось, куда несколькими днями раньше отправили передовую команду. Они должны были подготовить там запасной узел, который бы принял на себя работу по обеспечению связью, пока караван машин с оборудованием батальона в полном составе не прибыл в Россось — тихий городок в прошлом, купеческий, дремавший в своих садах и огородах на левом берегу безвестной речки Черная Калитва на железнодорожной линии Москва — Ростов-на-Дону, где жаркий курортный поезд стоит две минуты.

Все авиационные части фронта находились в движении, а потому основная тяжесть обеспечения управления легла тогда на радиосвязь. Работа шла непрерывно, с большой нагрузкой. Шифровки передавались ключом, а принимались на слух под карандаш. Не дело без проводной связи. Не дело без телеграфа, но выхода не было: враг напирал, мы отступали. Немцы заняли Валуйки. И опять был приказ сниматься в ночь и двигаться по дороге. Куда? Военная тайна.

— Вырастут наши девушки, — сказал Белоусов, — мамами станут, детей нарожают. Молодость будет вспоминать, войну да бомбажки. Тебе, Матвей Филиппович, мама сказки рассказывала?

— Бабушка.

— Мама, бабушка, женщина, одним словом. Я о том думаю, какое же это поколение вырастет, кому женщина о войне рассказывать будет.

— Мудрое вырастет.

— У меня дед в первую мировую воевал, в штыки под Ригой ходил. А бабушку солдатом я представить не могу. Ни бабушку, ни маму.

— Я тебя понимаю, — сказал Аланасенко.

Предстоял тяжелый марш с форсированием реки, наверняка под бомбами. Если немцы заметят с воздуха большую колонну, бомбить будут досыта. А потому название той реки — Черная Калитва — с самого начала на слух было для старшего батальонного комиссара зловещим.

Накануне марша военник-инженер третьего ранга Белоусов совершил облет дорог, идущих от Россоси на Задонск и Калач. В безоблачном небе сияло летнее солнце, степь, еще не выжженная зноем, безмятежно благоухала свежим разнотравьем.

— Ты смотри, Борис Петрович, ежели что, прямо иди на вынужденную. «Мессера», они за штабными самолетамишибко отходят. Им за У-2 сразу железный крест дают. Так что ты ниже держись, к земле прижимайся, — советовал Аланасенко своему командиру. — Тише едешь — дальше будешь.

— Спасибо за заботу, — отвечал Белоусов, напряженно улыбаясь, поправлял портупею и прилачивал на боку потерпевшую сумку. — Что написано в книге судеб, то сбудется.

— Где такая книга? — нахмурился Аланасенко.

Комбат вернулся к вечеру усталый, сосредоточенный. Ему вытянули из колодца ведро воды. Он стянул через голову пыльную гимнастерку, вымылся по пояс, фыркал, мотал головой. Пригладив рукой мокрые волосы, сказал:

— Двигаться будем на Черную Калитву и далее на Калач. Немец выходит к Задонску, так что другой путь нам уже перерезан. Теперь, Матвей Филиппович, одна дорога остается по книге судеб.

В ту ночь передовые немецкие части подошли к Россоси. Линейщики демонтировали узел, снимали кабель под огнем. Батальон уже снялся, ушел, последние машины без огней скрылись за поворотом в 22.00. Слышались отдельные выстрелы, рев танковых моторов. К ночи стрельба стала слышней. Пролетел немецкий самолет, повесил несколько осветительных ракет, в их белесом, неживом свете притих опустевший город, горела нефтебаза, потом появились люди с узелками, с маленькими детьми на руках, с тачками, нагруженными домашним скарбом. Беженцы. Черная Калитва — горе безутешное. Проскакал всадник. «Стой! — ему крикнули. — Порвешь кабель!» «Бросай к чertу свою паутину, — он огрызнулся, — немцы здесь!» — и пришпорил коня. Шли дети, держась за юбку матери. Старик толкал перед собой тележку и на ней книги. «Зачем тебе книги? — хотел спросить Аланасенко, но не успел: надо было грузить на машину смотанный кабель. На ночных улицах начали рваться мины. Немцы заняли вокзал, там на привокзальной площади поставили батарею, автоматчики группами прочесывали улицы, постреливая короткими очередями.

Ехать мимо вокзала по шоссе не рисковали, съехали на обочину, двинулись стильно, ориентируясь по компасу, в балке, уже за городом, наткнулись на немцев. Темно-зеленые тени метнулись навстречу. «Хальт! Хальт!» Отбились! Стреляли из кузова, из кабин. Это был самый настоящий бой, о котором мечтал старший

батальонный комиссар, бой с видимым, реальным врагом. И враг отступил. Через час выехали на укатанную дорогу. Осмотрелись. Позади была Россось, занятая врагом. Черный столб дыма поднимался в неподвижной предутренней тишине. Издали стрельбы не было слышно, тишина разливалась во всем видимом пространстве и, благодать, будто кончилась война. Мирная тихая степь простиралась на сколько хватало глаз. Но покоя не было. Опять отступали. Говорили, в Россоси немцам достались тылы штаба фронта, отступление принял поспешный характер, и впереди еще предстоят непростые испытания, но имя города, которое скоро станет известно всему миру, где они должны будут встать на смерть, еще названо не было — Сталинград. Впереди ждала Черная Калитва. Горе и слезы. Кровь и потери. Черная Калитва — речка; и перед ней заболоченная пойма, совершенно непроходимая в летнюю пору.

Комиссар Апанасенко спал в кабине, он заснул, как выключился, и тяжелое это забытье длилось не больше часа. Могло показаться, что его разбудил гул моторов, шум громких голосов.

Странное положение, загадка природы: никакая бомбочка разбудить связиста после боевого дежурства не в состоянии, а в головах телефон полевой звякнул, хрюпливый друг, и сразу подъем! Связист на ногах. Комбат Белоусов пытался научную базу для объяснения этого феномена подвести, но дальше собирания подобных примеров дело у него не стронулось. Вспомнил, что мать, несколько ночей не спавшая, просыпается от неровного дыхания ребенка, и еще мельника вспомнил, который спит себе и спит у себя на белой мельнице над тихой речкой, но только жернова на другой растрескались, звук сменился, он сразу же и проснулся, глаза открылись.

Комиссару снился горящий город, в его мозгу мелькали огни, шли женщины с узлами, с малыми детьми. В поводу вели корову. Старик толкал тележку на тонких велосипедных колесах. В тележке лежали книги. «Зачем тебе книги?» — спрашивал Апанасенко. «Это книги судеб», — отвечал старик, и в его сухих глазах мелькали огни.

Комиссара не гул моторов сам по себе разбудил и не голоса. Его беспокойство охватило. Тревога возникла. Колонна стояла. Он **отсутствие движения** почувствовал.

— Теперь без тягача в жизнь не вылезем, — сказал один голос.

— Тягача... — передразнил другой, — танковый полк надо вызывать, вон сколько машин сгрудилось. Тягача, скажешь... Болото!

Апанасенко протер глаза, открыл дверцу, спрыгнул на землю. Впереди, сзади, сбоку — везде стояли машины: грузовики с пехотой, с армейским, наспех собранным скарбом, полевые кухни, артиллерийские орудия, зарядные ящики, тут же двухколки, телеги колхозные, санитарные автобусы, штабные легковушки, выкрашенные в защитный маскировочный цвет и потому еще более заметные: красили их зимой, а теперь вовсю горело лето. Была пробка — гул моторов, ругань, отрывистые команды. Кипела вода в радиаторах. Апанасенко пошел вдоль батальонной колонны вперед. Рядом туда-сюда сновали люди, под ногами хлюпала жидкая грязь. Колонна явно увязла. И не просто колонна, а гудящий поток, расплеснувшийся на несколько рядов влево и вправо от собственно дороги, которая едва угадывалась в сырой хлюпающей трясине. Легкие танки, тягачи, бронемашины, грузовики с цепями на задних скатах пытались как-то выбраться, а потому выезжали одни влево, другие вправо и застревали уже там. Трясины медленно, но верно засасывали в себя все это скопление людей и боевой техники, и Апанасенко понял: если сейчас же, немедленно не предпринять энергичных мер, то беды не миновать, и прежде всего нужно найти хотя бы трактор. В батальонной колонне шел свой ЧТЗ с прицепом, но он куда-то подевался. Как потом выяснилось, отстал. Утро только начиналось, но уже парило. День обещал быть жарким, и надеяться на то, что немецкий летчик не заметит такого скопления в заболоченной низине у Черной Калитвы, было бы с военной точки зрения совсем непростительно и даже беспечно. А потому Матвей Филиппович развернулся на колене карту, выходило, через полтора-два километра должно начаться сухое место. По карте так получалось. Значит, следовало во что бы то ни стало это расстояние преодолеть. Иначе придется тяжко. Будет бомбейка и, может быть, окружение. Окружение не боялся, война — она везде война, окружение — война без флангов, но по опыту знал, что сохранить сложную технику батальона в окружении не удастся: спецмашины — не танки. Что такое спецмашина? Грузовик ГАЗ-АА, «газик», или ЗИС-5, «зисуха» с радиостанцией, смонтированной в кузове. Грузовик одной пулей поджечь запросто, если в бензобак, а сколько труда вложено, чтоб станцию на нем смонтировать, в порядок привести, обжить. Машины можно взорвать, имущество уничтожить, но это в самом крайнем случае, а сейчас надо действовать. Он окружения не боялся. Не о том речь. Знал, если что, выйдет к своим в полной форме, с оружием и патрубилом. И комиссарских своих звезд спарывать с рукавов не станет, хотя не хуже других был информирован боевым своим опытом: немец комиссаров в плен не берет, расстреливает на месте.

Под кустом, возле танка четыре танкиста мудрили над нехитрым костерком. Котелок повесили на жердочку, собирались подхарчиться, потому один сыпал в воду, разминая пальцами, пшеничный концентрат, другой финским ножом резал сало и с ладони сбрасывал в кипящую воду. На тряпице хлеб у них крупными ломтями перезанный лежал, зеленый лук, редиска и фляшка. Немецкая, трофейная. Хорошо устроились. Надолго! А ну как налет?

— Где командир танка?

— Ну я, — неторопливо отвечал чумазый танкист в темном, наглоухо застегнутом комбинезоне, — ну, я, командир.

— Встать, когда с вами старший по званию говорит! Танкисты притихли. Командир танка поднялся на ноги, затекшие от долгого сидения, начал отряхивать мусор с колен.

— Через час немец налет будет делать. Это через час. Может, раньше. И за десять минут здесь ничего такого живого вовсе не останется и так дальше. Ни вас, ни меня, ни вот вашего экипажа. Вы это понимаете? Я военком отдельного батальона связи, у меня спецмашины. Обеспечиваем связью авиацию фронта...

— Да уж поняли, — просто сказал командир и кинул в сторону, где стоял грузовик, а там на ящиках, на тюках сидели девчонки и как раз та глазастая, что на начальника железнодорожной станции в Валуйках собиралась жалобу писать. Он ее с той ночи на узле, когда ящики таскали, не видел. Теперь она смотрела на танкистов с явным интересом, улыбалась гордая, а рядом ее подружка неразлучная сидела, устроилась, свесив ноги в пыльных сапогах с широкими голенищами. Принцессы! Королевы прямо-таки. Сидят...

Женщины на войне — еще и повод к нарушению установленных положений и дисциплины как таковой. Некоторую расхлябанность танкистов и тон, с каким отвечал ему командир танка, Апанасенко именно этим фактом объяснил.

— Приказываю вам немедленно взять на буксир первую машину нашей колонны!

— Слушай, комиссар, — командир танка улыбнулся, расстегнул ворот комбинезона, — мы сутки из боя не выходим.

И тут Матвей Филиппович увидел петлицы с двумя шапками.

— Товарищ майор, иначе время потеряем. Поздно будет. Вот и горячусь.

— Да уж чего, — отмахнулся танкист, — все ясно. Петров, Цимайло, свертывайте бивуак, фрюштувать позже будем. Прав комиссар, сейчас если налетят... Заводи мотор. У меня механик покладистый.

Шесть их машин вытащил танк, остальные — чужой трактор. Там трактористы не совсем задачу поняли. Не так, чтоб очень. Апанасенко пистолет из кобуры доставал, грозился пристрелить на месте. Но особенно его из себя вывели тем, что на тракторе торговаться начали.

— А спирт, тушенка у вас есть? Витамин «ша» — шало, шипрт, шоколад. Ферштейн?

— Они натурай расплачиваться будут, — хихикнул молоденький помощник тракториста, морща наглые глаза, как у кота, круглые, беспардонные, и на девчонок сказались.

Вот это натурай Апанасенко взбесило окончательно. Он парня за шиворот стянул на землю, поставил перед собой.

— Да я тебя... — задыхался в неистовстве, — да я тебе... Душу вытрясу, торгаш... Враг наступает, страна твоя в опасности, отчество, а ты, сукин потрох, торговлю, базар, одним словом, начинать задумал!

— Да уж пошутить нельзя. Отпустите!

— Пошутить? А ну давай, работай!

Прилизительно то же самое происходило в голове колонны с той только разницей, что там кричал, грозил оружием и бомбейкой комбат Белоусов. Они с Апанасенко впечатлениями позже обменялись.

Палило солнце. Погода стояла ослепительно жаркая. Солнце и река запомнились. Глазам больно, и над головой висят немецкие «рамы», предвещавшие скорую бомбейку. И вся дорога до Сталинграда откладывалась в памяти, запоминалась на всю осталенную жизнь, как одна нескончаемая бомбейка. Утром, днем, ночью. Тревожный крик «Воздух!». Непроходящий горький привкус во рту. Степь, раскаленная летним зноем. Причал, забитый пыльной техникой. Беженцы. И рядом — беззаботные мальчишки, сидящие с удоочками в кустах над берегом. Белые станицы, тихие, будто кончились война, дали отбой. И сразу — вой «юнкерса», выходящего в атаку на паром, где битком грузовики, телеги с поднятыми оглоблями, словно зенитки — если бы и вправду зенитки! — люди плечо к плечу, серые солдатские скатки, женщина рукой прикрывает лицо ребенку, чтоб он не видел, как от самолета отделяется бомба. Это на всю жизнь: высокий всплеск на месте, где только что был паром, и снова тишина, удаляющийся, замирающий вдали надсадный вой чужого самолета и пустая слепящая река перед глазами. Черная Калитва.

На окраине безымянной станицы в белой хатке, чистой и прохладной, как сон, которого давно не было, как воспоминания детства, девочка в красном пионерском галстуке читала книжку. Сказала:

— Здрасте. Заходите, товарищ командир. Мама, к нам военные!

Кошка сидела на подоконнике. Спокойная довоенная кошка. Фикус стоял в кадке. Обыкновенный довоенный фикус у окна. Апанасенко взглянул на себя в зеркало и не узнал. Из резной деревянной рамы, за которую по углам были заложены фотографии, настороженно смотрел на него худой, насквозь пропыленный человек. Глаза незнакомца ввалились в темные глазницы. Брови и волосы выгорели от солнца. На плечах гимнастерки и под мышками выступила соль. Белые разводы. Он не узнал себя. Оглянулся.

— Может, баньку вам? — ласково спросила хозяйка, мать девочки в пионерском галстуке. — Как раз обмыться вам, отдохнуть...

За окном слышался шум молодых голосов. Девчонки с визгом спрыгивали с грузовика на пыльную, прибитую землю, обгоняя друг друга, бежали к колодцу. Там уже очередь выстраивалась. Скрип слышался, бряканье цепи, наматывающейся на ворот, звенело железо, солнце горело в мятом ведре. Он пыльные лица увидел, уставшие глаза.

— Баньку? — переспросил, облизывая сухие губы. — Обязательно! Сейчас курсанты мыться будут. — Взглянул на часы. Махнул рукой. — Отставить. Баня отменяется.

Через час выезжали на дорогу, укатанную до каменной твердости, определялись по карте, место свое определяли, чтоб к вечеру сделать настоящий, большой привал.

Их задержали два «мессера», вынырнули из-за лесоподсажи со стороны солнца, ударили из пушек и пулеметов, скинули бомбы.

Это всегда так во время налетов в пути, одно правило — давай на обочину, в сторону, лицом в землю. Пролетели.

Отбой скомандовали.

— Наших задело, товарищ старший батальонный комиссар, — ротный доложил. — Одного — легко, царапнуло только, другого — тяжело.

Другого. Он так и понял: другого, подошел, наклонился. На дороге, рядом с откатившимся тележным колесом лицом вниз лежала девушка-красноармеец. Ее приподняли. Гимнастерка на груди была порвана, в крови.

— Это он разрывными, — сказали, расстегивая ворот.

— Нож дайте! Лезвие!

Разрезали гимнастерку.

— Смотри, входные отверстия, как точки, а на выходе все разворотил!

Апанасенко обожгло запахом женской кожи, молодого тела, он ее грудь увидел, два цвета — ослепительно белый и что-то застиранное голубенько-синенько, какие-то лямочки, пуговки мелькали в глазах. Он отвернулся, он не мог смотреть. Будто стыдно. Подружка рядом опустилась и платочек, платочком совсем уж не армейским, с кружевчиками — фантазии! — лицо ее стала вытирать.

— Санинструктора сюда! — крикнули. Подбежала санинструктор, на бегу неуклюже расстегивая свою сумку с красным, масленным крестом, достала индивидуальный пакет, но не надорвала.

«По машинам!» — была команда и снова: «Воздух!». Немцы, оказалось, совсем не улетели, прошли вперед, там где-то развернулись и теперь заходили с другой стороны. Но на этот раз не стреляли. То ли боекомплект у них весь вышел, то ли подходящую цель они высматривали, патроны экономили и забавлялись, глядя, как внизу шарахаются в стороны, бегут, падают на землю люди.

Неслись совсем низко два самолета. Его горячим ветром обдало, запахом чужого бензина, он жар германского мотора совсем рядом над собой почувствовал, увидел лицо летчика, молодое в пилотских слюдяных очках, как глаза стрекозы, и показалось ему, что немец смеется, улоенный молодостью, силой своей, победой. Потом, с годами лицо это конкретность начало приобретать: родинка появилась на подбородке, волосы оказались гладко зачесаны на прямой пробор. Но это потом, много позже. Лицо возникло вдруг, будто проплыло, как отражение в глубоком, темном колодце. «Ты ее убил!» — крикнул Апанасенко. Немец молчал. «Ты ее убил!». «Была война», «Ты смеялся, я видел! Тебе это нравилось!» Немец пожал плечами. «Война. Я не выродок. Я, как все. Почему мне это должно было нравиться? Я выполнял приказ».

С годами они стали беседовать чаще. И как-то даже доверительно. «Я не был фашистом. Я был солдатом, летчиком. Я не снимаю с себя вины, но, может быть, ее убил мой ведомый. Если серьезно, в современной войне разве скажешь точно, кто убил? Вы ее любили, ту девушки?» «Я ее любовался! Я б дотронуться до нее не посмел. Когда ее в разодранной гимнастерке приподняли, я отвернулся. Я не мог! Я отвернулся!» «Это страшно, я вас понимаю». «Совсем девчонка, вся жизнь впереди, и ничего не сбылось! Но это мысленно, через много лет он так беседовать будет, а тогда — «Не уйдешь, сволочь!» — крикнет, обеими руками обхватив рифленую рукоятку своего ТТ, и выстрелит вдогонку. Раз, два... Через минуту немцы на новый заход шли, развернувшись, и он стрелял, как положено, на четыре силуэта вперед, стрелял и плакал, военком батальона, и скрипел зубами: «Не уйдешь! Не уйдешь!..» И впереди был Сталинград.

Ю

жный пограничный рубеж. Близость города, куда может приехать каждый без всяких ограничений. И близость границы, разделяющей две страны. Этот рубеж пролег через горные перевалы, вдоль береговой кромки моря. Один из самых напряженных участков границы.

Мы расскажем несколько эпизодов из жизни ее часовых. Из жизни тех, кто защищает нашу советскую границу.

СЛАДКАЯ ВОДА ЖАЖДЫ НЕ УТОЛЯЕТ

Мы начали с самого верха. Выше были только рваные клоны облаков, мачта ретранслятора и орлы, наматывавшие вокруг нее виток за витком.

Узкая пограничная тропа металась между валунами, прописываясь сквозь ущелья, теряясь в кустарнике. Тропа — единственный путь вдоль охраняемого заставы участка, который денно и нощно меряют солдатские сапоги. Три с половиной тысячи ступеней вверх и столько же вниз. Но это не те привычные ступени, что мы отсчитываем в городских домах. Пограничные ступени — это выбитые в граните уступы, связанные проволокой перекладины на вертикально падающих уклонах, валуны, отшлифованные подошвами сапог.

Не рассказал о подъеме. Потому что подниматься легче, чем идти вниз: взгляд упирается в землю, телом ощущаешь ее близость. При спуске мускулы ног и спины деревенеют от напряжения, обманчивая близость опоры лишает равновесия. Нам говорили: «Прежде, чем писать о нас, пройдите до стыка с соседней заставой и вернитесь обратно. Тогда вам многое станет понятно».

С нами на стык отправился лейтенант Эдуард Чиковани. Он покашаю ловко скользит вниз, редко смотрит под ноги. За год тропа сделала для лейтенанта своей, он ее сфотографировал памятью настолько, что любое внешнее изменение вызывает у Чиковани вопрос. Убедился в этом, проведя эксперимент: по пути вверх переместили один из камней чуть в сторону, тщательно заровняли углубление. На обратном пути, дойдя до этого участка, Чиковани нагнулся, покрутил головой и ткнул пальцем в камень:

— Ваша работа?

В первый месяц службы на заставе лейтенант валился с ног от физического и нервного перенапряжения. Потерял сон, аппетит, похудел. Однажды ночью он поднимался по тревоге пять раз.

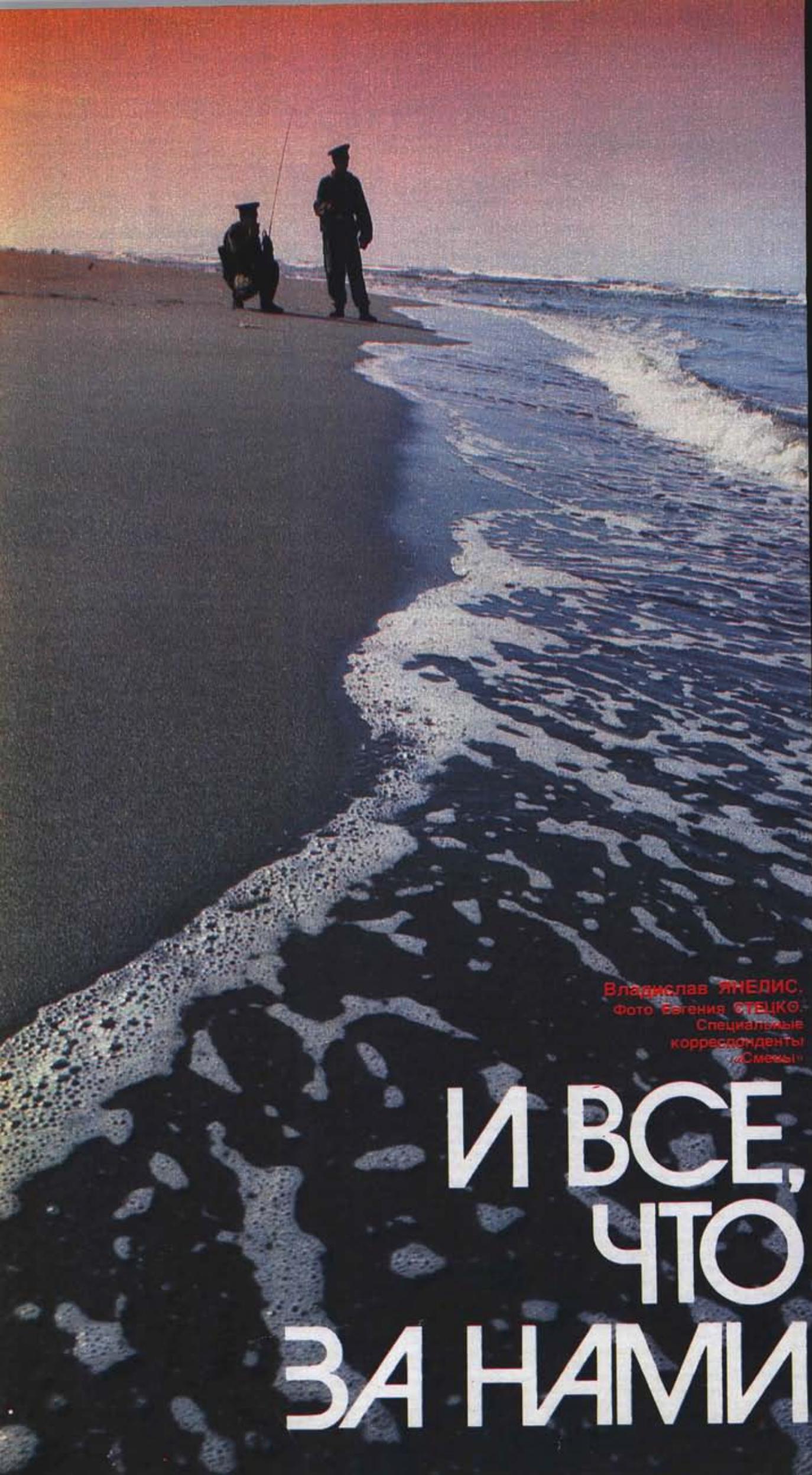
Но в ту ночь для Чиковани наступил перелом. Переступив грань физически возможного, он обрел второе дыхание. Горное. И тропа, казавшаяся ненавистной, стала своей. Своей, но по-прежнему коварной.

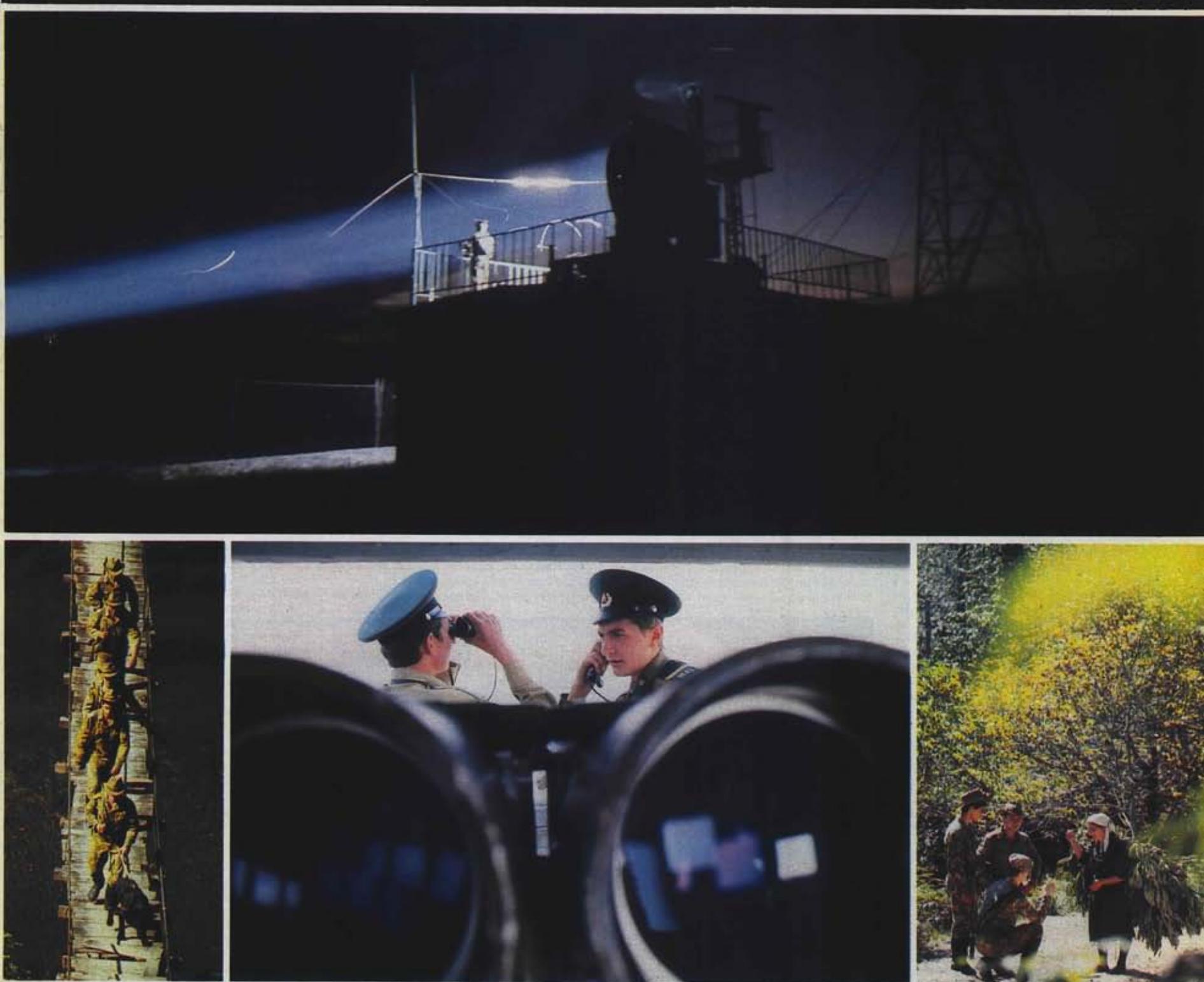
Но горы не только опасность. Это алмазной чистоты родники, прозрачная голубизна неба, шелест ореховых рощ, заросли пахучей ежевики. Это величавые архары, застывшие изваяниями на гребне, это молниеносное сверкание форели в холодной речной зыби, это напоенный ароматами выгорающих трав, дурманящий воздух. Но прежде всего это граница, требующая неустанной заботы от людей, ее охраняющих.

Первым в нашей цепочке идет старшина Николай Морарь, инструктор службы собак, человек для заставы наименнейший. Среднего роста, свет-

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Евгения СТЕЦКО
Специальные
корреспонденты
«Смены»

И ВСЕ, ЧТО ЗА НАМИ

ловолосый, круглолицый, Николай словно не знает усталости. Он недавно из наряда, был на правом фланге, четыре часа лазил по горам и вот опять меряет пограничные ступени размеренным легким шагом, улыбается, рассказывает о заставе.

— Здесь — Морарь останавливается и кивает на узкую горловину ущелья внизу. — Здесь Коро взял след...

Коро, крупная молодая овчарка, садится у ног хозяина, поднимает уши, вслушиваясь в интонации разговора.

— У него отличное чутье — и верхнее, и нижнее. Я еще не вижу следа, а он уже начинает по нему работать, и не дай бог, ему кто-то будет мешать... И вдруг он рванул поводок и потащил меня в кусты. Я увидел смещенный подошвой камень, а рядом примятую траву. Понял: кто-то прошел к нам в тыл.

Ну и начали работать по следу. Коро несся, оставляя ключья шерсти на колючках, царапая морду. Мы с Сашей Лепским и Сергеем Есиным старались не отставать. Знали — тыл

уже перекрыт и далеко нарушитель не уйдет, взятие его — только вопрос времени и выносливости. Но взять все равно надо как можно быстрее, это закон. Никогда я так не бегал... Часа через полтора мы его догнали и прижали к скале. У Коро шерсть вздыбилась, сами мы мокрые, как цукини, пить охота страшно. Я еле выдохнул: «Стой, руки вверх!» — губы не разлипались.

Потом, уже внизу, на заставе, поставили перед собой чайник с водой, кружки, сидим, пьем. А напиться не можем: у нас тут вода сладкая, вкусная, холодная...

Внизу, в долине, рассыпал палевые домиков, пограничная вышка, каменная игла минарета. Домики, пограничника, минарет — это уже другая страна. Там иные обычай, законы, вера. Мощный динамик, установленный на шпиле минарета, возглашает «Иншалла», призываю трудиться во славу всемогущего пророка и верить в предначертания судьбы. Мулла тем временем копается у себя в огороде.

Когда молитва заканчивается и часового на той вышке смаривает сон,

люди подходят к границе, стоят, опираясь на кетмени, и смотрят на нашу страну.

«ОДИН, В СТОРОНУ ТЫЛА»

Около двух часов ночи лейтенант Георгий Мгеладзе вернулся с проверкой участка и сел за конспект к занятиям. К четырем у него онемела спина, и он вышел на крыльце. Край непроницаемой черноты неба окрашивался фиолетовыми разводами. Город спал, отгороженный от заставы платановой рощей и безмятежностью ночи. Было слышно, как струилась вода в пересыхающем фонтане напротив крыльца и шуршали шаги часового у заставы. Заканчивался второй месяц пограничной службы Мгеладзе.

В штабе его предупреждали — на спокойную жизнь не рассчитывайте: застава прикрывает участок вероятного направления движения нарушителей границы, практически постоянно усиленная готовность...

Ночной дозор.

Тревожная группа.

Сегодня старший пограннаряда — сержант Андрей Котельников.

Встреча на горной дороге.

И вот за два месяца ни одного нарушения, словно приезд Мгеладзе до смерти напугал всех, кто вынашивал намерения пересечь здесь границу.

Сигнализационная система сработала в 4 часа 10 минут. Но чуть раньше лампочка на пульте несколько раз вспыхивала и гасла, — это бывает, когда связной проверяет надежность контактов. В данном случае проверка исключена, значит, кто-то идет через границу — животное или человек.

Поднимая заставу «в ружье», Мгеладзе свои действия подчинял непрекаемой логике чрезвычайных пограничных обстоятельств. Доклад начальнику заставы, оповещение пограннарядов, находившихся на

участке, и соседних застав, доклад оперативному дежурному отряда...

Когда «тревожная» группа во главе с майором Матвиенко садилась в машину, старший пограничный сержант Сергей Матросов передал по радио: «Нарушитель один. Идет в сторону тыла, пытается скрыться. Обут в белые кроссовки, рисунок подошв — «елочка», с собой спортивная сумка...» Потом выяснилось, что, выдвинувшись к участку, где сработала сигнализационная система, Матросов и ефрейтор Иван Шевченко увидели человека, вернее, силуэт, метнувшийся от КСП в сторону поля. Матросов «читал» след, а Шевченко тем временем передавал на заставу сообщение о приметах нарушителя. Пограничники накрыли след, чтобы его не размыло росой, и начали преследование.

Мгеладзе должен был с группами заслона исключить прорыв нарушителя в тыл. Это самое сложное, потому что ближайший тыл заставы — курортный город с сотней улиц и переулков, с железнодорожным и морским вокзалами, аэропортом, пляжами, базарами...

Поле, через которое идет нарушитель, выходит к узкоколейке, к частным мандариновым садам, к автомагистрали, связывающей город с аэропортом, к складам тары с горами бочек и ящиков. Четыре проселочные дороги пересекали кукурузное поле лучеобразно. Вдоль какой из них пойдет тот, в кроссовках? В училище Мгеладзе внушили: всегда предполагай, что нарушитель опытный, знает участок, систему охраны границы... И думай: как бы ты действовал на его месте? Итак, на его месте Мгеладзе попытался бы сбить со следа собаку, потом отсидеться, к примеру, в складе бочкотары, и, дождавшись, когда просянется город, выйти к автомагистрали и на попутной машине добраться до центра. Значит, надо ставить заслон у автомагистрали и у складов, оставшиеся силами перекрыть выход к поселку и к узкоколейке, фланги возьмут на себя соседние заставы, также поднятые по тревоге. Но есть и другой вариант.

Нарушитель может попытаться прорваться к городу, пока не рассвело. По росе собаке работать тяжелее. А сейчас обильная роса. Не исключено, что чужак появится в любом месте.

Когда началась высадка заслонов, майор передал по радио, что собака взяла след и тревожная группа ведет преследование. Спустя пять минут Матвиенко сообщил, что нарушитель изменил направление. Мгеладзе передал сообщение заслонам, чтобы скорректировать их внимание.

В 5 часов 25 минут в районе железнодорожного перекрестка Мгеладзе заметил фигуру бегущего человека.

— Фары на переезд — скомандовал лейтенант водителю и выскоцил из машины, расстегивая кобуру.

Он бежал по проселку, спотыкаясь о камни, с тревогой думая о том, что заслон, оставленный на пересечении дорог, мог смеяться и тогда рассчитывать нужно только на себя. Вдруг выстрелом стегнула тишину команда:

— Стой, стрелять буду!

Мгеладзе узнал голос старшины Владимира Минашкина, секретаря комитета ВЛКСМ заставы.

Темная фигура метнулась в сторону от переезда, послышался скрежет ограды, хруст сухостоя. В сумерках сверкнули белые подошвы кроссовок.

— Он! — Мгеладзе двумя прыжками перемахнул через насыпь.

Прижался спиной к проволочной сетке, стоял, загораживая лицо, неизвестный. Краем глаза Мгеладзе увидел набегавших Минашкина и рядового Бориса Нерода с автоматами на изготовку.

— Руки за голову! — скомандовал лейтенант и кивнул Минашкину. — Возьми у него сумку...

Неизвестный поднял сумку к груди и отодвинулся от изгороди.

Инструктор службы собак
старшина Николай Морарь.

Техника
всегда должна быть в порядке.

— Спокойно, — предупредил лейтенант, — без глупостей.

Через несколько минут прибыла тревожная группа. Мгеладзе посветил на след рядом с нарушителем.

— «Елочка», 42-й размер. Он?

— Он, — кивнул Матвиенко.

Уже на заставе лейтенант как следует рассмотрел нарушителя: узкое, почти безгубое лицо, широкие плечи, мускулистый, поджарый, коренастый. Он ссутулившись сидел за столом и повторял, что произошла ошибка, что он заблудился, что сегодня собирался уехать из города...

На столе лежало содержимое сумки — финский нож с компасом в рукоятке, ножи со свинцовыми шипами, старая панагия, стоимость которой, по самой приблизительной оценке, равнялась пяти-шести тысячам, еще один компас, деньги...

Прибывший из штаба подполковник отозвал офицеров в другую комнату:

— Мы его ждали. Знали, что пойдет. Не знали, где. С первым вас, товарищ лейтенант...

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Идут к нам. Пытаются уйти от нас. Сухопутьем, горными перевалами, морем. Идут те, кто скрывается от правосудия, под чьими ногами горит земля. И потому они узнаваемы.

...Была суббота. Тепло и безветренно. Море лениво накатывало волну за волной на бурый песок пляжа. От берега до леса шестьдесят — семьдесят метров. И так на протяжении нескольких километров. Тысячи людей с утра занимают это пространство, стремясь устроиться именно там, где лежали и сидели вчера.

Погранышка — на краю пляжа. Сер-

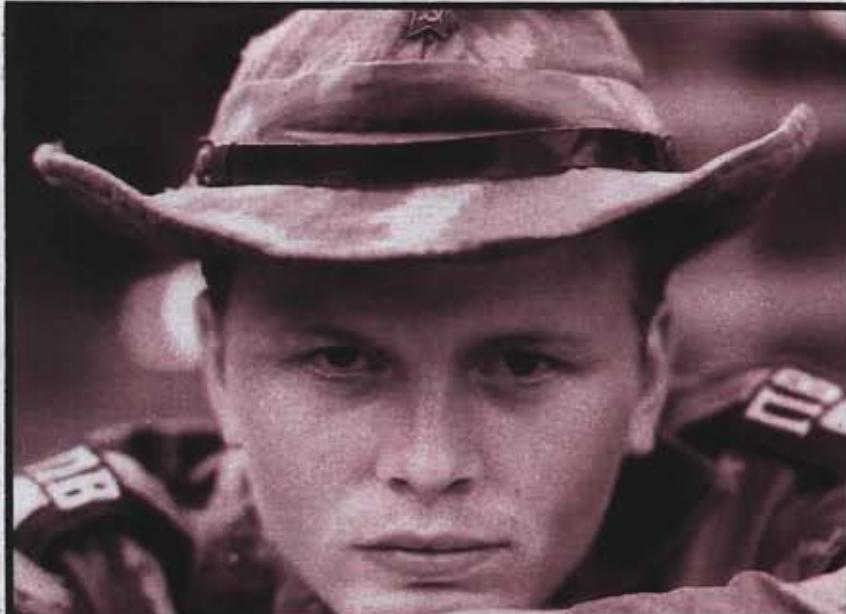
жант Андрей Котельников без труда узнавал отдыхающих. Он даже успел наделить некоторых из них своеобразными псевдонимами: «Тот, с биноклем», «Любитель пива», «Особа в бикини», «Северянин», «Папа с сыном и собакой», «Художник», «Студентки» и так далее. Для них, отдыхающих, погранышка — предмет отвлеченный, так, что-то портящее пейзаж, нечто вроде игры в шпионов для взрослых, не больше. И Андрей не вправе их разубеждать, пусть люди думают, что юг — это только море, песок и кипарисы, пусть думают, что покой и мир вечны и все окружающее великолепие только для них.

Из характеристики Андрея Котельникова: «Родился и вырос в Оренбургской области, в селе Нежинка. Отец и мать — рабочие. Окончил два курса техникума. Член ВЛКСМ. Увлекался вычислительной математикой, фотографией, электронно-вычислительной техникой, радиоделом. В пограничника направлен по комсомольской путевке. Специальность освоил полностью. К службе относится добросовестно. Быстро сходится с людьми, в коллективе пользуется авторитетом, общественные поручения выполняет охотно... Замечаний от командования не имеет...»

К десяти утра солнце нагрело металлические перила вышки так, что больно было дотрагиваться. На горизонте — силуэты двух судов. Это «рыбаки» берут кильку. Ближе к двенадцати должен пройти «иностранный». За ограничительными буями — две головы. Недалеко. Знают ведь, что за би заплыть нельзя, а все же нарушают. Ладно, возможно, увлеклись. Да и спасательная шлюпка рядом. Резо предупредит, а то и оштрафует.

Напарник Котельникова рядовой Сергей Бабич оторвался от ТЭК, то есть трубы зенитной командирской.

— Меняемся, Андрей, глаза устали.

Котельников зашел в застекленную будку, Бабич вышел, как они выражались, «на балкон». Андрей прильнул к черным окулярам, подстроил ТЭК. Через оптику видны очертания надстроек на палубах «рыбаков», даже мельтешение людей возле лебедок. Андрей повернулся ТЭК направо. На окончности леса появились две новые машины, людей на песке прибавилось... Из леса вышел какой-то чудак с рюкзаком... «Северянин» постелили плед и сели за преферанс. «Чудак с рюкзаком» шел вдоль пляжа, глядя себе под ноги, осторожно обходя загорающих.

«Почему у него рюкзак? — спросил себя Андрей. — Наверное, приезжий, пока не нашел комнату, решил окунуться. Но почему рюкзак, а не сумка, чемодан, наконец? Мало ли почему — походник, например, со студенческих лет остался рюкзак, взял его на юг. Так, на нем синяя рубашка, джинсы, высокого роста, в очках. Незагорелый. Значит, сегодня приехал... А почему один? Ищет своих? Любит отдыхать один, и все тут».

На море штиль. Бабич подошел к окну.

— Андрей, посмотри на того типа с рюкзаком.

— А что?

— Да так. Странный какой-то...

Человек с рюкзаком шел и явно не видел вышки. Слишком он был сосредоточен, чтобы ни на кого не наступить.

Его появление не было неожиданным, на границе о нем уже знали: «Высокий, сухощавый, носит очки, походка нервная, быстрая, неровная. Глаза серые, глубокие...»

Человек с рюкзаком поднял голову и увидел погранышку. И словно остыл на него. Через несколько секунд он резко свернулся к лесу.

Андрей доложил на заставу.

— Наблюдайте, — сказал начальник заставы. — Я скоро приеду.

А тот человек уходил. «Отпускать его нельзя», — решил Котельников.

Бабич быстро спустился с вышки и побежал наперевес человеку с рюкзаком.

— Стой! — крикнул ему Сергей.

У Бабича только штык-нож, в наряд на пляж ходят без автомата. Тот остановился, смерил Бабича взглядом и пошел на него. В ту же минуту спустился Котельников и побежал к Бабичу. Теперь пограничников было двое.

— Документы есть у вас? — как можно спокойнее спросил Котельников.

Незнакомец полез в рюкзак. Пока он искал паспорт, Андрей заметил в рюкзаке ласты, пластмассовую флягу для воды, карту в полиэтиленовой обертке.

Дальше все было несложно. Котельников задавал наивные вопросы, прикидывался простачком, делал вид, что собирается вот-вот вернуть паспорт и отпустить задержанного, как говорится, с миром. Он просто тянул время, дожидался тревожной группы, понимая, что осмотр рюкзака сейчас же спровоцирует задержанного на крайние меры. Но кругом были отдыхающие, и он не имел права рисковать. Нельзя было и показать, что он сомневается в паспорте чужака, хотя паспорт явно носил следы подчисток.

Когда спустя несколько минут подъехала тревожная группа, человек с рюкзаком понял, что Андрей его перехитрил. Он закрыл лицо руками, замотал головой, застонал.

Еще через час подлинное лицо незнакомца с рюкзаком было установлено. Это оказался опасный преступник, находившийся во всесоюзном розыске и несколько лет скрывавшийся от правосудия. Он намеревался добраться до иностранного корабля, который должен был пройти вдоль берега.

Сержант Андрей Котельников был награжден медалью «За отличие в охране Государственной границы СССР», избран делегатом съезда комсомола Грузии.

Он знает, что он скажет на съезде:

— Мы охраняем берег, с которого начинается наша земля. Охраняем, чтобы ходить по этой земле было легко и безопасно...

Председатель
совета воспитанников
Ивановского
детского дома № 1

Геннадий Туриаков

Я ПРЕДЛАГАЮ

К вам обращается председатель совета воспитанников Ивановского детского дома № 1. Знаю, что «Смена» много пишет о детских домах. Думаю, делаете это вы для того, чтобы реально помочь тем, кто без родителей живет, и нашим воспитателям. Надеюсь, письмо мое не оставите без ответа, хотя с предложением, которое хочу внести, вы, может, и не согласитесь.

Вы в нашем доме никогда не были, поэтому постараюсь хотя бы заочно с ним познакомить. Наш детский дом — это девяносто ребят от шести до семнадцати лет. Когда пять лет назад переехали мы в новое здание, стояло оно на окраинном пустыре, а теперь нас со всех сторон обступают новостройки, чуть ли не вплотную приблизились жилые корпуса, все вокруг перекопано. Я не архитектор, но если бы мне поручили выбирать место для детского дома, выбрал бы другое — в парке или рядом с лесом. Деревья, кустарники мы, конечно, и сами посадим, но когда еще они вырастут. В самом здании гораздо уютней, чем снаружи. Заходите в фойе, а перед глазами — панно во всю стену. Это нам художники камволового комбината подарили. А мастера художественного фонда оформили столовую, не взяв за роспись ни копейки! Есть у нас и ковры, и цветные телевизоры, и свой автобус — все не хуже, чем у людей. Младшие каждое лето в пионерские лагеря ездят, а старшие — в стройотряд со студентами или на уборку овощей. (В прошлом году, например, в Астрахани побывали и неплохо заработали.) Причем в стройотряды едут от нас не трудные (ну почему только нарушители дисциплины так замечательно должны каникулы проводить?), а самые обычные ребята. И в «Артек», и в «Орленок» мои товарищи получают путевки. Я был в «Артеке», и то лето останется со мной на всю жизнь, мне кажется, я вернулся из этого сказочного лагеря другим человеком. Очень захотелось, чтобы и в нашем доме жизнь стала такой же интересной.

Подсобного хозяйства своего нет, похвальиться тут нечем, но вот четырех свиней мы выращиваем — в общий котел прибавка. В последнее время заработала швейная мастерская. Покупаем ткани в магазинах по безналичному расчету — хочется, чтобы не было у нас одинаковой одежды. В столярной мастерской тоже работа налаживается, это благодаря новому инструктору по труду. Здесь теперь все время народ толчется — кто мебель ремонтирует, кто поделки из дерева мастерит. (А ведь еще недавно был у нас другой инструктор, который этому ребят вообще не учил.) Вот сейчас везде вопрос обсуждается — о производительном труде. Шефы наши с ивановских предприятий тоже собирались ящики посыпочные в наших мастерских сколачивать и полотенца обшивать, но так все в воздухе и повисло. Но, может, по-другому эти вопросы решать? Вот, например, кружок макраме у нас есть — такие кашпо и настенные сувениры плетут, не хуже тех, что в магазине продаются. А нельзя ли поделки эти

(разве это не производительный труд?) реализовывать? Во всяком случае, это интереснее, чем посыпочные ящики сколачивать. Поймите правильно, очень хочется, чтобы работа не только доход приносила, но и радость какуюто.

Всем домом ходим в плавательный бассейн — спасибо юношеской спортивной школе. Каждый из нас может записаться в любой из многочисленных кружков. Вообще за последнее время в детском доме многое делается, чтобы жилось нам лучше. И заслуга в этом многих добрых людей, которые здесь работают, а прежде всего директора нашего Галины Николаевны Семушкиной.

Теперь о главном, ради чего и пишу вам. В июне я заканчиваю десятый класс. Одновременно со мной уйдут двенадцать восьмиклассников — собираются поступать в ПТУ, так быстрее можно получить специальность, стать самостоятельным человеком. Но тем, кто привык к детскому дому, в ПТУ приходится трудно. (Много тут разных причин, это тема отдельного разговора.) Уход из детского дома сразу большой группы старших ребят — большая потеря для коллектива. Ведь старшеклассники — те, кому 14—16 лет, — первые помощники воспитателей, они же и шефы наших малышей. И дело не только в шефстве над младшими. Мебель, например, малышам ремонтировать не под силу, а нам — в самый раз. Именно старшеклассники — главные хранители традиций детского дома. Куда ни кинь, старшие ребята нужны. Но как же быть, если большинство их уходит после окончания восьмого класса?

Выход я вижу такой: надо агитировать за получение среднего образования не только в стенах детского дома, но и школы. А чтобы поднять авторитет старшеклассников, нужно создать в детских домах первичные комсомольские организации. Вы спросите, зачем, ведь детдомовцы, вступающие в комсомол, становятся на учет в школьной комсомольской организации? Но я тоже могу спросить: почему существуют две пионерские дружины — в детском доме и в школе?

Недавно в школе, где я учусь, проходило комсомольское собрание, обсуждавшее вопросы самоуправления. Спорили много, потому что постоянная опека учителей не всем по вкусу. Кто-то предлагал, чтобы учителя в дела ученической комсомольской организации вообще не вмешивались, кто-то говорил, что школьные вечера, например, должны проводиться вообще без ведома и участия педагогов. Но разве в вечерах или дискотеках дело?

Помню, как в конце прошлой зимы предложил в своем классе, где уже несколько лет старостой, убрать снег вокруг школьного здания. А на меня посмотрели, как на марсианина: «Ни директор, ни завуч не просили — чего же самим-то лезть?» Предложение повисло в воздухе. Потому что мы привыкли: за нас все решают учителя, актив только выполняет их указания. Вот в последнее время стало модным проводить дни самоуправления. Я думаю,

толку от таких дней немного, если после них все остается по-старому, ничего не меняется. Я вовсе не хочу школу детскому дому противопоставить, но у нас не так. У совета воспитанников немалые права, и он ими пользуется. При нашем участии решается, например, вопрос, отпустить ли воспитанника в гости к родственникам. Порядок, чистота, обсуждение нарушителей дисциплины, графики дежурства, организация поездок и экскурсий, вопросы успеваемости — это тоже заботы совета. В совет входят и младшие — пионеры, но основная ответственность — на старшеклассниках. Именно с советом райкома комсомола решает самые разнообразные вопросы. И вот какая странная получается вещь: с райкомом комсомола у нас тесные контакты, а с комитетом комсомола школы взаимопонимания нет.

В прошлом году попытались объединить мы свои силы — для нас это тоже важно, ведь большая часть ребят из детского дома учится в 62-й школе. Но диалога не получилось. Говорили на совместном заседании комитета комсомола и совета воспитанников в основном взрослые — учителя и воспитатели. Ребята из детского дома мало участвуют в комсомольской жизни школы. Почему? Ну, во-первых, нас очень мало — в детском доме всего четверо комсомольцев. Во-вторых, в комитете комсомола школы нет ни одного представителя детского дома. Говорят, что в комитет выдвигают самых лучших, передовых, а таких, мол, в нашем доме нет. Но я с этим не согласен, потому что в школе человек оценивается прежде всего по успеваемости, а в детском доме — по его участию в общем труде, по тому, какую он товарищ помогает ли младшим, насколько он честен, справедлив, короче, каков он прежде всего как личность.

Частый гость в нашем доме Евгений Марков, первый секретарь Ленинского райкома комсомола. Вы спросите, какими клачками мы его заманили. Очень просто: Женя ведет у нас занятия школы будущего комсомольца. Попробуй-ка плохо подготовиться, плохо ответить — перед первым секретарем райкома стыдно! Семеро человек занимаются сейчас у Маркова в кружке, причем среди них есть и такие, кто в активистах и не числится. Вот пример. Толя Ерофеев до недавнего времени состоял на учете в комиссии по делам несовершеннолетних — в школе все к этому привыкли. А то, что парень становится лучше, вроде бы и не замечали. Теперь он с учета снят, но для школы, конечно, неожиданность, что он к вступлению в комсомол готовится. А мне кажется, доверие к человеку лишь дисциплинирует. И вот здесь хочу сказать о противоречиях. Дело в том, что в школе тоже организуются занятия для будущих комсомольцев. Я сам бывал на этих занятиях — их проводят ребята из комитета комсомола. Но если сравнить, то сравнение в пользу секретаря райкома — у него не просто даты зурят, а учатся разбираться в истории и сегодняшних проблемах комсомола.

О приеме в комсомол. Вспоминаю, как

это было со мной. Вступил я одним из последних в классе, вопросами ни на комитете комсомола, ни на бюро райкома меня не мучили. Выдали мне комсомольский билет, а взносы комсомог не принимает (естественно, и отметки об уплате в билет не ставят), говорит, что комитет комсомола школы решил с детдомовскими взносами не брать — мол, откуда у них деньги. Но это же унижение: все в классе платят по две копейки, а для нас — щадящий режим. А ведь я все лето в пионерском лагере работал, мне там зарплату платили.

Думаю, авторитет старших ребят в детском доме возрастет еще больше, если появится у нас своя комсомольская организация. Может быть, тогда и комитет комсомола школы будет относиться к нам по-другому? Говорят, что создавать еще одну первичную нет необходимости, поскольку старшеклассников в детском доме очень мало. Ну, а если думать о будущем?

Взять, например, опять же вопрос приема наших ребят в комсомол. Где их лучше всего знать, как не в детском доме?! Но совет воспитанников не может давать рекомендацию будущему комсомольцу, нет у него такого права. Будь в детском доме своя первичная, эти вопросы решались бы просто. Может быть, стоит предоставить будущим комсомольским организациям, если они, конечно, будут созданы, право приема в комсомол? Это повысило бы их авторитет, усилило бы и ответственность. Секретарь комсомольской организации и председатель совета дружины могли бы на равных войти в центральный орган самоуправления детского дома — совет воспитанников.

Именно объединенная комсомольская организация (в ней могли бы участвовать и молодые воспитатели) должна, мне кажется, поддерживать связи с райкомом комсомола, с комсомольскими организациями предприятий-шefов.

Предлагаю в пункт 44 проекта Устава ВЛКСМ внести дополнение, касающееся первичных комсомольских организаций в детских домах. Думаю, вопрос этот необходимо обсудить на XX съезде комсомола.

Коротко о себе. Прожил без родителей всю свою сознательную да и несознательную жизнь. Отца и мать своих никогда не видел, даже не знаю, как они выглядят.

Знаю только, что мать бросила меня в родильном доме — недавно прочел ее отказанное письмо.

После школы я решил поступать в педагогическое училище на отделение начальных классов, хочу потом вернуться в свой детский дом, но уже воспитателем. Мне кажется, люди, избравшие эту профессию, должны очень хорошо понимать детей, которые растут без матери и отца. Бывает, что выпускники пединститутов приходят к нам, но на долго не задерживаются, уходят. Видно, не знают трудностей своей будущей работы. А я знаю и не боюсь их.

У НАС В САМОТЕЧНОМ

ФОТО Евгения СТЕЦКО

Вы, наверное, замечали: изделия с индексом «Н», то есть новинка, продаются дороже тех, что отметки такой не удостоены. Что же получается? Модное — значит дорогое?

«Нет,— решили молодые работники московского ателье №9, что неподалеку от Самотечной площади,— и ультрамодная одежда может быть доступной по цене». Трудно поверить? Тогда заглянем в ателье.

Разноцветные блузоны, выставленные в салоне, удовлетворят, пожалуй, самый взыскательный вкус: недорогие, потому что в большинстве своем изготовлены из неходовых, отвергнутых швейными фабриками тканей. С карманами и без, заклепками, кнопками, из любого материала, который имеется в ателье, и даже из того, которого в ателье нет,— ведь здесь шьют и из ткани заказчика.

Скажете: что же тут необычного, ведь так и должно быть? Необычно то, что бригада швейников работает на договоре. Это значит, что ежемесячно отчисляет государству плановую сумму, а наработанное сверх того— в «копилку» бригады. Тут уж сами решают, кому и сколько к зарплате прибавить, а что оставить на производственные нужды. Бригада заинтересована в реализации своей продукции, а потому следит и за спросом, и за ассортиментом. Не дожидаясь, пока модель устареет, выйдет из моды, ее заменяют на новую. Даже понятие такое родилось: «экспресс-мода». Не 2–3 года модель ищет пристанища, как в промышленности, а всего 2 месяца. А в бригаде считают и этот срок большим, потому что мода сегодня диктует свой ритм. И за ней — хочешь не хочешь — надо поспевать, чтобы не уронить марку ателье и чтобы на вопрос, где же пошить модную и недорогую одежду, всегда следовал ответ: «У нас, в Самотечном...»

Марина ПАНКРАТОВА

Фото Игоря Одесского

Валерий Леонтьев: КАК ТРУДНО, БЫТЬ СОБОЙ

Вы помните свой первый концерт в профессиональном качестве?

— Конечно. Мы дали его в декабре 1973 года в деревне Лойма недалеко от Сыктывкара. Стоял страшный мороз, и в клубе, расположавшемся в здании бывшей церкви, было так же холодно, как и снаружи. Первое, что мы сделали, — обкололи лед с дров, решили прогреть церковь, дабы не замерзнуть, пока соберется публика. Разожгли изразцовые печи, а вышки открыты забыли — дым валит в помещение. Однако разобрались со всем, проветрили зал, и к началу концерта в клубе было тепло и уютно.

— А зрители собрались?

Окончание. Начало в №3

— Пришла вся деревня. Да, собственно, куда ей деться, чем время убить в долгий декабрьский вечер? А тут молодые ребята, девчата играют, поют, пляшут — веселье.

Вот так для «Эха» начался первый период его концертной жизни, период, затянувшийся на долгие шесть лет. Мы выступали в колхозах, совхозах, перед лесниками, геологами, добывчиками нефти и газа. Изъездив вдоль и поперек республику Коми, потихоньку стали выбираться и за ее пределы по обмену с филармониями других краев и областей. Съездили, помню, на БАМ, Саяно-Шушенскую ГЭС, в Братск, Ангарск, Усть-Илимск. По Колыме накрутили пятнадцать тысяч километров. На каком-то перевале, помню, у нашего автобуса заглох мотор. Мотор заглох — кончилось тепло, и, чтобы не замерзнуть, мы выла-

мывали из-под снега ветки елок, лиственниц, жгли костер. Под одним из деревьев весьма кстати нашли мерзлого зайца. Ведь не собирались застревать в дороге и никакой еды с собой не взяли. Ободрали добычу, зажарили на углях, съели. Только через сутки на нас наткнулась встреча машина. Ее шофер дал нашему какую-то катушку, он поставил ее, и мотор автобуса завелся. Теперь, думаю, понятно, почему в «Эхо» была такая большая текучесть?

И все-таки, вспоминая тот невероятно трудный период, я порой прихожу к выводу, что он был в определенном смысле полезен и необходим. Теперь меня ничем не испугаешь. Если завтра из этого прекрасного номера в «России» я неожиданно попаду в захудалый Дом колхозника заштатного городка, поверите, сразу же пре-

красно во всем сориентируюсь: начищу картошки, воткну кипятильник, все загудит, завернется, все будут сыты и довольны.

Что говорить, трудности вырабатывали правильное отношение к жизни, более глубокое понимание ее. Они помогали трезво взглянуть на избранный род деятельности и, если хотите, даже на жанр и собственное место в этом жанре. В общем, польза была. Беда только, что экстремальный период затянулся. Нельзя столько лет выманивать людей в ожидании, что им когда-нибудь подфартит...

— Но, наверное, даже в то время вы о чём-то мечтали, строили какие-то планы относительно своей карьеры? Скажите откровенно, вам хотелось стать «звездой» эстрады?

— Какой артист не мечтает, не строит радужных планов? Стать «звезд-

дой? Конечно, хотелось. Но желание это было абстрактным. Всерьез замахнуться на такое у меня дерзости не хватало. Мои коллеги, выступавшие тогда по телевидению, казались мне недостаткими вершинами...

— Кто, например?

— Лещенко, Ротару, чуть позже появилась Пугачева...

— А когда же и вам наконец повезло?

— Началось с того, что мы разругались со своей филармонией. Там никак не могли определить свое отношение ко мне. Меня зритель и в те годы любил. У меня и тогда автографы брали. Пусть я не был широко известен, но тот, кто попадал на мои концерты, не оставался равнодушным. Хотя я по-прежнему носил шубейку с чужого плеча, пел песни, которые звучали с экрана в ином исполнении, моя манера запоминалась, нравилась... или активно не нравилась. И всевозможные худсоветы, чувствовавшие, что в моей необычной манере что-то есть, никак не могли пройти к окончательному решению: хорошо это или плохо, и... на всякий случай ругали, запрещали, не давали работать, били по рукам. Сколько себя помню, когда дело касалось моего сценического облика и поведения, мне всегда говорили: стой, как все, что ты дергаешься? Я это слышал с первого класса еще холмогорской школы, когда учитель заставил меня запевать в хоре, обнаружив, что я пищу громче других. Понимаете, когда я брал высокую ноту, мне обязательно хотелось помочь себе рукой, дернуть ногой, прыгнуть — этого требовало все мое естество. А в ответ на такой искренний внутренний порыв я слышал: стой, как все, не дергайся. И позже, в художественной самодеятельности фабрики, института, в филармонии — всюду я слышал тот же упрек: чего ты дергаешься. Но мы, кажется, отвлеклись...

В конце концов наши отношения с филармонией окончательно испортились. Пять лет мы ютились в Сыктывкаре в гостинице. Только на шестой год нас осчастливили местами в общежитии. На квартиры мы не могли даже надеяться. Ни на какие конкурсы нас не посыпали, и в завершение всего группу решили расформировать...

— Может быть, вы были убыточными?

— Совсем нет. Мы стоили крохи, эти крохи полностью окупали. В какое село или поселок ни приедешь — всюду полный сбор. Другое дело, мы были хлопотными. Наше выступление то пришлют восторженный отзыв, то возмущенный, что это, мол, за безобразие вы прислали — какой-то кудрявый поэт, прыгает, пляшет.

— Извините, Валерий, но если вы сами коснулись этого предмета, я тоже скажу: ваши кудри действительно многим не дают покоя. Откуда они у вас?

— Таким родился. Мать кудрявая и сын кудрявый — это естественно. Пройдитесь по улице, встретите довольно много людей с высохшимися волосами — и ничего, никто не обращает на них внимания, никто не спросит: «химия» это или нет. Если же такая шевелюра у артиста, само собой разумеется, что он с утра до вечера их на горячей кочерге накручивает или парик налагает.

— Понятно... Итак, ваши отношения с филармонией Сыктывкара настолько обострились, что в 1979 году вашу группу решили расформировать...

— А мы взяли и сбежали в Горький, где не раз уже бывали с гастролями, где нас знали и согласились взять под свое крыло. Вскоре Горьковская филармония послала меня в Ялту на I Всесоюзный конкурс песен стран социалистического содружества.

Я очень любил творчество Давида Тухманова. И в Ялту повез его композицию «Памяти гитариста» на стихи Роберта Рождественского. Это было довольно сложное произведение, двенадцати — пятнадцатиминутное музыкальное полотно, сочиненное не по типу песни — куплет-припев, — а более симфоническое... Повез я еще польские и болгарские песни, которые всегда были в моем репертуаре, естественно, все это исполнялось до меня другими.

Цель я преследовал скромную: себя показать, людей посмотрю, составлю хотя бы школу ценностей, пойму наконец, чего сам стою, действительно ли в моей работе что-то есть или она какой-то патологический выбык, нравящийся только мне одному. Мне стукнуло уже тридцать лет — возраст для первого участия в конкурсе солидный. Шесть из них я отработал на профессиональной сцене, но еще никогда никто толково не объяснял мне, чем хороша и чем плоха моя манера исполнения, прав я или не прав. Одни хвалят, другие ругают. Но «нравится не нравится» не довод. Я хотел, чтобы в моем творчестве разбрелись более глубоко.

— Почему вы пришли именно к такому сценическому образу, который порой называют образом «певца-клоуна»? Почему вы считаете, что именно так нужно «показывать» песню?

— Я не придумывал никакого образа. То, что я делаю, — все искренне, все правда. Хотя, разумеется, это моя правда, это мои ощущения, это я сам. Мне нравится работать в этой манере, естественной для меня, работать с упоением, до хрипоты, выкладываясь без остатка. Иначе я просто не могу.

Придумать можно костюм, какие-то детали поведения, какие-то сценические аксессуары, то есть то, во что можно обрамить свою правду. Но придумать свои потроха невозможно. Что заложено природой, то и есть.

— Извините, Валерий, хочется еще раз отвлечься, зацепившись за случайно оброненное вами слово: верно ли, что вы сами шьете себе костюмы?

— Теперь уже не шью. Раньше шил.

— Я имею в виду: своими руками.

— И я именно об этом говорю. Сам придумывал костюм, рисовал, кроил, сметывал, шил на машинке, примерял, перешивал — все своими руками.

— Почему?

— Потому что я был нетрадиционен и в плане одежды. Я не мог петь в костюме с галстуком: у меня не получалось. Я выходил в нем на сцену и сразу чувствовал себя дураком с витринами. Но когда я что-то рисовал и приносил в ателье, мне говорили: по ГОСТу так не положено, у нас лекал нет... тут нужна прокладка... и плечо вот тут должно быть опущено, а здесь, наоборот, поднято... Я спорю: не нужна мне тут прокладка, и плечи должны быть такими, как я нарисовал. И тогда у меня не принимали заказ, а если принимали, все делали по-своему, но я это не носил.

Пришло у соседок-девчонок научиться элементарному крою брюк, рубашек, курток. Теперь я смог все делать себе сам и многие годы отлично обходился. И только несколько лет назад я нашел своего единомышленника в этом плане, но профессионала — московскую художницу Ирину Ялышеву, которая по сей день делает все, в чем меня видят на сцене.

— Вернемся все-таки к фестивалю...

— В Ялте случилось то, что порой в жизни бывает, но чего я совсем не ожидал: мне дали первую премию. Правда, и там мой стиль не принял многие специалисты. При голосовании мнения членов жюри разделились, и они спорили до хрипоты, но важен был конечный результат. Информация о конкурсе появилась в печати, мое имя впервые упомянула центральная пресса, позже была выпущена пластинка.

Окрыленный успехом, по совету членов жюри Гелены Великановой я приехал в Москву: явился на Центральное телевидение в музыкальную редакцию и говорю: «Я — Валерий Леонтьев, лауреат всесоюзного конкурса. Покажите меня по телевидению». «Мы, к сожалению, — отвечают, — на конкурсе не были, вас не видели, поэтому сначала хотели бы получить хотя бы какое-то представление. У вас концерты в Москве есть? Ах, нет... жаль. Тогда не могли бы вы дать нам вашу фонограмму? «Что?» — не понял я.

В своем беспросветном провинциализме я даже не знал, что каждый уважающий себя певец имеет пленку с записью своих лучших песен. И мои собеседники это уловили:

«Тогда, — говорят, — вы, может быть, попоете нам с аккомпанементом?»

«С радостью попою», — соглашаюсь я. Пришел-то на телевидение я не один, с пианисткой, которая знала мой репертуар...

Тогда я не догадывался, что работники музыкальной редакции устроили для себя заодно и бесплатную потеху. Ведь такого не бывает, чтобы к ним пришел артист и под пианино начал в кабинете между столов петь и плясать. Представляю, как внутри они давились со смехом...

Наверное, это действительно выглядело комично, потому что сейчас, семь лет спустя, Леонтьев, рассказывая об этом, сам покачивался со смехом...

— Однако выпустить меня на экран редакция отказалась.

«С чем мы тебя покажем? Репертуар у тебя чужой. Песни старые. Оркестра при тебе нет. Тебе надо бы познакомиться с Тухмановым, может, он согласится написать новую песню специально для тебя».

В нашем эстрадном мире Давид Тухманов слынет ловцом всего нового и интересного. Многие молодые артисты обратили на себя внимание именно исполнением его новых песен. Так что понятно, почему я волновался, когда на следующий день ехал к композитору (о нашей встрече договорилась редакция). Просто сотрясался от ужаса и никак не мог сбраться: решалась в известном смысле моя судьба. Наверное, от этого нервного возбуждения я сразу же сморозил глупость. Тухманов спрашивал:

— Что ты можешь спеть?

И я, не уловив своей бес tactности, отвечаю:

— Могу спеть песню Зацепина «Ищу тебя».

— Я, правда, ее не знаю, — говорит Тухманов, — но когда-то слышал и, может быть, что-то подберу...

Я, значит, эту песню заголосил, а Давид подбирал на рояле мотив. Ну, ладно, кое-как с грехом пополам спел ее, и тут жена Тухманова с мягкой иронией спрашивала:

— А вы не могли бы спеть какуюнибудь песню Тухманова?

— Ну, как же, как же, — наконец опомнился я. — Я ведь на конкурсе за песню «Памяти гитариста» первую премию получил.

Давид говорит: «Вот эту песню я знаю...»

Он сыграл, я спел.

— Он обиделся, что вы начали с Зацепина?

— Не думаю, Давид — мудрый человек. Наверное, ему было просто очень смешно, но он все-таки сыграл Зацепина мне... Потом он поставил на вертушку какой-то фирменный диск и попросил потанцевать... Сейчас-то я понимаю, что ему нужен был выразитель музыки «диско», которая тогда заявляла о себе во всю мощь. Нужен был артист, который бы не только пел, но и двигался, актерски играл, преподносил бы материал, как говорится, на всю катушку, со всех сторон, и уже не нужен был артист, который бы звучал только в записи...

— Вы в одиночку пляшете под вертушку перед в общем-то незнакомыми людьми, которые изучающе смотрят на вас... Как вы себя в тот момент чувствовали?

— Естественно, идиотом. Но плясал: слишком высока ставка.

Оказалось, старался я не зря. Давид очень быстро написал песню «Кружатся диски» («Песни диско-кей»), которая была сделана специально для меня. Мы ее быстренько записали на радио, на фирме «Мелодия», ее передали на инвесторов, она пошла по дискотекам. Сразу все заговорили, что Тухманов снова нашел кого-то, что это новая «звезда». Меня тут же записали для новогоднего «Огонька»...

— Добились-таки вы своего?

— Записать-то записали... Как я надеялся на ту ночь под 1980-й! Впервые на всемирном экране — и сразу в новогоднем «Голубом огоньке»! Неужели на конец-таки прорвался? Меня колотило от возбуждения! Да и вся наша группа с нетерпением ждала моего выступления.

В то время мы, гастролируя в Москве, жили в гостинице «Бухарест». Новый год по традиции решили встречать в своем кругу. Однако я был настолько взвинчен, что не мог находиться на людях. Даже среди товарищей. Я заперся в своем номере, остался один на один с телевизором. Время шло, а меня на экране все не было. Уже закончился «Огонек», уже пели и плясали зарубежные артисты, а меня все не было. Под утро ведущий объявил, что передача окончена, пожелал всем счастья и здоровья в Новом году, экран погас. А я на нем так и не появился!

Это был какой-то кошмар. Я был убит, я был раздавлен жестокой несправедливостью. Я ошеломлен смотрел в умоляющий, погасший дурацкий «ящик» и не мог понять, почему так случилось, не знал, что предпринять.

Днем позвонили ребята из музыкальной редакции и все объяснили. Мой номер, оказалось, вырезали за два часа до выхода в эфир. Большой телевизионный начальник, посмотрев смонтированный «Огонек», возмутился: «О ком он поет? О диско-кей? Мы что, лошади? Убить!»

Возможно, он на самом деле впервые слышал слово «диско-кей», а может быть, ему не нравился общепринятый во всем мире термин, обозначающий ведущего дискотеки...

Однако этого было достаточно, чтобы выбросить мой номер, и тем самым побудить решить мою судьбу.

— Вы не существо краски, Валерий?

— Нисколько. Такие жестокие удары могут сломить человека, подорвать его веру в собственные силы. А без веры в себя он уже ничего не сможет. Путь вверх окончен — можно только вниз.

— Тем не менее вас этот удар не сломил...

— Слава богу, в меня поверил Давид Тухманов. Он специально написал цикл песен, с которыми я отправился летом восьмидесятого в Болгарию на международный песенный конкурс «Золотой Орфей» и завоевал там первый приз. Теперь уже Центральное телевидение в передаче из Варны вынуждено было показать и меня: как-никак первая премия. После возвращения из Болгарии у меня были концерты в Театре эстрады, в культурной программе Московской Олимпиады, начали выходить пластинки, нечасто, но все-таки стал появляться я и на телевидении.

— Короче, дело сдвинулось, пошло по нарастающей...

— Но каких нервов это стоило! Гастроли, допустим, в Владивостоке, вдруг Центральное телевидение вызывает на запись. Беру больничный, отменяю концерты, мчусь через всю страну в Москву, записываюсь, возвращаюсь в Владивосток — в итоге мой номер из передачи вырезают. И так случалось много раз. И никто не объясняет, почему это произошло. Просто «кто-то» «там» (многозначительно тянут пальцем в потолок) решил, что нам «такое» не нужно. Кто решил, какое «такое», ответа нет.

По-моему, трудно придумать что-нибудь более обидное и несправедливое для артиста, чем «рецензирование запретом». Когда в 1979 году я победил в Ялте, один из городских руководителей сказал:

— «Этого» к нам больше не пускать.

И на долгих шесть лет перед нами были закрыты ворота этого города. Только прошедшими летом «Эхо» пригласили на гастроли в Ялту. Вечером — концерты, днем мы купались, лазили в горы, я вот ногу растянул, до сих пор хромаю. Великолепно!

А в 1981 году меня «отлучили» от Москвы. Тогда на одном из наших концертов в Театре эстрады побывала, как нам позже сказали, «высокая» комиссия и что-то в нашем выступлении усмотрела. Когда есть горячее желание, всегда можно «что-то» усмотреть. Какая это была комиссия и что ее не устроило в нашем выступлении, для нас так и осталось тайной, но в столице Леонтьев с той поры года три-четыре не выступал. Перестали меня посыпать и

на международные конкурсы за рубеж. Почему? Не знаю. Тайна.

И еще тайна: почему на конверте дисков с моими записями печатают какие-то цветочки, а не мой портрет, на что, кстати, я имею право и что разрешается другим певцам и певицам.

— Ну, теперь-то, Валерий, вам грех обижаться. На Центральном телевидении вы частый гость, сейчас Москва предоставила вам самую престижную площадку — концертный зал «Россия». И за границу ездите...

— Все верно, времена изменились. Но очень обидно сознавать, что признание твоего труда может затянуться или вовсе не состояться из-за того, что одного чиновника слишком поздно отправят на пенсию, а другого — не вовремя снимут с работы. Жаль терять на этом драгоценное время, ведь оно не возвращается. И когда теперь мы провозглашаем: гласность помогает развитию нашего общества, его движению вперед, я знаю, в этом глобальном процессе будет учтен и мой личный интерес.

— Вы говорите «будет», значит, имеете в виду не прошлое, а будущее?

— Да, будущее. Я надеюсь, что специалисты, наконец, серьезно проанализируют мое творчество. Пока что критики высказывались о нем информативно, чаще ругательно. Конечно, хулу читать неприятно, но я уже не чернею от горя. Я вовсе не напрашиваясь на диффрамбы, я только хочу увидеть квалифицированный, профессиональный разбор своего труда. Даже за самую жестокую критику в ножки поклонюсь — лишь бы она была квалифицированной и объективной, а главное, на пользу.

— У вашего творчества, Валерий, масса почитателей — это ли не лучшая «рецензия» на него. Или вам мало?

— Почитатели — это совсем другое. Тем более что «почитатели» — понятие растяжимое. Одни ценят мой труд, получают удовольствие от моих концертов, благодарят, дарят цветы, просят фотограф. Я им искренне признателен. Другие — одержимы какой-то болезненной страстью приобщиться к чужой славе, заявить этим приобщением о себе, а то и устроить скандал. Этих я боюсь. Когдато читал, что в ванной комнате Джинны Лоллобриджиды были установлены потайные телекамеры, — не верил. Теперь понимаю: правда. В Ленинграде мы обычно останавливаемся в гостинице при концертном зале. Она в первом этаже. Ночью встанешь — за окном вспышка «блища»: какой-то ненормальный не спал, дежурил, чтобы сквозь стекло сделать снимок, когда я не совсем одет. И находятся еще более «мудрые», что покупают эти снимки.

Выступая на стадионах, я иногда держу в руке белый шарф. Он нужен как яркое цветовое пятно, иначе с огромного расстояния не разберешь, что я делаю, как двигаюсь. Так вот, каждый раз по окончании концерта «поклонницы» подкармливают меня и раздирают этот платок на сувениры.

Я, честно говоря, люблю красиво, броско одеться. Мне кажется, что артист внешне должен выглядеть ярко. Это придает его образу некую загадочность, тайну, заставляет зрителя что-то думать. Это одно из требований нашей профессии. Хотя существует на сей счет и другое мнение. Джей Фонда, например, любит щеголять в потертых джинсах.

Так вот, накопил я как-то денег и, исходя из своих концепций, сшил шубу из чернобурки. Кто-то покупает машину, кто-то — дачу, я — шубу. За свои, трудовые имею право. Однажды выхожу в ней после концерта, и какая-то ценительница моего таланта бросается вперед, хватает меня за бок и, выдавив огромный клок меха, ныряет в толпу. Ни я, ни милиция и глазом не успели моргнуть. Представляете, во что мне обошелся восторг этой психопатки? Все это аномальные явления...

Я понимаю Леонтьева. Пока мы беседуем, телефоны в его номере трещат не переставая. То и дело я вынужден выключать диктофон. Было бы ради чего прерывать беседу, а то какие-то приторно-сиропные излияния в любви,

просьбы о свидании, о билете или пропуске на концерт и еще черт знает о чем — с ума сошли.

И так каждый день. Когда же он отдыхает, где, как? Спрашиваю об этом.

— Иногда отпуск провожу с мамой в Ворошиловграде, запираюсь в квартире, смотрю телевизор, читаю книги. Мама готовит что-нибудь вкусненькое...

— Простите, Валерий, а как вы оказались в Ворошиловграде? Насколько помню, вы перебрались в Горький...

— Когда умер отец, я забрал маму к себе. Сейчас ей восемьдесят. Я все время на гастролях. Представьте, каково ей одной сидеть в четырех стенах, да еще в таком возрасте! Да и мне не по себе: как она там, не болеет ли? Попросил поставить телефон, буду называть из всех городов: маме приятно, мне спокойно. Три года просил, так ничего и не добился. И всегда один ответ, вернее, упрек: «Вы многое требуете, мы первыми послали вас на международный конкурс... Это благодаря нам вы стали знаменитостью». Послать-то, говорю, послали, это верно, но пел все-таки я... Да и при чем тут, кто кого куда послал. Мне просто нужен телефон. А они отвечают: будьте скромнее.

Тут мы как раз гастролировали в Ворошиловграде, там говорят: перебирайтесь к нам, телефон поставим. Вот «Эхо» и стало работать в Ворошиловградской филармонии.

— Несколько непонятен их интерес: зачем оказались нужны им вы, чужаки?

— Ну, это-то как раз просто. Хлопот с нами никаких — одни выгоды. Сейчас «Эхо» достаточно известно, популярность группы поднимает престиж филармонии. К тому же доход. В Ворошиловграде о нас говорят: наш маленький заводик. Мы даем концерты на стадионах — это тысячи зрителей.

— С этим все ясно. Вернемся к нашей теме. Огульная критика, согласен, плох, но вот такое беспардонное поклонение, Валерий, мне кажется, не лучше. С кем же вам хорошо?

— С композиторами, с которыми я работаю: Паулсом, Тухмановым, Шаинским, Пахмутовой... Мы понимаем друг друга, взаимно ценим и уважаем наш труд. Не скрою, мне трудно с ними работать, потому что слишком высоки требования, которые они предъявляют к исполнению своих песен. И это естественно: они авторы произведения, им хочется, чтобы смысл, который они вложили в него, был донесен до слушателя наиболее полно...

— Разрешают спорить?

— Конечно, если это идет на пользу дела. Композиторы — авторы песни. Они предлагают материал. Я могу попросить что-то убрать, усилить акцент. И авторы, как правило, идут на разумные поправки. Работать с композиторами интересно. Это большая школа.

— Когда-то, отправляясь из Юрьевца в Москву «учиться на артиста», вы, Валерий, наверняка мечтали о чем-то конкретном. Это сбылось?

— Единственное, о чем я тогда подумала мечтал: чтобы в кiosках продаивали мои открытки. Так как их не продают — можно считать, что моя мечта не сбылась. Если же вспомнить о выступлениях на лучших эстрадных площадках страны, на всесоюзном телевидении, международных конкурсах, о том, что мною записано шесть «гигантов», а количество маленьких пластинок невозможно даже подсчитать, так как их печатают бесконтрольно, в общем, если все это вспомнить, то, честно говоря, в те годы так высоко меня не заносили самые дерзкие мои фантазии.

— Когда-то вы завидовали более удачливым коллегам. А теперь?

- Из наших, пожалуй, уже никому.
- А из зарубежных?
- Иржи Корну. Хотел бы так же великолепно танцевать, как и он...
- Но он этому специально учился...
- Какое имеет значение — учился или не учился? Главное — делает свое дело великолепно. Конечно, у нас с ним разное амплуа, я больше пою. Но все равно хотел бы уметь, как он.

— Валерий, вам тридцать семь лет, а ваш стиль...

— Вы хотите спросить, что я буду делать, когда меня остеохондроз замучает или радикулит?.. Ведь вы намекаете, что мне немного осталось?..

— Я не сказал бы так резко, но мою мысль вы уловили в принципе верно...

— Так вот мой ответ. Во-первых, со мной пока что все в порядке. К тому же я не собираюсь навсегда оставаться в своем нынешнем качестве. В свое время мне дали кличку «дитя диско», подчеркивая этим, что, как только стиль «диско» выйдет из моды, сойду со сцены и я. Ажиотаж вокруг «диско» давно схлынул, а я все-таки остался.

Сейчас в эстраде происходит некое смешение стилей. Стали возвращаться давно вышедшие из моды, а самые современные мирно сосуществуют с ними. Так бывает всегда перед рождением нового направления. Оно еще неясно, еще только пробивается к жизни, но грядет обязательно. Вот, кстати, еще одна из сложностей эстрады: быстротечность моды, частая сменяемость стилей. Чтобы не отстать, необходимо все время быть в форме. Легкий жанр жесток, отставших не прощает...

— А могли бы заглянуть в свое более отдаленное будущее?

— Я сделал это четыре года назад... В 1982 году у меня обнаружили опухоль в горле. Голосовые связки — такой хрупкий и легко ранимый инструмент, что малейшая неточность при операции и... Ленинградский хирург Ральф Исаакович Райкин, родной брат Аркадия Райкина, провел ее блестяще, и я сохранил голос. Однако тот «звонок» заставил более трезво взглянуть на жизненные реалии. Слава, успех — это сегодня. Завтра обстоятельства могут измениться. И я поступил в институт. Моя будущая специальность — режиссер массовых представлений.

— Получится?

— Уже получается. Я давно режиссирую все выступления нашей группы. Был постановщиком других концертов.

На этом закончилась наша беседа.

А вечером был концерт. Пересказывать его — занятие непосильное, да и практического смысла в таком пересказе нет: телевизор покажет артиста в самых крупных планах, о которых в зрительном зале нечего и мечтать. Правда, выступление живого Валерия Леонтьева выглядит значительно интереснее, чем того, которого видим на телевидении. Почему это происходит, я так и не понял. Может быть, оттого, что в концертном зале ты наблюдаешь не одного певца, а все зрелище в целом. Может быть, тысячи зрителей, сидящих вместе с тобой, их реакция на происходящее, аплодисменты, возгласы, цветы помогают настолько проникнуться всем происходящим, что понемногу начинаешь ощущать себя соавтором чужого творчества. Не берусь утверждать это безоговорочно. Единственное, что могу сказать совершенно честно: раньше «экранного» Леонтьева я воспринимал с известной долей иронии, когда же увидел в концерте — понял и принял с благодарностью за доставленное удовольствие. Он честно, без поблажек к себе работал.

Когда после концерта я прошел к Леонтьеву в гримерную, он расслабленно сидел в кресле, мокрый от пота, в полном изнеможения. Я не стал досаждать расспросами и разговорами, просто поблагодарил и ушел.

А во дворе концертного зала его ждала толпа поклонниц. Как я понял, на концерт они не попали, но были возбуждены предчувствием, что смогут лицезреть своего кумира хотя бы здесь. Многие скимали в руках букеты цветов, которые раньше не смогли вручить певцу. Однако и теперь они не успели сделать этого. Прямо из служебного входа Леонтьев шагнул в стоявшую впритирку к дверям автомашину, и та, дико сигналя, рванула из дворовой западни.

Когда-то он мечтал о популярности, сегодня он рад ей, но бежит от слишком бурных ее проявлений.

Беседу вел
Леонид ПЛЕШАКОВ.

ОДИННАДЦАТЬ ДЕБЮТАНТОВ

Коротко нынче футбольное межсезонье. Казалось бы, только что отгребли жаркие баталии прошлого сезона, как следующий уже собирается стартовать. Нас ждут новые турниры, новые матчи; а стало быть, и новые открытия, новые имена. А пока читателями «Смены» по традиции определена символическая сборная лучших дебютантов по итогам чемпионата страны 1986 года. В ее состав болельщики включили следующих игроков:

Вратарь — Гocha Микаладзе («Торпедо», Кутаиси).

Заштитники — Дмитрий Чугунов («Торпедо», Москва), Владимир Горицкий («Динамо», Киев), Сергей Муштрушев («Торпедо», Москва), Сергей Широкий («Динамо», Минск).

Полузаштитники — Александр Канищев («Зенит», Ленинград), Игорь Добропольский («Динамо», Москва), Андрей Митин («Спартак», Москва).

Нападающие — Виктор Каракун («Кайрат», Алма-Ата), Игорь Колыванов («Динамо», Москва), Олег Саленко («Зенит», Ленинград).

Возрастной диапазон выбранной читателями команды достаточно широк — от 17-летнего Саленко до его одноклубника Канищева, впервые появившегося в высшей лиге в 26 лет. Абсолютное большинство голосов было отдано Добропольскому — 429. Колыванов упоминается в 372 письмах, 312 читателей назвали в составах своих сборных Муштруева.

Сразу 25 читателей журнала будут награждены дипломами «Смены»:

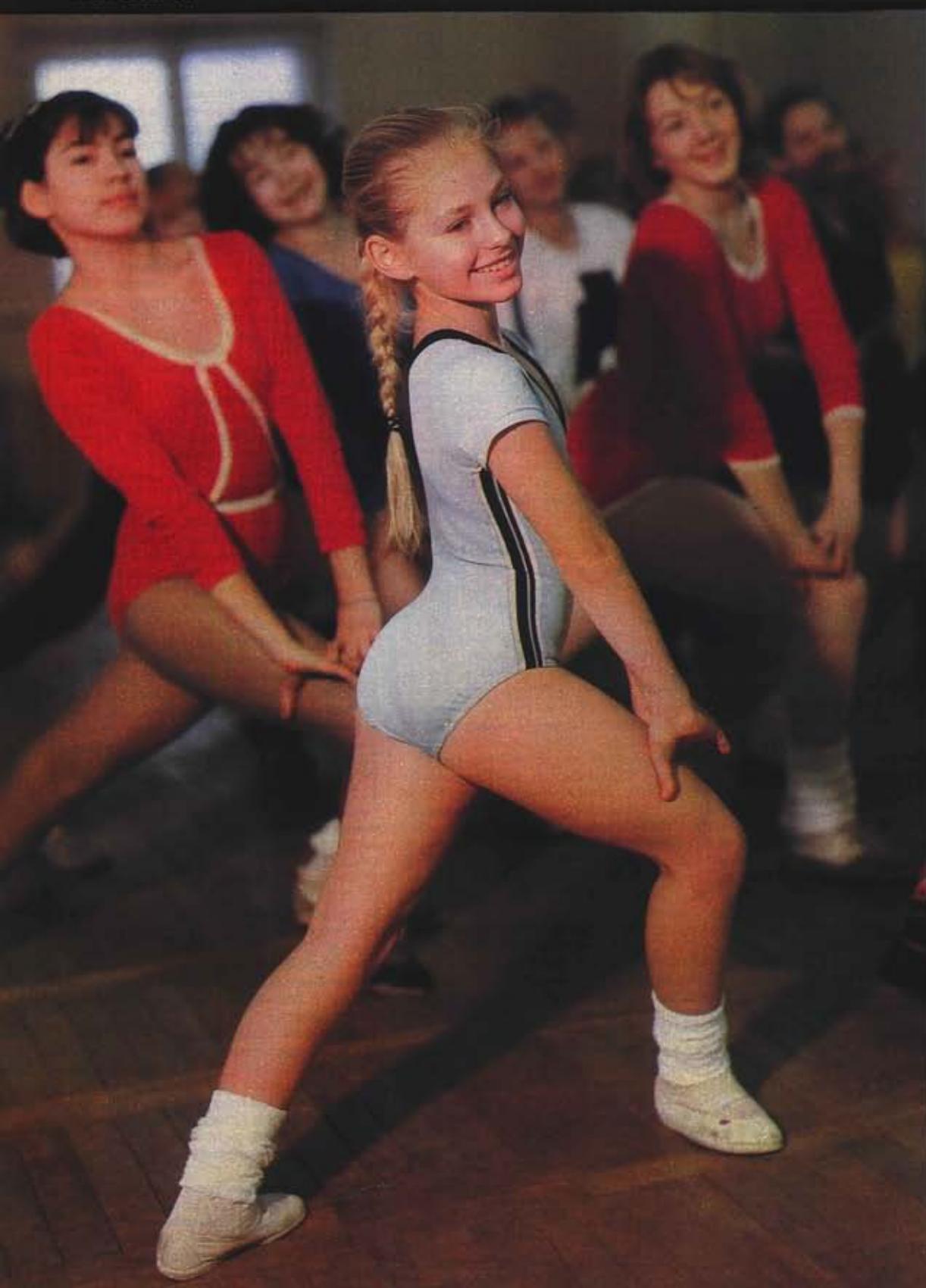
В. Соловьев (г. Сафоново Смоленской обл.), Ю. Лучицкий (Запорожье), В. Чириков (Москва), А. Барский (Николаев), Н. Глинин (Вологда), Н. Шалыгин (г. Бирюсинск Иркутской обл.), Н. Любавин (Кокчетав), Н. Черезов (п. Светлый Оренбургской обл.), С. Тропин (Мурманск), Д. Маккавеев (Москва), А. Зиновьев (Рига), О. Васильев (п. Пятигорск-Волгоградской обл.), М. Игнатова (Орел), И. Коробов (Москва), Р. Кужакметов (Темиртау), В. Кульянов (Иваново), А. Струков (г. Люберцы Московской обл.), В. Тульверт (Ленинград), С. Васильев (Москва), А. и Л. Оржевские (Гомель), Х. Раджабов (Рустави), М. Пронин (п/о «Спартак» Киргизской ССР), А. Пятыгин (г. Арсеньев Приморского края), П. Кеслер (с. Забавное Алтайского края).

Редакция поздравляет с успехом всех победителей, как футболистов, так и знатоков этой игры. А тем читателям, кому не досталось на сей раз звание лауреата, советуем не огорчаться. На старте ведь новый футбольный сезон, а значит, и новый конкурс. Напоминаем, что по его условиям каждый участник в течение всего года вправе прислать неограниченное количество открыток (без конвертов!) с указанием на каждой не более одиннадцати фамилий футболистов, не выходивших ранее на поле в составах команд высшей лиги.

Желаем удачи, знатоки!

МАША И Б

Сергей
ИСТОМИН

...Б

олталина здесь учится? — Дежурная по школе, задавала девятиклассница, прервав своим появлением урок в 6 «А», старалась говорить строгим голосом. — К директору!

В коридоре маленькая Маша едва-едва спешивала за ней. И так путь до директорского кабинета недолгий, а тут еще и спешить приходится — не успеешь вспомнить, что и натворила... Признаться, конечно, лучше самой, но в чем?

— Письмо тебе, Мария, — с порога логасил ее трепетное любопытство директор. — Из Манышлака. Но почему, интересно знать, оно на школу пришло? Домашний адрес ты дать не могла?

А она и школьного-то никому не давала. Просто пришел на телевидение корреспондент газеты, посмотрел, как здорово она всевозможные упражнения в передаче «На зарядку становись!» исполняет, и спросил, где Маша учится. Она и ответила — в 521-й московской школе, в 6 «А». Староста класса и почти отличница. А потом в газете крохотная заметка появилась. Только слово «почти» из текста выскочило.

— А у меня, между прочим, в первой четверти даже по физкультуре четверка была. Я тогда кросс медленно пробежала. Да и сейчас, в третьей, тоже пока четверка выходит — по русскому.

— По физкультуре действительно как-то несолидно. Но ведь ты, Маша, кроме гимнастики на телевидении, еще и четыре раза в неделю ходишь на репетиции ансамбля спортивного танца. Может, с физкультурой получается перебор и в школе она тебе просто неинтересна?

— Нет, что вы! Это я на тот кросс попросту не настроилась. У нас преподаватель физкультуры Сергей Рамилевич Нагорный. Занятия у него интересные, веселые, без ненужных пауз. Если, к примеру, кто-то на перемена в буфете задержался или на уроке чересчур разбаловался, то сам в дневнике у себя и пишет: «Я опоздал на урок» или «Я мешал учителю», и оба они — вместе с Сергеем Рамилевичем — подписываются.

— А по телевизору ты себе нравишься?

— Во-первых, чтобы на себя посмотреть, рано вставать приходится. Нас ведь записывают заранее, а показывают по воскресеньям в 8 часов утра. Во-вторых, камера меня всегда несколько сковывает. На сцене я гораздо свободнее себя чувствую.

— И в выступлениях вашего ансамбля спортивного танца Дворца культуры «Серп и молот», и в зале телецентра тебе неизменно отводится первый план...

— Так я же самая маленькая в обеих группах! Кто ж меня из задних рядов разглядит?! Метр тридцать шесть всего. Не так давно за месяц сразу на полтора сантиметра выросла, но затем дело и застопорилось. Нет сдвигов ни на миллиметр... Мне из-за роста в свое время художественную гимнастику бросить пришлось. А ведь до второго взрослого разряда дошла. Но тренер Галина Ивановна сказала, что не видит у меня перспектив — будущее, оказывается, за высокими девочками. Хорошо, что ансамбль спортивного танца вовремя образовался. Его руководитель, Анна Евгеньевна Гусевская, не считает, что малый рост мешает красиво танцевать.

— И что же вы танцуете?

— А мы все можем. И русские народные — видели нашу «Парашку»? И рок-н-ролл, и брейк. Причем наш брейк по акробатике сложнейший. Недавно городской конкурс был, зрителей собралось — я столько никогда не видела. Особенно мальчишек много было, некоторые из первых рядов над нами посмеивались — ничего, дескать, тут сложного нет. А самый пижонистый из них даже на сцену после нашего выступления поднялся, хотел показать, что не хуже может. Начал, сам себе подлевая, и на первой же фигуре грохнулся. Потом за кулисы приходил, просил еще раз показать, как это делается.

— Если бы тебе вдруг предложили стать руководителем ансамбля, что бы ты изменила?

— А я им буду. Обязательно. Мечты, они ведь существуют, чтобы сбываться, верно? Мой ансамбль будет выступать как можно чаще, хоть каждый день, если зрители попросят. И всякий раз — в новых костюмах. И на телевидении нас будут записывать, представляете? Только вот показывали бы не с раннего утра...

...Она возвращается по коридору из директорского кабинета. Дорожка уже знакомая — надо же, десяток строк в газете, и школу уже забросали письмами. И всем Маша Болталина должна ответить, посоветовать, помочь. Тепло и с улыбкой. Иначе нельзя — ее ведь показывают по телевизору на всю страну.

Юрий НАГИБИН

Никогда жизнь не баловала Мандельштама. Он не был ни ловок, ни уживчив, ни победителен, ни удачлив, начисто чужд конформизма, даже в той небольшой мере, что приметна у Пастернака, он всегда шел вразрез и не знал внешнего, житейского счастья. Семнадцатилетний Мандельштам писал: «Я от жизни смертельно устал. Ничего от нее не приемлю», и это не было кокетством. Он задыхался в семье, «трудной и запутанной», постоянно менявшей квартиры (отец — неудачливый коммерсант — то и дело прогорал), это не давало образоваться той плодотворной теплой привычке к месту, что питает душу и память; томился в непременном летнем Павловске — «городе дворцовых лакеев, действительных статских вдов, рыжих приставов, чахоточных педагогов (жить в Павловске считалось здоровее) и взяточников, скопивших на дачу-особняк», этом «Элизиуме», неотделимом от своего музыкального вокзала, где «железнодорожные звонки мешались с патриотической какофонией увертюры двенадцатого года». И Мандельштам убежал из родного дома в Берлин, там его засунули в религиозную школу, но вместо божественных книг он зачитывался Шиллером.

С поэзией пришло иное дыхание. Плюгавый быт перестал давить безвыходностью. Свободу давали стихи. Уже через год после тех усталых строк он вопрошал, кого благодарить за «радость краткую дышать и жить?». Он рано осознал свою молодую поэтическую силу:

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Засвечивается на нем узор,
Неизвестный с недавних пор.
Пускай мгновения стекают муть —
Узора милого не зачеркнуть.

Мандельштам не знал ни робости, ни наглости ученичества. Он сразу стал писать «как Мандельштам». Вот одно из самых первых его стихотворений:

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с дерева,
Среди немолчного налева
Глубокой тишины лесной...

Здесь уже весь «Камень», так называемый первый сборник его стихов.

Если не было счастья в той зоревой поре — для этого он слишком рано ощутил качание «рокового, неутомимого маятника» судьбы, то были прорывы радости, острое наслаждение от пребывания в мире, из чего выработалось стойкое жизнелюбие, очень пригодившееся ему на черном закате жизни. Уже испытанный, одиночками, холodom и хворью, проверив на разрыв душу единственно близкого человека и не одолев безмерного терпения, потеряв все и вся, кроме преданности до гроба и за гробом великой поэтессы и поклонения удивительного актера, с «запечатленным» голосом, он славил воронежскую весну: Я должен жить, хотя я дважды умер. А город от воды ополоумел.

Как он хорош, как весел, как скулласт,

Как на лемех приятен жирный пласт,

Как степь молчит

в апрельском повороте —

А небо, небо — твой Буонарроти!

Последней воронежской зимой он с великим достоинством осознанной правоты благословлял свою жизнь:

Еще не умер ты, еще ты не один,

Покуда с нищенкой-подругой

Ты наслаждашься величием равнин

И мглой, и голodom, и выхой.

В роскошной бедности,

в могучей нищете

Живи спокоен и утешен —

Благословенны дни и ночи те

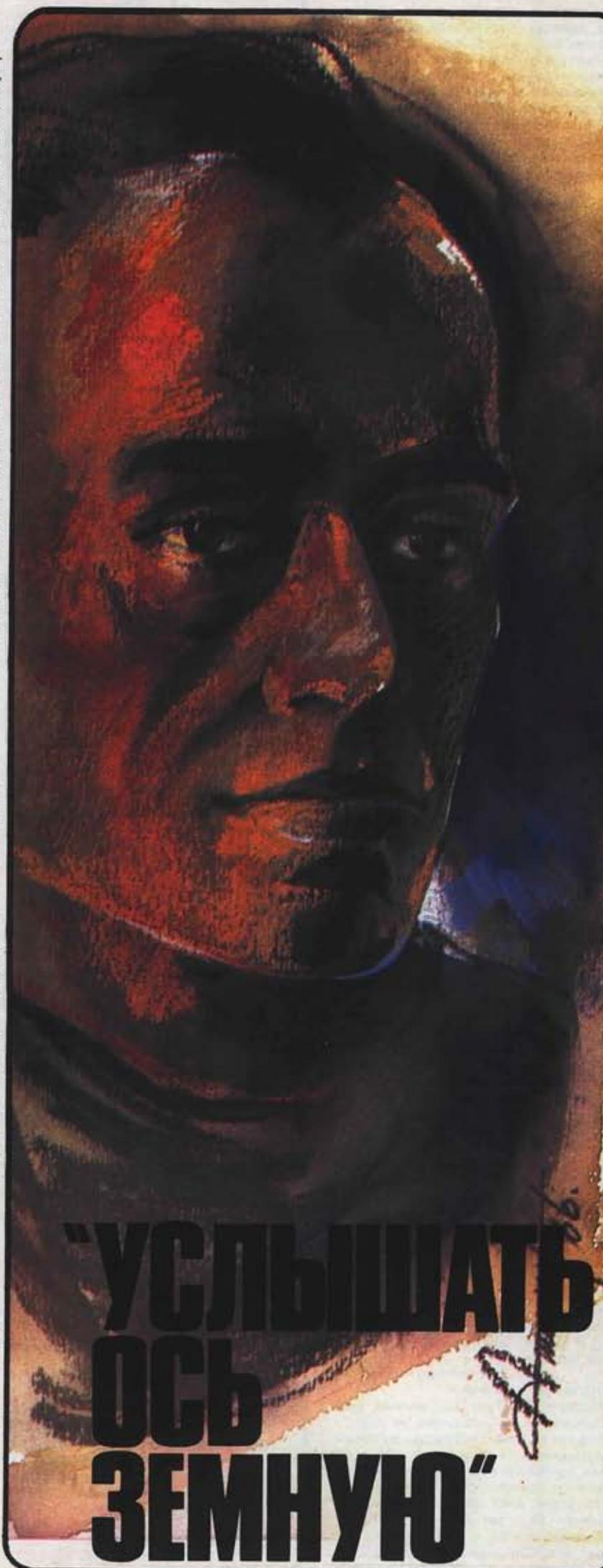
И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого, как тень его,

Пугает лай собак и ветер косит,

И беден тот, кто сам полуживой,

У тени милостыни просит.

Наголодавшийся, он уже не просит сытного «пая», как в начале ссылки; отряхнув все телесное, будто прах с подошв, он хотел лишь «Услышать ось земную, ось земную...».

Молодой Мандельштам принадлежал к школе Николая Гумилева — к акмеистам. Его соратниками были Анна Ахматова, Сергей Городецкий, Владимир Нарбут, Георгий Иванов, Михаил Зенкевич. Но все литературоведческие определения оказываются бедными и пустыми, когда их прилагаешь к таким явлениям, как Осип Мандельштам, хотя сам поэт очень носился со своим акмеизмом. Особенно рьяно отстаивал он акмеизм в пору жестоких гонений на это литературное течение. Потому и отстаивал: быть гонимым и с гонимыми — сознательный удел Мандельштама. Акмеизм возник как реакция на символизм. Надоели туманы, иносказания, беспредметность, неназванность, реющие тени и лунный свет в качестве основного строительного материала поэзии. Захотелось вещественности, плотности, определенности, предметности. Пусть сам Мандельштам сердился на пресловутую «вещественность» акмеизма.

Судите сами:

Немного красного вина,
Немного солнечного мая —
И тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.

Тут нет ничего, кроме хмельной радости называть пребывающее в мире легкими и точными словами.

Вот как он сам исчерпывающе и сжато сказал о сути акмеизма: «Прочь от символизма, да здравствует живая роза!» Так он был просто реалистом, наш поэт! Новую русскую поэзию Мандельштам вел от Иннокентия Анненского, обладавшего внутренним эллинизмом, адекватным духу русского языка. А что такое «эллинизм» по Мандельштаму? «Эллинизм — это печной горшок, ухват, крынка с молоком, это домашняя утварь, посуда, все окружение тела; эллинизм — это тепло очага, ощущаемое, как священное, всякая собственность, пребывающая часть внешнего мира к человеку, всякая одежда, возлагаемая на плечи любым. Эллинизм — это всякая печка, около которой сидит человек и ценит ее тепло, как родственное его внутреннему теплу».

Да ведь все это пушкинское, хотя Александр Сергеевич никак не определял свою поэзию.

И вдруг этот акмеист переставал верить в истинность слова, в его соответствие сути, молчание обещало куда больше, чем звучащая речь:

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальная так и хороша
Темная звериная душа:
Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.

И это не мимолетная утрапа веры в могущество слова, — с ликующей убедленностью, что истинен лишь неназванный мир, не овеществившаяся в конечный образ красоты, заклинает Мандельштам:

Останься пеной, Афродита,
И слово в музыку вернись,
И сердце сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

Но как естественно и легко меняется мировосприятие Мандельштама, как просто переходит он из одного состояния в другое! Только что он пел надматериальное:

Образ твой мучительный и зыбкий
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!» — сказал я о ошибке,
Сам того не думая сказать.

И вот уже он отвергает источник всякой зыбкости, размытости, расплывчатости, грязовой отвлеченностей — луну, разжаловав ее в... циферплат.

Рисунок Илья Альварес

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осяю млечность?
И Батюшкова мне противна спесь:
«Который час?» его спросили здесь,
А он ответил любопытным: «Вечность».

Вот и бедному Батюшкову досталось от строгого и трезвого Мандельштама. Боже, как прекрасна эта гениальная игра!

Извечная мука словоискателей — мысль изреченная есть ложь. И как хорошо, что эта мука никогда не приводит к немоте. Как бы ни стена Андрей Битов, что нельзя говорить о молчании, все только этим и занимаются. Лишите позицию призывов к молчанию — она удручающе оскудеть. «Мне хочется смеяться!» — кричал двадцатилетний Мандельштам, но уже зная, что это невозможно:

А в небе танцует золото —
Приказывает мне лететь.

Я пишу не для того, чтобы объяснять Мандельштама; позицию вообще нельзя объяснять, тем паче мандельштамовскую, она объясняется лишь сама собой. Я хочу лишь призвать к Мандельштаму. Это единственная цель всех моих писаний о поэтах, прозаиках, музыкантах: поделиться богатством, упавшим мне с неба. И адресуюсь лишь к тем, кто такого подарка не получал. Впрочем, ничего с неба не падает. За культуру надо платить хотя бы усилием устремленности к ней, если не поиска. Мандельштам был почти тайной («Арестант секретный, фигуры не имеет», помните в «Поручике Кике»?), когда меня вывел на него отчим, писатель Я. Рыкачев. Но дальше он оставил меня с ним наедине, и я сам «вработался» в Мандельштама, ставшего моей величайшей драгоценностью. Уходя на фронт, я взял с собой три книги: Гете по-немецки, Тютчева и Мандельштама. Если бы мне снова пришлось выбирать, я взял бы тех же трех авторов, но сверху положил бы Пушкина.

Сейчас Мандельштам давно уже расскречен, издан в большой серии «Библиотеки поэта», его стихи звучат с эстрады, но я не вижу, чтобы на поэта накинулись; так не накинулись ни на Андрея Платонова, одного из первых русских прозаиков, ни на Роберта Музия, автора романа вёка «Человек без свойств». Мы ленивы и неподъемны — никогда еще горькая пушкинская фраза не была столь справедлива. В наш дом пустили после долгого отлучения Николая Гумилева, но посмотрим, сохранил ли он читательский интерес, когда померкнет сенсационность возращения. Мандельштам — явление исключительное, его не с кем сравнивать. Сергея Есенин сказал в минуту совершенного поэтического бескорыстия и правды: «Разве мы пишем стихи? Вот Мандельштам пишет».

Мандельштама понимали плохо даже люди, духовно близкие ему. Исключение — Гумилев, Ахматова, собственная жена. Из Москвы донесся голос «болярины Марины»: «Молодой Державин!..» Но тут уже не отклинулся Мандельштам. Он не пытался объяснить себя людям и, отставая свою правду, не стремился быть понятым. Он был вынужден подчиняться обстоятельствам, но сохранял внутреннюю независимость.

Он ходил, высоко закинув голову, это раздражало. Он был признанный неудачник, растяпа, неумеха, сластена, всего боялся (а он-то ничего не боялся, даже Сталина; он вырвал из рук вооруженного зверя-убийцы Блюмкина список приговоренных к расстрелу и разорвал в клочья), над ним было принято подшучивать, и такому человеку не положено задирать нос. А он задирал. «Мраморная муха» — прозвал его Маяковский (по другой версии — Хлебников), имея в виду эллинские пристрастия Мандельштама и комическую монументальность постава щуплого, маленького человека. Кстати, Мандельштам не был такого уж маленького роста, каким его помнят многие мемуаристы, он был чуть ниже среднего мужского роста, куда выше, чем, скажем, П. Антокольский, которому рост никто не ставил в вину.

Но против Мандельштама обращалось

все: его стихи и проза, статьи и переводы, поэтические манифести и странная манера смеяться, когда он не мог остановиться, пораженный какой-то изначальной смехотворностью, кривизной бытия, непонятной его собеседнику, даже рост и манера держать голову, даже одежда — почти всегда, как и у Хлебникова, с чужого плеча. Но Хлебников был не от мира сего, убежденный ломпен, с него и взятки гладки, а Мандельштам помнил вкус шабля во льду, поджаренную булки, шашлыка из молодого барашка, терпкость крымского винограда, он любил жизни и на вкус, у него были манеры и замашки человека из общества — ему ничего не прощалось. «Дяденька, ты поп или генерал?» — спрашивали воронежские ребята, пораженные его длинной, «не по чину барственной шубой» и вскинутой головой. «Немножко и то, и другое», — посмеивался Мандельштам. Почти всю жизнь он знал жестокую нужду, проникшую в его позицию. Как солено приходилось Мандельштаму, если при его мужестве, умении жить мировым духом, а не бытом, обходиться без всяких житейских благ, с его высоким жизнелюбием он допустил горький всхлип: «...к груди прикипела слеза».

Как кончил свои дни поэт, неизвестно. Каждая версия обладает известной степенью вероятности и каждая недоказуема. Считается, что нет ничего тайного, что не стало бы явным, возможно, и тут когда-нибудь откроется истина, но пока неизвестно лишь гадать. Умер ли он от голода, на который сам себя обрек в душевном помрачении, разорвалось ли пробитое инфарктом, измученное сердце или забили его уголовники — темна вода. Неизвестно и то, где он нашел конец: под Владивостоком, или на потонувшей барже, или на Колыме. Не установлена и дата смерти, даже год.

Мандельштам не совершил никакого преступления, напротив, он поплатился жизнью за то, о чем открыто говорили на XX съезде партии, положившем конец культу личности. Да, он осмелился в начале 30-х сказать ту правду, которая спустя два с лишним десятилетия зазвучала с высокой трибуны.

Он исчез не сразу. Кто-то еще встречал Мандельштама — в бараке, у лагерного костра — глубокого старика в сорок семь лет, оборванного, заросшего, намерзшегося, задыхающегося. Он даже читал стихи, если его просили об этом. Родные успели получить от него прекрасное, мужественное письмо.

Значит, забвение?.. Нет. Полного забвения не было даже в самые тяжкие годы. Недаром Анна Ахматова говорила, что Мандельштам не нуждается в изобретении Гутенберга. Имя поэта не пропало вспаху, в стихи звучали. Помню, в двадцатом Коктебеле восемнадцатилетний Сева Багрицкий, сын знаменитого поэта и сам поэт, взахлеб читал поразительной мощи и красоты стихи, называя их своими. Последнее — для булгаринных и гречей. Посвященные знали, кого читает Сева. Так впервые услышал я воронежского Мандельштама и открыл для себя родину щегла. Мой щегол, я голову закину — Поглядим на мир вдвое:

Так ли жестк, колючий, как мякина,
Зимний день в зрачке твоем?
Хвостик лодкой, перья — черно-желты,
Ниже клюва в краску влит —
Сознаешь ли, до чего щегол ты,
До чего ты щегловит?

Что за воздух у него в надлобы:
Черн и красен, желт и бел —
В обе стороны

он в оба смотрит — в обе —

Не посмотрит — улетет!

Жестким, колючим, как мякина, был не только зимний воронежский день.

В одном из самых потрясающих своих стихотворений поэт говорит: «Мне на плечи кидается век-волкодав, но не волк я по крови своей». Бедный! Как будто на этот счет могли быть какие-то сомнения. Он был «Бог-Нахтигаль» — маленькая птичка с золотым горлом, сожмав кулаке — ее не станет. Но не надо забывать и о другом. Белла Ахма-

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Сусальными золотом горят
В лесах рождественские елки,
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.

О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Все большое далеко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

Воздух пасмурный влажен и гулок.
Хорошо и нестрашно в лесу.
Легкий крест одиноких прогулок
Я покорно опять понесу.

И опять к равнодушной отчизне
Дикой уткой взовьется упрек,—
Я участую в сумрачной жизни,
Где один к одному одинок!

Выстрел грянул. Над озером сонным
Крылья уток теперь тяжелы,
И двойным бытием отраженным
Одурманены сосен стволы.

Небо тусклое
с отсветом странным —
Мировая туманная боль —
О, позволь мне быть

также туманным

И тебя не любить мне позволь!

Мне холодно. Прозрачная весна
В зеленый пух Петрополь одевает,
Но, как медуза, невская волна
Мне отвращение легкое внушает.
По набережной северной реки
Автомобилей мчатся светляки,
Летят стрекозы и жуки стальные,
Мерцают звезды булавки золотые,
Но никакие звезды не убывают
Морской воды тяжелый изумруд.

Твое чудесное произношение —
Горячий посвист хищных птиц.
Скажу ль: живое впечатление
Каких-то шелковых зарниц.
«Что» — голова отяжелела.
«Цо» — это я тебя зову!
И далеко прошелестело:
Я тоже на земле живу.

Пусть говорят:

любовь крылаты,—
Смерть окрыленное стократ.

Еще душа

борьбой объята,

А наши губы к ней летят.

И столько воздуха,

и шелка,

И ветра в шепоте твоем,

И, как слепые,

ночью долгой

Мы смеясь бессолнечную пьем.

Сестры — тяжесть и нежность,
одинаковы ваши приметы.

Медуницы и осы

тяжелую розу сосут.

Человек умирает.

Песок остывает согретый,

И вчерашнее солнце

на черных носилках несут.

Aх, тяжелые соты и нежные сети!
Легче камень поднять,
чем имя твое повторить.

У меня остается

одна забота на свете:

Золотая забота,

как времени бремя избыть.

Словно темную воду,
я пью помутневший воздух.

Время вспахано плугом,

и роза землею была.

В медленном водовороте тяжелые,
нежные розы,

Розы тяжесть и нежность

в двойные венки заплела.

Умывался ночью на дворе,—

Твердь сияла грубыми звездами.

Звездный луч —

как соль на топоре,

Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота.

И земля по совести сурова,—

Чище правды свежего холста

Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке,

словно соль, звезда.

И вода студеная чернее,

Чище смерть, соленее беда,

И земля правдивой и страшнее.

Нет, никогда,

ничей я не был современник,

Мне не с руки почет такой.

О, как противен мне

какой-то соименник,

То был не я, то был другой.

Два сонных яблока

у века-властелина

И глиняный прекрасный рот,

Но к млеющей руке

стареющего сына

Он, умирая, припадет.

Я с веком поднимал

болезненные веки —

Два сонных яблока больших,

И мне гремучие рассказывали реки

Ход воспаленных тяжб людских.

Сто лет тому назад

подушками белела

Складная легкая постель,

И странно вытянулось

глиняное тело,—

Кончался века первый хмель.

Среди скрипучего похода мирового

Какая легкая кровать!

Ну что же,

если нам не выковать другого,—

Давайте с веком вековать.

И в жаркой комнате,

в кибитке и в палатке

Век умирает, а потом

Два сонных яблока

на роговой облатке

Сияют перистым огнем.

За гремучую доблесть
грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чести на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается

век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше,
как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.
Чтоб не видеть ни труса,
ни хлипкой грязы,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,
Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые годы.
Еще обиду тянет с блонда
Невыспавшееся дитя,
А мне уж не на кого дуться,
И я один на всех путях.

Ариост

В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна,
как руки брадобрея,
О, если б распахнуть,
да как нельзя скорее,
На Адриатику широкое окно.
Над розой мускусной
жуужание пчелы,
В степи полуденной —
кузнец мускулистый,
Крылатой лошади подковы тяжелы,
Часы песочные желты и золотисты.
На языке цикад пленительная смесь
Из грусти пушкинской
и средиземной спеси,
Как плющ назойливый,
цепляющийся весть,
Он мужественно врет,
с Орландом куролеся.
Часы песочные желты и золотисты,
В степи полуденной

кузнец мускулистый,
И прямо на луну
взлетает враль плечистый.
Любезный Ариост, посольская лиса,
Цветущий папоротник, парусник,
столетник,
Ты слушал на луне овсянок голоса,
А на дворе у рыб
ученый был советник.
О, город ящериц,
в котором нет души,
От ведьмы и суды
таких сынов рожала
Ферара черствая
и на цепи держала,—
И солнце рыжего ума
взошло в глухи.
Мы удивляемся лавочке мясника,
Под сеткой синих мух
уснувшему дитяти,
Ягненку на горе, монаху на осяти,
Солдатам герцога, юродивым слегка
От винопития, чумы и чеснока,
И свежей, как заря,
удивлены утрате...

Улыбнись, ягненок гневный,
с Рафаэлева холста,—
На холсте уста вселенной,
но она уже не та!
В легком воздухе свирели
раствори жемчужин боль,—
В синий, синий цвет синели
океана въелась соль.
Цвет воздушного разбор
и пещерной густоты,
Складки бурного покоя
на коленях разлиты.
На скале черствее хлеба —
молодых тростинки рощ,
И плавает углами неба
восхитительная мощь.

Старик

Уже светло, поет сирена
В седьмом часу утра.
Старик, похожий на Верлена,
Теперь твоя пора!
В глазах лукавый или детский
Зеленый огонек.
На шею нацепил турецкий
Узорчатый платок.
Он богохульствует, бормочет
Несвязные слова,
Он исповедоваться хочет —
Но согрешить сперва.
Разочарованный рабочий
Иль огорченный мот,—
А глаз, подбитый в недрах ночи,
Как радуга цветет.
А дома руганью крылатой,
От ярости бледна,
Встречает пьяного Сократа
Суровая жена!

Декабрист

«Тому свидетельство
языческий сенат,—
Сии дела не умирают!»
Он раскурил чубук
и запахнул халат,
А рядом в шахматы играют.
Честолюбивый сон
он променял на сруб
В глухом урочище Сибири,
И вычурный чубук у ядовитых губ,
Сказавших правду в скорбном мире.
Шумели в первый раз
германские дубы,
Европа плакала в тенетах,
Квадриги черные вставали на дыбы
На триумфальных поворотах.
Бывало,
голубой в стаканах пунш горит.
С широким шумом самовара
Подруга рейнская тихонько говорит,
Вольнолюбивая гитара.
«Еще волнуются живые голоса
О сладкой волности гражданства!»
Но жертвы не хотят слепые небеса:
Вернее труд и постоянство.
Все перепуталось, и некому сказать,
Что постепенно холода,

Все перепуталось,
и сладко повторять:
Россия. Лета, Лорелая.

■
Я вернулся в мой город,
знакомый до слез,
До прожилок,
до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда,—
так глотай же скорей
Рыбий жир
ленинградских речных фонарей.
Узнавай же скорее
декабрьский денек,
Где к зловещему дегтя
подмешан желток.

■
Петербург,
я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.
Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвцеволоса.
Я на лестнице черной живу,
и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом
звонок.
И всю ночь напролет
 между гостей дорогих,
Шевеля кандалами
цепочек дверных.

■
Вооруженный зренем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную,
Я чую все,
с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусту и всуе.
И не рисую я, и не пою,
И не вою смычком черноголосым,
Я только в жизнь
впиваюсь и люблю
Завидовать могучим, хитрым осам.
О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить, сон и смерть минуя,
Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную.

дулина обмолвилась однажды, что Мандельштам «грозно хрупок». Если он и был птицей, то стальной птицей. Его уничтожили физически, но не сломали духовно. В нем до конца «росли и переливались волны внутренней правоты». Он ни на волос не отдался от лица, не опустил закинутой головы. Нет, не согнуть было эту человеческую сталь, и он все понимал про себя и про свое дело: «Раз за позицию убивают, значит, ей воздают должный почет иуважение, значит, она власть». Он сказал:

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильтвенной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.
И еще он сказал:

И не ограблен я и не надломлен,
Но только что всего переогромлен —
Как Слово о полку, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружье —
Сухая влажность черноземных га.

Существует представление, что Мандельштам проделал обратный пастернаковскому поэтический путь: тотшел от сложности и крайней субъективности ранней лирики («Сестра моя жизнь» и «Поверх барьера») к великой простоте стихов о войне и последнего цикла: «Гамлет», «Быть знаменитым», «Я кончился» и т.д., а Мандельштам — от элинской ясности и чистоты «Камня» через более сложную «Tristia» к воспаленному бормоту воронежских страсти. Должен сразу оговориться, что не хватали за руку, у раннего Мандельштама есть стихи не столь общедоступные, скажем, «Silentium» или «Еще далеко асфоделе», а в воронежском навороте встречаются такие прозрачные, как «Щегол» или «Стрижка детей». Но замечательно сказал сам Мандельштам в одном из стихотворений, посвященных Андрею Белому: «Может быть, простота — уязвимая смертью болезнь». Есть и русская поговорка о том, что простота хуже воровства. Это к тому, что простота в литературе не может быть самоцелью, есть лишь одна цель — полнее, окончательней высказаться. И по мере сил лаконично, ибо каждое лишнее слово уменьшает энергию мысли и чувства. Но лаконизм не обязательно означает малословие. Марсель Пруст со своими огромными периодами лаконичен, ибо у него нет лишних слов, а только необходимые для его целей. Б. Пастернак в молодости так намаялся с самим собой, мирозданием и безвыборной необходимости вбить маэту своей жизни в стихи, что в старости просто не мог не прийти к более простой модели мироздания и своего пребывания в нем. Эта новая модель естественно выражалась в более простых словосочетаниях. Я не знаю, лучше ли этот новый Пастернак того, что «заумен». Да нет, каждый по-своему хорош, но в молодом было больше стихии, свежести. Я не берусь утверждать, что воронежский Мандельштам — темный, таинственный, часто зашифрованный почти до непрочтения, лучше молодого, ясного, как день. Но я категорически не согласен с теми зарубежными исследователями его творчества, что видят в этих стихах упадок. Какой там! От соприкосновения с простой и вечной матерней чернозема он стал человечески глубже и мудрее. И не захотел остаться на периферии этого нового Мандельштама, а вонзил поэтическую лопату в глубь себя, как в черноземную силу земли, и пошел выворачивать невиданные пласти.

Такой поэтической мощи, такой окончательности самовыражения не знала поэзия нашего века. Никто не доходил до подобного обнажения боли, являющейся одновременно и ее преодолением. И это потребовало иного языка, какого не было на слуху людей. Им надо овладевать, чтобы читать «в подлиннике» воронежского Мандельштама. И тогда он станет понятен, как зашифрованная депеша, если к ней подобрать ключ. Для этого надо знать обстоятельства его жизни — и внешней, и внутренней, знать, что он рано открыл для себя европейскую культуру с ее колыбелью — Средиземноморьем, но это тон-

кое знание стало истинной силой, лишь опершись о черные плачи земли, —войти в круг его образов и, конечно же, располагать свободным душевным временем, отдав его любви к поэзии. Тогда окажется, что он очень конкретен, прочнейшие связаны с действительностью, его пространством и временем, что нет тут и тени произвола, все выверено совершенной зрелостью, безошибочным чувством внутренней правоты, и все очень... я чуть было не сказал «просто», ибо въелось под кожу представление о простоте как о главном литературном достоинстве. Попробуем все же обойтись без этой пресловутой простоты. Нет, не просто, а сложно, глубоко, порой неоднозначно и отнюдь не высушенено до последнего закоулка, но почти все приживается к ткани твоей души, становится ее болью и силой, ее не знаемым прежде опытом, ее богочестивым, уносящим горе. А если и остается что-то не разгаданное, то это не беда, это хорошо, ибо душа продолжает работать, когда глаза твои уже оторвались от огненных письмен.

Почему тогда прямо не сказать, что воронежские стихи — вершина Мандельштама? Ну, хотя бы потому, что я не могу пожертвовать совершенством «Царского села», «Золотого», «Лютеранина», «Петербургских строф», «Золотистого меда» струя из бутылки текла», «Декабриста», «Чуть мерцает призрачная сцена», «В Петербурге мы сойдемся снова», я уже не говорю о более поздних: «Нет, никогда ничей я не был современник», «Ленинград», «С миром державным», «За гремучую доблесть грядущих веков», «Я скажу тебе с последней простотой», но, кажется, я перечислю все стихи Мандельштама. Да так и надо бы сделать, ибо у Мандельштама не было стихов хуже и лучше, как у всех поэтов, он сразу стал равен себе высшему.

У великих поэтов всегда есть стихотворение, до того простое, не принаряженное, прямое и щемящее, что аж дух перехватывает, и не понять, чем же оно тебя так забрало? Мандельштам создал нечто бесхитростное, как вздох, и таинственное, как сама поэзия. Четыре строчки, вроде бы лишенные всякого содержания, вовсе никакие, а прочтешь, повторишь про себя, и «к груди прикипает спазм».

Рассеян утренник тяжелый,
На босу ногу день пришел,
И на дворе военной школы
Играют мальчики в футбол...

Почему это так трогает? Чудесно, свежо звучит, что «день пришел на босу ногу», такой вот неодетый весенний денек, что явился и сразу растопил присол ночного морозца, кроющий сединой прошлогодние жухлые травы. Пока иней держится, тяжело гонять футбольный мяч по полю — вязко. Играют будущие офицеры, юноши, названные мальчиками; в этом слове свежесть, румянец, безвинность перед миром, а в контексте стихотворения — грусть, потому что они — жертва будущей войны. С этого двора, влажного от растаявшего иней, с этой футбольной разминки-закалки начинается путь в смерть.

При желании тут можно еще что-то вычитать, четыре строчки на редкость богаты информацией, волнист лад созвучных, легко переставляемых строк, создающих ощущение замкнутого пространства (двора), грозно разрываемого точками, заменяющими продолжение. Я произнес куда больше слов, чем потрачено поэтом на это стихотворение, но разве добавил к нему хоть самую малость, разве объяснил его очарование? Да нет, тайна так и осталась за семью замками. Алладин может сколько угодно тереть свою старую лампу и талдычить «Сезам, открыся!», поэтическая пещера заклинаниям не поддается, и что ей волшебная лампа? Она готова одарить вас своими сокровищами просто так, но внутрь не пустит, если вы не Поэт.

Что же, призыв поэта к слову вернуться в музыку услышен? Выходит, да. Магия поэзии, проще — настоящую поэзию, а не хорошо засирифованные строчки, сообщающие те мысли и чув-

ства, которые отлично могут быть выражены прозой, нельзя передать иной речью. Даже словом «музыка», ибо и оно лишь намекает на тайну.

Этой магии исполнена вся поэзия Мандельштама. И потому каждое стихотворение куда больше своего прямого содержания, очарования лада, строя, рифм и образов.

Когда пронзительнее свиста
Я слышу английский язык —
Я вижу Оливера Твиста
Над кипами конторских книг.

И вы, читающие эти строки, слышите прежде всего свист, чисто английский зубной присвист, который завораживает, переносит в иные пространство и время и лишь в самом конце отпускает, чтобы ахнуть горестным, ранящим образом качающегося в петле банкрота, чьи «клетчатые панталоны, рыдая, обнимают дочь». Что вам за дело до этого неудачника давней поры, чужой земли? «Клетчатые панталоны» сделали его вашим бедным братом в человечестве. И все же завораживает стихотворение не щедростью точнейше отобранных деталей, а все той же магией, которую сейчас мне хочется определить как таинственное свечение за плотной очевидностью слов.

Нередко слышишь утверждение, что проза — проверка поэта. Почему? Считается, что проза изначальна. Но легче поверить, что первая речь наших предков приближалась к поэзии. Во всяком случае, ей надлежало быть ритмичной. Едва брезжущее сознание дебилов глухо к словам и музыке, но отзывается ритмом. Можно предположить, что на заре сознания двуногие существа с освободившимися передними конечностями прибегали для общения к ритмическому звукоряду. А это ближе к поэзии, чем к прозе. Скорее всего, завораживает пример Пушкина и Лермонтова, равновеликих в поэзии и прозе. Но ни Тютчев (четыре политических статьи), ни Некрасов (хорошая критика и слабые романы), ни Фет (бедность вполне житейских мемуаров, посредственный рассказ) не выдерживают проверки прозой. Блоковская проза, сухая, четкая, деловитая, вызывающе непохожа на его поэзию. Но великолепна проза Сологуба, Пастернака, Ахматовой, Цветаевой, список можно довести до сегодняшнего дня. Стало быть, бывает и так, и сяк. Проза Мандельштама равна его стихам, хотя мало похожа на них, если говорить о беллетристике. Другое дело — изумительное исследование о Данте — это продолжение его поэзии. Прозу Мандельштама отличает блестательное остроумие. Он не принадлежал «к тем высоким душам, которые лишены чувства юмора» (выражение Томаса Манна о Стриндберге). Проза вышеназванных поэтов-прозаиков безулыбчива, как Христос. Сологубовский «Мелкий бес» остросатиричен и страшен, проза остальных вне юмора. Читая некоторые пассажи в «Египетской марке», во многих очерках и зарисовках, нельзя удержаться не то что от улыбки — от громкого смеха. До чего же широка клавиатура Мандельштама!..

Всех русских поэтов мы до сих пор «прикидываем» к Пушкину, забывая, что после пушкинского выученика Лермонтова отечественная поэзия пошла и по другому пути. С Тютчева возродилась державинская нота и державинская дисгармония, передалась Фету, Иннокентию Анненскому и «молодому Державину» (Марина Цветаева обладала редким для поэта даром безоглядно влюбляться в чужую музу).

Мандельштам достойно продолжил философскую и политическую лирику Тютчева. В одном лишь он решительно отличается от своего предшественника, величайшего любовника в русской поэзии: у него почти нет любовных стихов. И это поразительно, ведь он был влюбчив и страстен. Стихи, посвященные Ахматовой, — речь поэта к поэту.

Его руку толкали к перу не женские образы, а тайны мироздания, спор с веком, Средиземноморье, лики гениальных творцов, Россия, Петербург, собственная душа — частица вселенской души.

Смена

ОТКЛЮЧЕНИЕ от НОРМЫ

Джон УИНДЕМ

Научно-фантастический роман

В произведениях знаменитого английского фантаста много и плодотворно разрабатывалась тема столкновения земной цивилизации с серьезными испытаниями глобального характера. В наши дни, когда угроза ядерной катастрофы реально нависла над планетой, полный глубоких философских раздумий и прозрений роман звучит как предупреждение, как призыв к человечеству задуматься о своем будущем.

Рисунок Бориса Сопки

Глава первая

1

Еще в очень раннем детстве мне иногда снился Город. В этом не было бы ничего странного, если бы не одно обстоятельство: сны эти стали посещать меня задолго до того, как я узнал, что это, собственно, значит — Город. Тем не менее эти видения упрямо повторялись. Я видел ослепительное солнце над голубым заливом, улицы, здания, набережную, огромные лодки у пристани... Наяву мне никогда не доводилось видеть ни моря, ни лодок...

Дома во сне были совершенно не похожи на те, которые окружали меня в жизни. Улицы тоже были поразительно необычны: странные на вид экипажи двигались сами по себе, без лошадей. Иногда в небе мелькали какие-то огромные блестящие предметы, и почему-то я твердо знал, что это не птицы.

Обычно это удивительное место представляло передо мной залитым светом — там был день. Но иногда — очень редко — там была ночь, и тогда какие-то яркие огни освещали берег.

Это было удивительное, ни на что не похожее зрелище. Однажды, когда я был еще настолько мал, чтобы совершить такую оплошность, я спросил свою старшую сестру Мэри, где может находиться это необыкновенное место.

Выслушав меня, Мэри отрицательно покачала головой и сказала, что такого места нет нигде. Во всяком случае, в наше время. Быть может, сказала она, мне снилось то, что было очень давно, много-много лет назад. Сны вообще забавная штука, для них ведь нет никаких границ, и то, что я видел, могло быть миром Древних — тем самым чудесным миром, в котором жили Древние до того, как на них обрушилась Кара.

Объяснив мне все это, Мэри внимательно на меня посмотрела, и лицо ее приняло озабоченное выражение. Тихо, но настойчиво она предупредила, чтобы я ни под каким видом никогда и никому не говорил об этих удивительных снах. Насколько она знает, никого больше не посещают такие причудливые видения, ни во сне, ни наяву, поэтому ни в коем случае не следует упоминать о них при посторонних.

Это был хороший совет, и, к моему великому счастью, я ему последовал. У всех наших соседей было весьма острое чутье на все хоть сколько-нибудь необычное. Даже на то, что я был левша, они иногда поглядывали косо. Так вот и вышло, что я долго-долго никому не рассказывал о своих странных снах.

Но совет старшей сестры сделал свое дело. Если бы не он, я наверняка сболтнул бы кому-нибудь не только об этих снах, но и о нашем необыкновенном общении с моей кузиной Розалиндой. А это уж наверняка кончилось бы страшной бедой для нас обоих. (В том случае, конечно, если бы нам поверили.) Хотя в то время мы с Розалиндой не придавали нашим «разговорам», как мы это называли, никакого значения, мы все-таки держали их втайне. Впрочем, я, кажется, забежал вперед. О своих так называемых «разговорах» с Розалиндой я расскажу позже...

Несмотря на мои странные сны и тайну, связывавшую меня с Розалиндой, я совсем не чувствовал себя непохожим на других. Я был нормальным мальчишкой, как и все мои сверстники, и воспринимал действительность, окружающую меня, как единственную возможную форму жизни.

Так продолжалось до тех пор, пока я не встретил Софи.

Впрочем, даже и тогда я не ощущал никакого особого сдвига в своем сознании. Только теперь, оглядываясь назад, я безошибочно могу выделить этот день, как самый первый момент, когда у меня, ребенка, появились первые сомнения.

В этот день, как это часто бывало и раньше, я был предоставлен самому себе, никто не обращал на меня никакого внимания. Мне было тогда лет десять, не больше. Самая младшая из моих сестер была пятью годами старше меня, поэтому большую часть своего времени я проводил в одиночестве.

Я решил пойти по нашей проселочной дороге к югу. Миновав несколько полей, я подошел к высоченной насыпи и взобрался на самый ее гребень.

Тогда я еще совершенно не задумывался о происхождении этой насыпи. Она была слишком грандиозна, чтобы я мог предположить, что ее сделали люди. И уж совсем не приходило мне в голову связывать ее с Древними, о которых я тогда уже слышал от взрослых. Насыпь сперва описывала как бы часть правильного круга, а потом, превратившись в прямую и длинную, как стрела, линию, уходила в сторону гор. Для меня это была просто часть окружающего меня мира, не вызывавшая никакого удивления, как не вызывали его река, небо или те же горы.

Я и раньше часто взбирался на ее гребень, но почти никогда не спускался оттуда на противоположную сторону. Почему-то я считал землю по ту сторону

насыпи чужой — не враждебной, а просто чужой, мне не принадлежавшей. Но недавно я обнаружил там одно местечко, где дождевая вода, стекающая по противоположной стороне насыпи, образовала в песке довольно большую лощину. Если сесть на самом верху этой лощины и сильно оттолкнуться, можно было прокатиться на хорошей скорости вниз, а под конец пролететь несколько футов в воздухе, прежде чем приземлиться в кучу мягкого, теплого песка.

Я бывал здесь и раньше, но мне ни разу еще не приходилось кого-нибудь тут встретить. Но на этот раз, когда я поднимался с песка после третьего своего полета, чей-то голос сзади окликнул меня:

— Привет!

Я обернулся. Сперва я не мог понять, откуда доносится это приветствие, но потом мой взгляд привлекли шевелящиеся ветки кустарника. Ветки раздвинулись, и из них выглянуло маленькое загорелое личико, обрамленное темными кудряшками. Выражение его было серьезно, даже настороженно, но глаза светились доверчивостью и любопытством. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Потом я осторожно кивнул и тоже сказал:

— Привет!

Девушка поколебалась немного, отвела ветки в сторону и вышла из кустарника. Она была чуть меньше ростом да и, наверно, моложе меня. На ней были рыжие штаны из грубой ткани и желтая майка.

Я уставился на нее с изумлением. У нас часто бывали многолюдные сборища, на которых я видел всех детей, живущих в округе даже на расстоянии многих миль. Немудрено, что я был удивлен до крайности, повстречав незнакомую девчонку.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Софи, — ответила она. — А тебя?

— Дэвид, — назвал я себя и, помолчав, спросил: — Ты где живешь?

— Там. — Она неопределенно махнула рукой в сторону «чужой» земли.

Она не могла оторвать глаз от песчаного желоба, по которому я только что так лихо скатился.

— Тебе не страшно было? — спросила она, глядя уже не так настороженно.

— Ничуть. Хочешь попробовать?

Ни слова не говоря, она ловко вскарабкалась на насыпь. Сильно оттолкнувшись, слетела вниз с разевающимися кудряшками и пылающим от возбуждения лицом. Глаза ее светились восторгом.

— Давай еще! — крикнула она и, не дожидаясь меня, полезла наверх.

Второй полет раззадорил ее еще больше. Но третий оказался неудачным. Немного не рассчитав, она приземлилась не там, где я, а чуть левее. Я ждал, что она вот-вот поднимется и мы снова полезем вверх. Но она почему-то осталась сидеть на песке.

— Ну! Вставай же! — нетерпеливо подтолкнул ее я.

Она попробовала шевельнуться, но лицо ее сморщилось от боли.

— Не могу... Больно... — слабо простонала она.

— Где больно? — не понял я.

Ее личико напряглось, на глаза набежали слезы.

— Нога застягивается, — сказала она чуть слышно.

Ее левый ботинок был засыпан песком. Я разгреб песок руками и увидел, что он был крепко зажат между двумя большими камнями. Я попробовал раздвинуть камни, но они не поддавались.

— Поверти ногой и дерни посильнее.

Она попробовала и тут же прикусила губу от боли.

— Давай я дерну, — предложил я.

— Нет, нет, что ты! — испугалась она. Но я уже и сам понял, что предложение мое никуда не годилось: было видно, что каждое движение ноги причиняет ей невыносимую боль. «Что же делать?» — подумал я. И тут меня осенило:

— Давай разрежем шнурки, ты снимешь ботинок и вытащишь ногу.

В глазах ее мелькнул ужас.

— Нет! — крикнула она так, словно я предложил ей нечто чудовищное. — Я... я не могу... Мне... мне нельзя...

Она была так напугана, что я не стал настаивать. Если бы она вытащила ногу из ботинка, мы бы потом как-нибудь уж сумели вызволить и ботинок. А так — я просто не знал, что делать.

Она обхватила застягивавшую ногу обеими руками. Лицо ее было все в слезах, но даже и сейчас она не ревела в голос, а только слегка поскрипывала, как щенок.

В растерянности я уселся возле нее. Она обеими руками вцепилась в мою ладонь и стиснула ее изо всех сил. Я чувствовал, что ей с каждой секундой становится все больнее. Пожалуй, впервые в жизни я оказался в положении, которое требовало немедленного и твердого решения.

— Послушай! — сказал я. — Ботинок все равно придется снять. Если ты этого не сделаешь, ты останешься здесь навсегда и умрешь...

Снова тот же непонятный ужас отразился на ее лице.

— Нет! — лепетала она. — Нельзя! Мне нельзя этого делать! Никогда!

Но в конце концов она согласилась, что другого выхода нет. Словно завороженная глядела она, как я разрезаю шнурок. А когда я покончил с этим делом, сказала:

— А теперь уди. Ты не должен... смотреть!

Я не стал спорить, отошел на несколько шагов и повернулся к Софи спиной. Я слышал, как она тяжело дышала, а потом снова заплакала.

— Ничего не выходит, — простонала она.

Вернувшись, я наклонился над ее ногой и стал соображать, как бы все-таки вытащить ее из расщелины.

— Ты никому никогда не должен говорить об этом! — прошептала Софи. — Никогда! Ни одному человеку. Обещаешь?

Я пообещал, хотя мало что понял. Меня в этот момент заботило совсем другое. С большим трудом мне все-таки удалось вытащить ее ногу из ботинка. Боль, видно, была невыносимая. Но Софи даже не вскрикнула. Только всхлипывала слегка, стиснув зубы. Ни разу в жизни мне еще не приходилось видеть такую храбрую девчонку.

Вызванная из беды нога выглядела ужасно: была вся красная и очень распухла. Поэтому я даже не заметил тогда, что пальцев на ноге у Софи было больше, чем у меня...

После долгой возни мне удалось наконец вытащить и ботинок, но Софи никак не могла надеть его на распухшую ногу. Да и о том, чтобы ступить на поврежденную ногу, не могло быть и речи. Я подумал, что мне удастся дотащить девчонку до дома на закорках. Но она оказалась гораздо тяжелее, чем я думал, и вскоре я понял, что так мы далеко не уйдем.

— Пойду позову взрослых, — сказал я.

— Нет! — отчаянно крикнула Софи. — Я могу ползти на четвереньках.

Она ползла, осторожно подтягивая больную ногу, а я плелся сзади, таща в руке ее башмак. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным. Она ползла долго, но в конце концов все-таки выбилась из сил. Штаны ее прорвались на коленях, и ссадины сильно кровоточили. Любой из моих сверстников, даже мальчишка, давным-давно уже разревелся бы на ее месте. Мужество этой маленькой хрупкой девочки вызывало у меня восхищение. И в то же время сердце мое сжалось от жалости.

Я помог ей встать на ноги, чтобы она показала мне, где находится ее дом. Уговорив Софи подождать меня, я изо всех сил припустил к дому, а когда оглянулся назад, увидел, что она заползла в высокий кустарник и спряталась там.

Подбежав к дому, я стал что было силы барабанить в дверь. Мне открыла высокая красивая женщина с добрым, усталым лицом. Ее коричневое платье было чуть короче, чем у наших женщин, но на груди был нашит матерчатый крест, как у всех: две полосы от шеи до пояса и одна поперечная. Крест был зеленый, под цвет косынки на голове.

— Вы мама Софи? — спросил я, отдушавшись.

— Что случилось? — тревожно спросила она. Она была так взволнована моим появлением, что вопрос невольно прозвучал резко и даже не слишком доброжелательно.

Я сбивчиво рассказал ей обо всем, что произошло.

— Нога?! О, боже! — воскликнула она. И на лице ее появилось уже знакомое мне выражение ужаса: то самое выражение, которое совсем недавно я видел на лице Софи.

Но она быстро совладала со своими чувствами. Я повел ее к кустарнику, в котором оставил Софи. Услышав голос матери, девочка сразу выползла ей навстречу. Со слезами на глазах женщина глядела на распухшую ступню дочери, на ее разорванные штаны и кровоточащие коленки.

— Бедняжка ты моя! — вырвалось у нее, и она бережно взяла Софи на руки. Приласкав и успокоив ее, она спросила, понизив голос:

— Он видел?

— Да, — сказала Софи. — Не сердись, мам! Я терпела изо всех сил. Но без него я бы не справилась. Было... было очень больно...

Мать помолчала немного, потом тяжело вздохнула и, словно отгоняя от себя какие-то мрачные мысли, сказала:

— Ну что ж... Теперь уж ничего не поделаешь... Пойдем!

Софи взобралась к матери на плечи, и мы двинулись к дому.

2

Заповеди, которые вдлбивают ребенку в детстве, прочно удерживаются в его памяти. Но, как правило, они мало что для него значат, пока он не столкнется с реальностью. Кроме того, даже столкнувшись в жизни с чем-то напоминающим эти заповеди, надо еще связать

воедино слова и действительность. Лишь тогда слова перестанут быть пустым звуком и обретут смысл.

Я тихонько сидел и смотрел, как мать перевязывала распухшую ножку Софи, и мне даже в голову не приходило связать то, что я видел, с тем, что я всю свою жизнь слышал по воскресным дням:

«И создал господь человека по образу и подобию своему. И пожелал господь, чтобы у человека было одно тело, одна голова, две руки и две ноги. Каждая рука должна оканчиваться ладонью, и каждая ладонь должна иметь пять пальцев, и на конце каждого пальца должен быть ноготь...» И так далее.

Я знал все это наизусть, и тем не менее шестипалая ножка Софи не вызывала у меня никаких особых чувств. Я видел только слезы на глазах у матери, и мне самому было до слез жалко их обеих, а больше я ничего не чувствовал.

Когда перевязка была закончена, я с любопытством оглядился. Дом был намного меньше нашего, но понравился он мне гораздо больше. Он был как-то по-другому настроен к людям. Теплее. Дружелюбнее... Мать Софи очень нервничала, но ничем не дала мне понять, что я — нежеланный гость, принесший в ее дом беду.

Внутреннее убранство дома тоже очень понравилось мне, особенно потому, что на стенах не было никаких изречений и надписей, которые мне всегда казались полной бессмыслицей, унылой и скучной, но, по-видимому, необходимой. Здесь вместо них висели рисунки, изображающие лошадей, и они показались мне очень забавными.

Миссис Уэндер велела мне подождать ее здесь, пока она отнесет дочку наверх. Вскоре она возвратилась и села рядом со мной. Она взяла меня за руку и заглянула мне прямо в глаза. Я чувствовал, что она очень волнована, но не мог понять причины ее беспокойства. Я мысленно попытался уверить ее, что нет никакой нужды беспокоиться, но мне это не удалось. Она продолжала пристально глядеть на меня, и глаза ее были похожи на глаза Софи, когда та еле удерживалась от рыданий. Как я ни напрягался, чтобы проникнуть в ее мысли, я чувствовал лишь смутное беспокойство и беззащитность. И мои мысли тоже, сколько я ни старался, не доходили до нее.

Наконец она вздохнула и проговорила:

— Ты хороший мальчик, Дэвид. Ты был очень добр к Софи, и я хочу как-нибудь отблагодарить тебя за это.

Чтобы скрыть смущение, я опустил голову и уставился на свои ботинки. Я не помнил, чтобы до этих пор кто-нибудь называл меня хорошим мальчиком. Я просто не знал, что нужно говорить в таких случаях.

— Тебе понравилась Софи, правда? — продолжала она, не отрывая от меня глаз.

— Да, — сказал я. — Она очень храбрая. Она ни разу не заплакала, а нога, наверно, здорово болела.

— Ты умеешь хранить тайну? — спросила она и торопливо добавила: — Это очень важно! Ради нее, Дэвид!

— Да, конечно, — ответил я не совсем уверенно, потому что не догадывался, о чем идет речь.

— Ты видел ее ногу? Ее пальцы? — дрожащим голосом спросила миссис Уэндер. Я кивнул.

Она побледнела, но справилась с собой и твердо сказала:

— Вот это и есть то самое, что нужно сохранить в тайне, Дэвид. Никто больше не должен знать об этом. Знаешь только ты, если не считать меня и отца Софи. Больше никто. Никто и никогда...

— Хорошо, — сказал я.

Она замолчала. Я снова попытался проникнуть в ее мысли, но чувствовал лишь все ту же смутную и мрачную тревогу.

— Это очень, очень важно! — прошептала она, сжимая руки. — Как бы мне объяснить тебе это!

На самом деле ей не надо было объяснять мне это. Я всем своим существом ощущал, насколько это для нее важно. Мне все не удавалось успокоить ее мысленно, поэтому я громко и твердо сказал:

— От меня никто ничего не узнает... Никогда!..

Однако я чувствовал, что тревога не оставляет ее, даже растет. Слова, которые она при этом произнесла, были намного бесцветнее и слабее ее мыслей.

— Если кто-нибудь узнает о Софи, — запинаясь, произнесла она, — они... они обойдутся с нею жестоко. Этого не должно случиться!

Мне вдруг показалось, что я отчетливо вижу у нее в груди острую железную занозу, которая рвет и терзает ее сердце.

Я спросил:

— Это из-за того, что у нее шесть пальцев?

— Да.

— Я обещаю! Если хотите, я могу поклясться...

— Нет, нет, — вздохнула она. — Мне довольно твоего обещания.

Забегая вперед, могу сказать, что я сдержал свое слово и даже Розалинде не открыл этой тайны, так поразила меня непонятная мне тревога миссис Уэндер.

Она продолжала грустно и, как мне показалось, все еще недоверчиво смотреть мне в глаза. Я почувствовал себя неволовко. И тут она улыбнулась, словно вся тяжесть вдруг упала с ее души.

— Все в порядке, — сказала она. — Мы будем держать это в тайне. Даже между собой никогда больше не будем говорить об этом. Ладно?

Я утвердительно кивнул.

У двери я остановился и спросил:

— А можно мне иногда приходить сюда поиграть с Софи?

Она поколебалась немного, что-то обдумывая, и ответила:

— Можно... Только... Помни, никто не должен об этом знать.

3

Монотонные воскресные заповеди все еще не связывались у меня с реальностью, когда я шел к насыпи. Но когда я взобрался на гребень, они странным образом начали приходить во взаимодействие с только что пережитым и вдруг обрели для меня совершенно новый смысл. Определение Человека медленно всплыло у меня в мозгу:

«...И каждая нога должна сгибаться посередине и иметь одну ступню. И каждая ступня должна иметь пять пальцев, и каждый палец должен иметь на конце ноготь...» И дальше: «И любое существо, которое имеет человеческий облик, но устроено не так, как здесь сказано, — не есть человек. Это не мужчина и не женщина. Это — богохульство, издевательство над истинным подобием господа, и оно ненавистно взору господню».

Я был растерян. Богохульство!.. Всю мою короткую жизнь мне вдалбливали в голову, что нет на свете ничего страшнее этого... Но что могло быть страшного в Софи? Она самая обыкновенная девочка, если не считать того, что она лучше и храбре других. Однако, если верить Определению...

Нет, наверняка здесь какая-то ошибка! Ведь не может же быть, чтобы из-за одного маленького пальца, пусть даже двух (наверное, на другой ноге у нее тоже их шесть) она стала «ненавистна взору господню»...

Странные вещи творились в окружавшем меня мире.

Глава вторая

1

Я шел домой обычной своей дорогой. Когда на моем пути стали попадаться деревья, я сполз с насыпи вниз на узкую тропку, по которой редко кто ходил. Я беспокойно оглядывался по сторонам, крепко сжимая рукоятку ножа. Мне очень хотелось поскорее выбраться из зарослей, потому что иногда даже крупные звери, случалось, забредали в наши места, и здесь вполне можно было встретить дикую кошку или собаку. Но на этот раз мне повстречались только мелкие зверушки, испуганно шарахавшиеся при моем приближении.

Пройдя около мили, я вышел на возделанную землю: отсюда уже был виден наш дом. Я огляделся, прошел вдоль опушки леса ближе к поселку, пересек все поля, кроме последнего, хоронясь за изгородями, и вновь стал оглядываться вокруг: не заметил ли кто-нибудь, откуда я пришел. Поблизости не было никого, кроме старого Джейкоба: он разгребал во дворе навоз. Когда он повернулся ко мне спиной, я неслышно преодолел открытые пространство, отделявшее меня от дома, влез в окно и торопливо прошел в свою комнату.

Не так-то легко представить себе наш дом, не видя его ни разу. С тех пор как пятьдесят лет тому назад мой прадед Элиас Строрм выстроил самую старую его половину, к нему множество раз пристраивались новые комнаты, веранды и разные подсобные помещения. Теперь одно его крыло занимали сараи, амбары и стойла, а в другом находились столовые, гостиные и комнаты работников. Оба крыла сильно выдавались вперед и почти смыкались вокруг большого возделанного сада перед главным строением.

Как и все дома в поселке, наш дом сложен из грубо обтесанных бревен. Но поскольку он самый старый, в стенах его полно щелей и трещин, заложенных кирпичами и осколками камней, взятыми из развалин, оставшихся от жилищ Древних. Внутри дом разделен на комнаты плетеными перегородками, покрытыми штукатуркой.

Дед мой, как я представлял себе со слов отца, был человек, исполненный фанатической веры в святость и непогрешимость божественных заповедей. Лишь много позже мне удалось «по кусочкам» составить истиный его портрет, менее расплывчатый, чем в детстве, но гораздо более отталкивающий.

Элиас Строрм пришел в здешние места с западного побережья. Причина, побудившая его переменить место жительства, по его словам, заключалась в том, что образ жизни там, на побережье, не отвечал его богоугодным устремлениям. Однако краем уха я слышал, что его родные не могли ужиться с ним и попросту заставили его покинуть родные места. Так или иначе, он приехал сюда, в Вакнук, со всеми своими пожитками. Было ему тогда лет сорок пять.

Это был сильный, рослый человек с властной осанкой и горящими глазами фанатика. Все его существо было пронизано истовым почтением господа и постыянным страхом перед кознями сатаны.

Вскоре после того, как он выстроил дом, он ненадолго покинул наши края и вернулся с невестой — прелестной застенчивой девушкой. Она была младше Элиаса на двадцать пять лет. У нее была огромная копна золотисто-рыжих волос и нежные розовые щеки. Когда ей казалось, что никто на нее не смотрит, ее движения напоминали игру молодого жеребенка. Но под взглядом мужа она съеживалась, и кровь отливала от ее розовых щек.

Не было любви в этом браке. Юное создание может иной раз вдохнуть жизнь в зрелого, увядающего мужчину, поделиться с ним своей свежестью. Но у них вышло иначе. Постоянными молитвами и назиданиями Элиас стер краску с ее лица, золото с ее волос. Через несколько лет по дому ходило серое, забытое существо, преисполненное отвращения к своей жизни, к своему дому и к людям, которые ее окружали. После рождения второго сына она умерла, не испытывая сожаления от того, что расстается с жизнью.

У Элиаса Строрма не было сомнений насчет того, каким должен стать его наследник. Убеждения деда были крепко вбиты в голову моего отца. Оба в жизни руководствовались прописями из библии и никольсоновских «Раскаяний». В делах веры отец и сын были заодно. Разве только сын — мой отец — был не таким яростным, но таким же суровым и строгим ревнителем Твердости Веры и Чистоты Расы.

Мой отец, Джозеф Строрм, женился уже после смерти деда и не повторил его ошибки. Взгляды моей матери полностью совпадали с его взглядами.

Нашу местность, как и наш дом, звали Вакнуком, ибо существовало поверье, будто это место так звалось еще во времена Древних. Поверьте это, как часто бывает, не имело под собой никакой реальной почвы, хотя тут и вправду были остатки каких-то древних строений. Вскоре они были разбрасаны людьми для их собственных жилищ.

Как я уже говорил, была здесь еще огромная насыпь, тянувшаяся до самых гор. И громадный утес, который, быть может, тоже был сделан Древними, когда они своими чудодейственными, неведомыми нам способами кроили и резали горы для каких-то своих, неведомых нам целей.

Селение наше невелико — несколько сотен хозяйств, больших и маленьких, процветающих и пришедших в упадок. Послужение и богообязанность были неотъемлемыми чертами всех поселенцев.

Мой отец — влиятельное лицо в Вакнуке. Когда шестнадцатилетним юнцом он впервые публично выступил с воскресной проповедью в дедовской церкви, весь наш округ едва ли насчитывал более шестидесяти семей. Чем больше земли расчищали под пахоту, тем больше людей приходили и селились здесь. Однако наше хозяйство ничуть не страдало от этого. Отец по-прежнему был самым крупным землевладельцем, по-прежнему в воскресные дни часто выступал с проповедями в церкви, разъясняя ближним божьи заветы. По определенным дням в будни он так же авторитетно толковал им светские законы в качестве судьи. А в остальное время следил за тем, чтобы его домашние и все соседи неукоснительно выполняли эти законы и показывали всем остальным пример высшей добродорядочности и нравственности.

Главной комнатой внутри дома по заведенному обычаю была гостиная. Как и весь дом, наша гостиная самая просторная в Вакнуке. Огромный камин был предметом особой гордости. Он выложен из каменных глыб, а труба кирпичная. Крыша вокруг трубы черепичная — единственная такая во всей округе.

Моя мать была помещана на чистоте и порядке. Пол в большой комнате сделан из обтесанных камней, плотно подогнанных друг к другу и всегда надраенных до блеска. Стены тоже сверкали чистотой, как и вся наша мебель — стол, стулья, несколько кресел. Три четыре блестящих кастрюли, которые были слишком велики для буфета, висели на стенах. Но главное украшением гостиной были деревянные панели с искусно вырезан-

ными изречениями (в основном из «Раскаяний»). Слева от камина можно прочесть: «ТОЛЬКО ОБРАЗ БОЖИЙ И ЕГО ПОДОБИЕ ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК». Справа: «НЕ ОСКВЕРИ НЕЧИСТЫЮ РОД, УГОДНЫЙ БОГУ». На противоположной стене еще два изречения: «ОДИН ЕСТЬ ПУТЬ — СВЯТОСТЬ» и «В ОЧИЩЕНИИ — НАШЕ СПАСЕНИЕ». И, наконец, громадная панель напротив двери, ведущей во двор, властно призывала всех входящих: «ИЩИ И НАЙДИ МУТАНТА!!!»

Все эти изречения я знал задолго до того, как научился читать. Вполне возможно, что эти надписи и служили первым моим букварем. Я знал их наизусть, как и все прочие, украшавшие стены других комнат нашего дома: «НОРМА — ЖЕЛАНИЕ ГОСПОДА», «ЛИШЬ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ НОРМЫ ЕСТЬ ТВОРЧЕНИЕ», «ЛЮБОЕ ОТКЛОНЕНИЕ — ОТ ДЬЯВОЛА».

Некоторые из этих заповедей были для меня пустым звуком, но о других я имел кое-какое понятие. Например, обо всем, что касалось ПРЕСТУПЛЕНИЙ. Тут у меня была возможность своими глазами увидеть, что именно подразумевалось под этим словом.

Обычно, когда случалось что-нибудь подобное, отец возвращался домой в отвратительном настроении. Вечером он созывал всех в гостиную (это касалось не только членов семьи, но и работников), мы становились на колени, твердили слова раскаяния, а он громко молился о прощении. На следующее утро мы все собирались во дворе. С восходом солнца мы дружно затягивали гимн, и отец торжественно казнил двухголового теленка, цыпленка с четырьмя ногами или еще какую-нибудь живность, оказавшуюся ПРЕСТУПЛЕНИЕМ против господа.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ могли повстречаться где угодно. Иногда отец с гневом и стыдом крошил на кухонном столе всходы злаков или овощей. Если их было немного, они просто выдирались из земли и уничтожались. Если же все поле было покрыто ими, мы дожидались солнечной погоды и поджигали его, распевая гимны и молясь, пока преступные растения не выгорали дотла. Эти зрелища в ту пору казались мне очень забавными...

Поскольку отец мой был особенно ревностен во всем, что касалось ПРЕСТУПЛЕНИЙ, такие ритуальные уничтожения происходили у нас чаще, чем у соседей. Однако малейшее замечание на этот счет невероятно злило отца. Он не так глуп, раздраженно доказывал он в таких случаях, чтобы швырять деньги на ветер! И если бы его соседи были так же тверды в вере, как он, то и у них казней было бы не меньше. Но, к сожалению, некоторые люди в нашей округе слишком мягокты, и твердость их убеждений оставляет желать лучшего...

Таким образом, я в довольно раннем возрасте уяснил, что такое ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Преступление — это ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ. Иногда отклонение было совсем незначительным, но суть дела от этого не менялась. В большом ли, в малом ли было расхождение с нормой, все равно это было ПРЕСТУПЛЕНИЕ. А если дело касалось людей, оно именовалось еще более страшным словом — БОГОХУЛЬСТВО. Впрочем, разница была лишь в словах. Как у животных и растений, так и у человека суть состояла в ОТКЛОНЕНИИ ОТ НОРМЫ.

Однако проблема эта была не так проста, как может показаться. Немало было случаев, которые вызывали споры и даже стычки. Тогда для выяснения истины приезжал государственный инспектор.

Отец мой редко посыпал за инспектором: он предпочитал всегда сам обезопасить себя, уничтожив все, что вызывало хотя бы тень сомнения.

Тяжким трудом наши поселенцы добились хороших урожаев, и в конце концов Вакнук перестал считаться пограничной зоной. Теперь надо было идти по крайней мере тридцать миль к югу или к юго-западу, чтобы выйти к Дикой Земле — местам, где ОТКЛОНЕНИЙ было почти столько же, сколько НОРМЫ. А еще через десять — двадцать миль простирались таинственные окраины — Джунгли, где, если верить моему отцу, «находится земля дьявола». А еще дальше находилась земля, которую называли проклятой и о которой никто толком ничего не знал. Люди, уходившие туда, обычно там и пропадали, а те немногие, кто возвращался назад, тоже не долго задерживались на этом свете.

Джунгли причиняли нам немало хлопот. У тамошних людей — я называю их людьми, потому что, хотя они и были ОТКЛОНЕНИЕМ ОТ НОРМЫ, некоторые из них ничем не отличались от нас — так вот, у них было очень мало всякой утвари, орудий, одежды, еды. Поэтому они часто вторгались в наши земли, воровали зерно, пищу, а если удавалось, то и оружие. Иногда они уводили с собою детей.

Такие набеги случались два-три раза в год, и, вообще-то говоря, на них смотрели сквозь пальцы (разумеется, кроме тех, кто сам подвергался грабежу). Люди, как правило, успевали вовремя скрыться, так что страдало только их имущество. Тогда все остальные собирали деньги и кое-какой скарб, чтобы помочь потерпевшим снова встать на ноги.

Но чем дальше на юг отдвигалась граница, тем злее становились обитатели Джунглей. Набеги участливые, и теперь это были уже не просто мелкие кражи и грабежи. В наши владения вторгались хорошо вооруженные банды, причинявшие нам немало вреда.

Когда мой отец был ребенком, матери страшали своих непослушных детей, грозя им чудищами из Джунглей. Теперь же «чудища» эти вызывали ужас не только у детей.

Все обращения к правительству с просьбой о помощи были безрезультатны. Да и на какую помощь можно рассчитывать, если нельзя предугадать, когда и откуда произойдет следующее нападение. Вся помощь правительства заключалась в ободряющих фразах и предложениях создать нечто вроде местной милиции. Такие отряды в Вакнуке были созданы задолго до указания властей, и чем чаще совершались набеги из джунглей, тем чаще мужскому населению приходилось отрываться от работы на фермах, чтобы защитить свои земли и имущество от бандитов.

И тем не менее жизнь наша протекала относительно спокойно. Семья у нас была довольно большой: кроме отца и матери, у меня были две сестры и дядя Аксель. Кроме того, с нами жили служанки со своими мужьями, работниками нашей фермы. У них, само собой, тоже были дети. Так что за стол у нас сидилось никак не меньше двадцати человек. Когда же мы собирались на молитву, народу становилось еще больше, потому что в этих случаях к нам обычно присоединялись и соседи.

Дядя Аксель приходился мне не родным дядей, он был мужем моей тетки, материнской сестры Элизабет. Она умерла в Риго, когда дядя был в плавании. Возвратился он из плавания хромым, и отец позволил ему жить у нас. Несмотря на свою хромоту, он был хорошим работником, и его все любили. А я считал его своим лучшим другом.

Моя мать родилась в семье, где было двое сыновей и пятеро дочерей. Старшую — Анну — муж выгнал вскоре после свадьбы, и никто не знал, куда она делась. Дальше по старшинству шла Эмили, моя мать. Затем Харриет — она вышла замуж за владельца огромной фермы милях в пятнадцати от нас. Следующая, Элизабет, была женой дяди Акселя — о ней я уже говорил. Про других моих родственников с материнской стороны я мало что знал. Вернее, знал только дядю Ангуса Мортонса, маминого сводного брата. Ему принадлежала соседняя с нами ферма, что крайне раздражало моего отца: не было случая, чтобы он хоть в чем-нибудь согласился с Ангусом. Дочь Ангуса Мортонса, Розалинда, была моей двоюродной сестрой...

С каждым годом наш поселок все разрастался. Теперь говорили, что даже жители Риго могут, не глядя на карту, сказать, где находится Вакнук.

Итак, я жил в процветающем крае, на одной из самых богатых ферм. Но в десятилетнем возрасте я мало про это думал. Для меня это было место, очень неудобное для игр, где всегда полно работы, если не успеть вовремя скрыться от бдительного взора взрослых, всегда норовящих поручить мне какое-нибудь скучное дело.

Поэтому в тот вечер я, как обычно, старался не привлекать к себе внимания, пока не услышал знакомые звуки тарелок и не догадался, что время близится к ужину. Некоторое время я послонялся по двору, глядя, как распрягают лошадей, пока наконец не раздался звук гонга: двери гостиной открылись, и все гурьбой повалили в дом. Панель с надписью «ИЩИ И НАЙДИ МУТАНТА» торчала у меня перед глазами, как и у всех входящих, но не вызывала в моем сознании никаких ассоциаций — привычная часть обстановки, не больше. Что меня в данный момент занимало больше всего, это запах вкусной еды.

Глава третья

1

С тех пор я стал время от времени наведываться к Софи — примерно раз или два в неделю. Школьные занятия у нас обычно бывали по утрам. Впрочем, занятия — слишком громко сказано, просто какая-нибудь пожилая женщина собирала нескольких ребятишек и учila их читать, писать, а тех, кто постарше, — простым арифметическим действиям. Так что мне несложно было ускользнуть в середине дня, встав из-за обеденного стола чуть раньше, пока никто не нашел для меня какого-нибудь дела.

Когда лодыжка Софи зажила, мы с ней стали часто бродить по окрестностям.

Однажды я привел ее на нашу сторону карьера, чтобы показать паровой двигатель — другого такого не было на сотни миль вокруг, и мы все очень им гордились. Корки, который присматривал за ним, по обыкновению где-то шлялся, но двери сараев были открыты, и мы хорошо слышали ритмичный звук работающей машины. Однако только слушать показалось нам мало, и мы забрались внутрь. Поначалу было страшно интересно наблюдать за работой «чудовища», но минут через десять нам стало скучно просто стоять и глядеть. Зрелище было хотя и впечатляющее, но довольно однообразное. Мы вышли из сарая и забрались на самую верхушку поленицы. Там мы уселись, свесив ноги, и стали болтать, прислушиваясь к пыхтящим машинам.

— Дядя Аксель говорит, что у Древних были машины во сто раз лучше, чем эта, — сказал я.

— А мой папа говорит, что если бы четверть того, что рассказывают про Древних, было правдой, они были бы

не людьми, а волшебниками, — возразила Софи.

— Что же, твой отец, — спросил я, — не верит, что Древние могли летать по воздуху, как птицы?

— Нет, — покачала она головой, — это просто глупо. Ведь если они могли летать, то и мы научились бы.

— Но... но ведь мы уже теперь многое умеем, — попыталась возразить я.

— Только не летать, — она опять упрямо покачала головой, — это все сказки.

Я уже хотел было рассказать ей про свои сны, в которых я видел Город и блестящие летающие предметы в небе, но подумал, что сон не доказательство, и промолчал. Мы еще немножко посидели на поленице, потом спустились вниз и пошли к ее дому.

Джон Уэндер, ее отец, был дома. Звуки молотка доносились из сарая, где он что-то мастерил. Софи подбежала к нему и повисла у него на шее.

— Привет, цыпленок! — ласково сказал он. Потом он повернулся ко мне и хмуро кивнул головой. Он всегда так здоровался со мной, еще с самого первого раза — хмурый кивок и все, но я чувствовал, что относится он ко мне уже получше. В тот самый первый раз он смотрел на меня так, что я и вздохнуть боялся. Теперь я уже не чувствовал страха — мы стали почти друзьями. Он подолгу разговаривал со мной, иногда рассказывал об очень интересных вещах, и все же часто я ловил на себе его взгляд — внимательный, изучающий...

Только несколько лет спустя я понял, что для него значило — прийти домой и узнать, что ножку его Софи увидел не кто-нибудь, а Дэвид Строрм, сын Элиаса Строрма. Думаю, не раз ему приходило в голову, что мертвый мальчишка никогда не нарушит своего обещания молчать, даже если захочет... Может быть, я обязан жизнью его жене, миссис Уэндер?.. Может быть...

И еще я думаю, он раз и навсегда поверил бы мне и выкинул все сомнения из головы, доведясь ему видеть то, что произошло в нашем доме спустя месяц после того дня, как я познакомился с Софи.

Я тогда слегка поранил руку, вытащив занозу, и ранка кровоточила. Я зашел на кухню и, видя, что все домашние заняты готовкой, попытался сам перевязать себе руку чистой тряпкой. Тут меня увидела мать. Она сразу запричитала, захала, велела тщательно промыть ранку и сама стала перевязывать мне руку, бормоча, что я, как всегда, заставляю ее заниматься моей персоной в самый неподходящий момент. Оправдываясь, я случайно брякнул:

— Я и сам бы мог это сделать, будь у меня еще одна рука.

После этих, как мне казалось, ничего не значащих слов в кухне воцарилось гробовое молчание. Мать замерла, как статуя. В недоумении я оглядел всех, кто был в это время в кухне: Мэри с куском пирога в руке, двух работников, ждущих своей порции еды, отца, сидевшего во главе стола. Все молча уставились на меня. Постепенно с лица отца сошло изумление, губы скжались в жесткую, прямую линию, челюсть выдвинулась вперед, брови сошлись на переносице.

— Что ты сказал? — медленно выговорил он.

Я хорошо знал этот тон, и мне стало страшно. Еще страшнее было то, что я совершенно не понимал, чем мог так рассердить его.

— Я... я с-с-сказал, что и с-сам бы мог... — выдавил я с трудом, заикаясь от страха.

Глаза отца сузились, и в них мелькнуло что-то, заставившее меня содрогнуться. Моя спина стала липкой от пота.

— И ты пожелал себе третью руку?! — все так же медленно и отчетливо выговаривая каждый слог, произнес он.

— Да нет же, отец, нет!.. Я только сказал, если бы...

— Если бы у тебя была третья рука, ты бы мог сделать что-то. Так ты сказал?!

Я кивнул.

— Стало быть, ты пожелал?!

— Да нет же, отец! Нет! Я только сказал: если... Я был так напуган, что никак не мог объяснить ему. Я хотел сказать, что не имел в виду ничего плохого, но не находил слов. Язык прилип к горлам, и я молча стоял в ожидании кары. Взгляды всех домашних были обращены теперь на отца.

— Ты! Ты — мой сын — призывал дьявола, чтобы он дал тебе третью руку! — прогремел он.

— Не призываю я никого! Я только...

— Замолчи! — Он властно поднял руку. — Все слышали, что ты сказал! Не лги же теперь, не отягтай свой поступок еще и ложью!

— Но ведь...

— Не лги и отвечай мне правду: было ли в твоих мыслях недовольство той формой тела, которую тебе дал господь? Той формой, которая есть его подобие?

— Я только сказал: если бы...

— Ты богохульствовал! Ты поносил НОРМУ! Все здесь слышали это, и тебе нечего возразить. Знаешь ли ты, что есть НОРМА?

Я хорошо знал своего отца — возражать было беспомощно и опасно. Он все равно не поймет, не захочет понять.

— НОРМА есть образ и подобие господа, — скрого-воркой пробормотал я.

— Выходит, ты знаешь! И зная, ты пожелал стать

мутантом. Ты — мой сын — совершил кощунство! Здесь! Перед твоим отцом! Что есть мутант?!

— Проклятый богом и людьми,— автоматически проговорил я давно вызубренные мною слова.

— Так вот кем ты хотел стать?! Ну, отвечаешь же?!

Я опустил глаза и ничего не сказал — отвечать было бесполезно.

— На колени! — скомандовал отец. — Всем на колени и молиться!

Вместе со всеми я опустился на колени. Голос отца звенел у меня в ушах:

— Мы виновны перед тобой, господи! Мы плохо втолковали твои заветы этому несмышленышу и прости меня: даруй нам прощение!..

Казалось, этой молитве не будет конца. Наконец отец молвил: «Аминь», — и все поднялись с коленей. Я тоже поднялся и услышал его строгий голос:

— Ступай к себе и молись. Молись о милосердье божьем, которого ты не заслуживаешь, но которое господь в своей милости, быть может, все-таки дарует тебе! Ступай! Я приду к тебе позже.

2

Ночью, когда боль в спине после отцовского визита понемногу утихла, я долго еще не мог заснуть от мучивших меня мыслей. Я ведь знал, что на самом деле не желал себе никакой третьей руки, но... А если бы даже и пожелал? Что здесь такого? И если даже на миг подумать об этом — кощунство, то каково же тогда иметь нечто подобное... Например... Например, лишний палец на ноге!..

Наконец я заснул. И мне приснился сон.

Все мы собирались во дворе, точь-в-точь как при последнем Очищении. Тогда в центре стоял маленький, только что родившийся теленок, туловато глядевший на отцовский нож. Теперь там была маленькая девочка... Софи! Она стояла босиком, пугливо озираясь и тщетно пытаясь прикрыть одной ступней другую. Все мы молча ждали. Софи начала метаться от одного из нас к другому и молить о пощаде, но никто не шелохнулся, не изменился в лице. Мой отец медленно двинулся к ней, и нож его сверкнул на утреннем солнце. Софи заметалась еще отчаяннее, и слезы ручьями потекли по ее обезумевшему от страха лицу. Отец подходил все ближе и ближе к ней, но ни один из нас по-прежнему не двинулся с места. Отец схватил ее точно так же, как он хватал того новорожденного теленка, все мы хором запели гимн, он поднял руку с ножом... Нож сверкнул, в последний раз в его лезвии отразился блеск медно-красного солнца, и тут же он окрасился кровью, брызнувшей из горла Софи...

Если бы Джон и Мари Уэндер видели меня в тот момент, когда я проснулся в слезах, с криком, застрявшим у меня в горле, и долго еще лежал в темноте, твердя про себя, что это всего лишь сон... Их не мучили бы больше опасения, что я могу выболтать людям тайну их маленькой Софи.

Глава четвертая

1

Время, о котором я сейчас рассказываю, было для меня временем перехода к другой, более осмысленной жизни. Произошли события, каждое из которых в отдельности случалось и раньше, но теперь они связались для меня воедино и приобрели совершенно иное значение. А кое с чем мне пришлось столкнуться впервые.

Первым таким событием была моя встреча с Софи. А вскоре дядя Аксель случайно обнаружил то, что

происходило между мной и моей двоюродной сестрой Розалиндой. Дядя (на мое счастье, это был он, а не кто-нибудь другой) наткнулся на меня как раз в тот момент, когда я разговаривал с ней.

Возможно, это был просто инстинкт самосохранения, который заставил нас обоих (меня и Розалинду) скрывать до сих пор от остальных наши «разговоры», поскольку разум мы еще не понимали, что нам грозит. Когда дядя Аксель наткнулся на меня, сидящего возле стога сена и громко бормотавшего что-то вслух, я даже не попытался скрыться или утаить от него, чем я занимаюсь. Он постоял сзади меня некоторое время, потом я обернулся, и глаза наши встретились.

Дядя Аксель был высоким и сильным мужчиной. Когда я видел его за работой, мне казалось, что его пальцы слиты воедино с рукоятью инструмента. Теперь он стоял у меня за спиной в своей излюбленной позе, тяжело опираясь на толстую палку, которой ему приходилось пользоваться из-за неправильно сросшейся ноги. Черные брови его были нахмурены, но загорелое лицо не выражало ни озабоченности, ни недовольства, разве что только любопытство.

— Ну, Дэви! — обратился он ко мне ласково. — С кем это ты тут так весело болтаешь? Небось с лешими или с гномами — кого вы, мальчишки, еще там выдумываете? А может быть, с зайцами, ведь их тут полным-полно? А?

Я отрицательно покачал головой.

Он присел рядом, задумчиво пожевал травинку и, испытывая заглянув мне в глаза, спросил:

— Не скучно тебе тут одному?

Я опять отрицательно мотнул головой.

— По-моему, куда интереснее болтать с другими ребятишками... Куда интереснее, — протянул он, — чем сидеть здесь вот так одному и бормотать что-то себе под нос. А?

Секунду я колебался... Но ведь это был мой дядя — дядя Аксель — самый лучший друг.

— Я... говорил не... не сам с собой... — неуверенно пропонял я.

— С кем же? — озадаченно спросил дядя.

— Ну... с приятелем... Вернее, с приятельницей, — поправился я.

— А с кем именно?

— С Розалиндой.

Помолчав, он как-то странно на меня поглядел.

— М-мда... Но я что-то не вижу ее здесь. — Он продолжал смотреть на меня в упор, и тогда я решился все ему объяснить.

— Здесь ее и вправду нет. Она у себя дома... То есть я хотел сказать, недалеко от дома, в маленьком шалаше на дереве, который ее братья сделали в рощице. Она очень любит там прятаться, — пояснил я.

Поначалу он никак не мог взять в толк, что я имею в виду, и говорил со мной так, словно это была игра. Но в конце концов мне удалось объяснить ему все, как есть. Тут выражение его лица изменилось. Таким серьезным я никогда его раньше не видел. Некоторое время он молчал, что-то обдумывая, потом спросил:

— Ты не разыгрываешь меня, Дэви? Все это была не выдумка? Ты... ты говорил мне сейчас правду?

— Ну, конечно, правду! — уверил я его.

— А ты никому... никому не говорил обо всем этом, кроме меня?

— Конечно, нет. Это наш секрет. Так интересней.

Выплюнув травинку, он вздохнул, как мне показалось, с облегчением, но когда он вновь поднял на меня глаза, я увидел, что выражение его лица стало еще более серьезным и даже мрачным.

— Дэви, — сказал он, — я хочу, чтобы ты пообещал мне одну вещь.

— А что это за вещь, дядя? — спросил я.

— А вот что, — сказал он, не отрывая от меня своего серьезного и мрачноватого взгляда. — Я хочу, чтобы это было по-прежнему секретом. Обещай мне, что ты никому... Ты понял меня? Никому не скажешь о том, что рассказал сейчас мне. Никому и никогда, Дэви! Это очень важно, чтобы ты понял меня, мальчик, понял, как это важно. Позже ты и сам поймешь, почему это так важно. Но сейчас... Сейчас ты ни в коем случае не должен дать кому-нибудь повод даже заподозрить тебя в том, о чем я сейчас от тебя узнал. Ты обещаешь мне, Дэви?

В его голосе звучала не только озабоченность, но и какая-то угрюмая, мрачная настойчивость. Это поразило меня: никогда раньше он со мной так не разговаривал. И когда я поклялся ему, что буду молчать, у меня было ощущение, будто я делаю что-то куда более важное, чем просто выполнять обычную дядину просьбу. Пока я уверял его, что буду строго хранить наш секрет, он не спускал с меня глаз и, наконец, кивнул, почувствовав, что до меня дошла вся серьезность нашего разговора. Мы скрепили наш договор крепким рукопожатием, и он сказал:

— Вообще-то лучше было бы, если бы ты... ну, забыл про это... Забыл, как это делается.

— Наверное, это у меня уже не получится, дядя, — подумав, честно сказал я. — Это... Это просто есть, и все. Забыть это — все равно что... — Я никак не мог найти слова, чтобы объяснить ему суть наших «разговоров» с Розалиндиной.

— Все равно, как забыть, что ты умеешь говорить или слушать? — спросил он.

— Да... почти, — кивнул я. — Он опять ненадолго задумался.

— Ты слышишь слова внутри головы?.. Прямо внутри?

— Не совсем так. Я не то чтобы слышу их и не то чтобы вижу. Это... это как тени, и если при этом еще произносить слова вслух, тени становятся яснее. Я лучше их различаю.

— Но тебе не обязательно произносить слова вслух, как ты это делал, когда я подошел к тебе, а? Дэви?

— Нет, конечно, нет... Просто это иногда помогает... Ну, делает наш разговор легче, что ли.

— И делает его гораздо более опасным для вас обоих, Дэви! — угрюмо пробормотал дядя. — Я хочу, чтобы ты пообещал мне еще кое-что. Ты никогда не должен больше произносить эти слова вслух! Понимаешь?

— Хорошо, дядя Аксель! Раз вы так хотите... — пожал я плечами.

— Когда ты станешь старше, ты поймешь, почему это так важно, — вновь повторил он. — Да! Непременно заставь Розалинду пообещать вести себя так же осторожно! Слышишь?

Я решил ничего не говорить ему об остальных, потому что видел, как взволновал его мой рассказ об одной Розалинде. Но про себя я подумал, что нужно заставить в сех пообещать мне то, что я сам пообещал дяде Акселю.

Дядя еще раз крепко сжал мою руку, и я постарался ответить ему таким же крепким рукопожатием в знак того, что никогда не нарушу своего слова.

2

В тот же вечер я рассказал Розалинде и всем остальным о нашем разговоре с дядей Акселем. Мне показалось, что тревога, которую этот разговор вызвал у меня, уже коснулась всех остальных. Быть может, кто-то из нас уже ловил на себе настороженно-удивленные взгляды, чувствовал какое-то подозрение, и это заставляло нас инстинктивно скрывать нашу способность обмениваться мыслями. До моего разговора с дядей Акселем мы никогда об этом не говорили, просто каждый сам по себе подсознательно делал то, что считал нужным, и принятые нами меры никак не носили характера слова. Теперь же настойчивость Акселя усилила смутное чувство страха. Это чувство еще не обрело для нас какие-то конкретные очертания (мы не отдавали себе ясного отчета, чего и почему нужно бояться), но оно стало более острым, более осязаемым, что ли, и когда я пытался передать остальным ту серьезную настойчивость, с которой Аксель добивался от меня обещания держать все в секрете, я не только не встретил в них недоумения или отпора, но, наоборот, все они восприняли это с готовностью и немедленно согласились со мной. Все охотно дали обещание хранить тайну, и у всех у нас было такое чувство, словно мы сбросили с себя какую-то давящую ношу. Вот это и было наш первый говор.

Впервые мы вместе приняли определенное решение, и это, пожалуй, было первое звено в цепи событий, отделивших нас от других людей. Обозначилась грань между нами и ими, хотя тогда мы, конечно, не понимали, да и не могли понимать, насколько серьезен был этот самый первый шаг...

Это событие, касавшееся только нас, совпало с другим — вооруженным набегом из Джунглей.

Как всегда в таких случаях, организованного плана сопротивления не было. Селение наше было разбито на участки, и все взрослые мужчины по тревоге должны были собираться на своих участках и уже на месте решать, как дать отпор банде. С небольшими бандами обычно справлялись легко, но, когда люди Джунглей находили вожаков, способных организовать большую банду, нам приходилось туго. Банды легко сминали небольшие отряды нашей милиции на границах и, не встречая серьезного сопротивления, вторгались в наши земли на двадцать — двадцать пять вглубь.

Но на этот раз наши люди не были застигнуты врасплох, да и вооружены они были неплохо: у многих были ружья, тогда как у вторгшейся банды, кроме нескольких старых, когда-то украшенных ружей, были лишь ножи, луки и стрелы. И все же сладить с ними было трудно: они гораздо лучше умели прятаться в лесу, да и дрались, надо отдать им должное, неплохо, поэтому настигнуть их и заставить принять открытый бой удалось лишь уже в глубине нашей территории, милях в пятнадцати от пограничной зоны.

Набег, сражение, погоня — что может быть интереснее для мальчишки?! Люди Джунглей были не более чем в семи милях от Вакнуга, и наш двор стал местом военного сбора. Отец, который в первые же дни набега был ранен в руку, помогал сколачивать отряды добровольцев, и несколько дней на нашем дворе выстраивали все новых и новых бойцов, а женщины со слезами провожали уходящие отряды. Когда ушел последний отряд и вместе с ним все рабочие с нашей фермы, во дворе стало как-то непривычно тихо. Через некоторое время прискакал одинокий всадник и, задыхаясь, рассказал нам об удачном сражении и бегстве банды, несколько вожаков которой, по его словам, были взяты в плен.

— Бежали так, что только пятки сверкали! — закон-

чил он свой короткий рассказ и поскакал с этой вестью дальше.

В тот же день небольшой отряд всадников заехал к нам во двор. С ними были два пленных вожака. Узнав об этом, я бросил все свои дела и побежал смотреть на пленных. Поначалу зрелище разочаровало меня: по многочисленным рассказам о Джунглях я ожидал увидеть как минимум чудищ с двумя головами, заросших шерстью, с дюжиной рук и ног, похожих на щупальца осьминога. Вместо этого я увидел двух в общем-то обычновенных бородатых мужчин, правда, ужасно грязных и оборванных. Один из них был коротышка с жесткими клочковатыми волосами, торчащими так, словно их отхватили тупым ножом. Когда же я глянул на второго, у меня перехватило дыхание. Я просто осталенел и никак не мог оторвать от него взгляда, потому что... Потому что, если бы он был одет более или менее прилично и борода его была аккуратно подстрижена, он был бы точной копией моего отца...

Его взгляд на миг задержался на мне. Он цепко глянул мне в лицо, и в глазах его мелькнуло странноватое выражение, которое показалось мне одновременно отталкивающим и притягивающим...

Какие-то слова уже были готовы сорваться с его языка, но тут из дома вышла группа людей и с ними мой отец. Отец остановился на ступеньках крыльца и здоровой рукой помахал всадникам. Потом он, как и я, заметил того человека. Несколько секунд он не отрывал от него пристального взгляда, и вдруг кровь отхлынула у него от лица — он посерел у меня на глазах.

Я быстро перевел взгляд с отца на его «двойника». От выражения его лица у меня что-то екнуло в груди. Никогда до сих пор мне не приходилось видеть ненависть, такую страшную в своей неприкрытой откровенности: неожиданно прорезавшиеся складки возле глаз и губы, приоткрывшие злобный, звериный осколок. Эта внезапная вспышка злобы подействовала на меня как пощечина. Я столкнулся с чем-то, чему не мог еще дать названия, — чем-то непонятным и настолько страшным, что это звероподобное лицо навсегда врезалось в мою память...

Отец, по-прежнему без кровинки в лице, здоровой рукой ухватился за дверной косяк, несколько секунд постоял так, прикрыв глаза, и медленно, как дряхлый старик, повернулся и вошел в дом.

Один из охранников перерезал веревку, связывавшую пленника, тот расправил затекшие руки и плечи, и я наконец понял, чем он отличался от нормальных людей: он был сантиметров на сорок выше, чем все стоявшие вокруг, но совсем не потому, что был уж очень рослым и здоровым мужчиной. Дело было в его ногах. Они были чудовищно длинные и почти такие же тонкие, как руки. Руки его тоже были непропорционально длинны, и эта уродливая удлиненность конечностей делала его похожим на паука...

Стражники дали ему поесть и выпить пива, и он присел на скамью возле крыльца; его костлявые колени при этом стали почти бровем с плечами. Жужа хлеб с сыром, он внимательно оглядывал двор, не упуская ни одной детали, и его взгляд снова остановился на мне. Он поманил меня к себе, но я сделал вид, будто не заметил этого. Он поманил меня снова, и я устыдился своего страха. Я подошел ближе, но все же мысленно прикинул расстояние так, чтобы «паук» не смог дотянуться до меня своими длиннющими руками.

— Как тебя звать, парень? — спросил он.

— Дэвид, — сказал я. — Дэвид Строрм.

Он кивнул, словно я подтвердил то, что он и без того знал.

Человек на крыльце с рукой на перевязи — твой отец, Джозеф Строрм, не так ли? — был следующий его вопрос.

— Ну да, — сказал я.

Он опять кивнул и снова внимательно оглядел наш дом и весь двор.

— Стало быть, это Вакнук? — не то спросил, не то прости отметил для себя он.

— Да, — сказал я в третий раз и стал ждать следующего вопроса. Может быть, он и спросил бы меня о чем-нибудь еще, но тут один из стражников велел мне отойти подальше. Вскоре маленький отряд уехал по направлению к Кентаку, и я, честно говоря, был этому рад: мое первое знакомство с людьми из Джунглей оказалось совсем не таким интересным, как я себе представлял, и лишь оставило у меня в душе какой-то неприятный осадок.

Позже я слышал, что обоим пленникам удалось той же ночью сбежать. Я не помню, кто сказал мне об этом, во всяком случае, не отец: от него я ни разу не слышал ни слова об этом странном человеке, а у меня самого так и не хватило мужества спросить его, кто такой был этот «паук».

3

Когда все постепенно успокоились после набега и наши люди вернулись к своим обычным делам и заботам, отец вновь рассорился с моим дядей — Ангусом Мортоном. Они вообще были настолько несходи во всем, что уже много лет находились в натянутых отношениях. От отца мы постоянно слышали о беспричинности Ангуса и его разлагающем влиянии на сосе-

дей. Ангус же неустанно повторял, что Джозеф Строрм — упрямый догматик, в башке у которого нет ни капли здравого смысла. Поводом к очередной крупной ссоре стала на этот раз пара здоровенных лошадей, купленных Ангусом. Слухи об этих лошадях просочились в Вакнук, но никто их до сих пор в глаза не видел. Однако сам факт, что лошади появились именно у Мортонов, насторожил отца, и он не поленился поехать взглянуть на них.

Одного взгляда на этих громадных животных было достаточно для отца, чтобы немедленно счесть их неправильными. С презрением грифом он повернулся к нам спиной и отправился прямиком к инспектору, чтобы потребовать немедленного уничтожения нечисти. Однако дело приняло неожиданный оборот.

На сей раз вы не правы, — с ядовитой улыбкой сказал отцу инспектор, весьма довольный тем, что данный случай никаких споров и пререканий не вызывает. — На них есть разрешение правительства, и говорить, стало быть, тут не о чем.

— Не верю я в это! — раздраженно буркнул мой отец. — Никогда еще бог не создавал лошадей такого размера, и правительство не могло дать на них разрешение.

— Однако разрешение есть, — твердо сказал инспектор. — Более того, сам Ангус, зная своих соседей, выправил на своих лошадей специальное разрешение в письменном виде.

— Люди, выдающие подобные разрешения, не заслуживают никакого уважения! Это ни в какие ворота не лезет! — вышел из себя отец.

— Вы оспариваете законность официального документа? — ледяным тоном осведомился инспектор. Но отца этот тон не смущил.

— Я прекрасно понимаю, почему кое-кто смотрит сквозь пальцы на это, — сказал он. — Один такой выродок может работать за двоих, даже за троих лошадей, а обходится он дешевле. Что ж, выгода есть, а значит, есть и повод попустительства беззаконию. Но это еще не значит, что они нормальны! Такая лошадь не есть творение господа, это нечисть, подлежащая уничтожению!

— В официальном заключении сказано, что порода выведена обычным путем, но никто не лишает вас права искать у них отклонение от НОРМЫ, — миролюбиво заметил инспектор.

— Все это оттого, что держать таких монстров выгодно! — упрямо твердил мой отец. — Но вы! Вы-то ведь видите, что они неправильные, как бы кто ни закрывал на это глаза. Подумайте, что будет, если мы будем смотреть сквозь пальцы на то, про что точно знаем: это отклонение?! Нельзя отступать от веры только лишь оттого, что кому-то удалось выпрашить разрешение! Кто тверд в вере, тот знает, что от господа, а что от дьявола, и всегда будет знать это, даже если правительство этого знать не хочет!

— Повторяется история с дэйкеровской кошкой? — насмешливо спросил отца инспектор. Отец покраснел и раскашлялся.

Дело в том, что около года назад отец узнал о бесхвостой кошке, которую подобрала жена Бена Дэйкера. Выяснив, что кошка эта была бесхвостой от рождения, отец потребовал от инспектора санкции на ее уничтожение, которую тот и выдал. Однако Дэйкеры подали жалобу, и это так разозлило отца, что он собственноручно привел приговор в исполнение, не дожидаясь официального судебного решения. Однако дело обернулось весьма неожиданно: пришло официальное уведомление о том, что существует признанная и утвержденная порода бесхвостых кошек (кстати, порода весьма ценная), и отцу пришло публично извиниться, не говоря уж о возмещении Дэйкерам нанесенного им материального ущерба...

— Это дело гораздо серьезнее, — оправившись от смущения, твердо произнес отец.

— Послушайте, Строрм! — уже теряя терпение, сказал инспектор. — Порода имеет официальное разрешение. На эту пару есть письменное разрешение. Если всего этого вам мало, ступайте и застреляйте их собственоручно, на свою ответственность. Но попомните мое слово: простым извинением вы тут не отделитесь!

— Ваш долг — выдать мне разрешение на казнь этих ублюдков! — не унимался отец, пока окончательно не вывел инспектора из себя и тот в сердцах не крикнул:

— Мой долг — защищать их от догматиков и кретинов!

Не знаю, дошло ли у них дело до драки, — думаю, что нет, но несколько дней отца буквально трясло от ярости и злобы. В следующую субботу он заставил нас всех воссыпать проклятия укрывателям мутантов, осверняющим чистоту всего поселка. Он призывал к бойкоту владельцев «нечисти», разлагалось слово: коррупции и попустительства властей и закончил тем, что объявил некоторых официальных лиц поборниками сил «Зла и Порока».

Инспектор не стал раздувать публичного скандала, но кое-какие реалии его относительно религиозных «маньяков» и «кретинов» дошли до отца. Это была последняя капля, переполнившая его терпение. Пускай у него была куча неприятностей из-за злополучной дэйкеровской кошки, но лошадей Ангуса он вынести не

мог... Может быть, окажись их владельцем кто-нибудь другой, но Ангус!.. Ярость его искала выхода...

Вся эта накаленная атмосфера в доме позволяла мне делать что вздумается и убегать из дома когда захочется. На меня никто не обращал внимания.

Незнакомые люди перестали появляться в наших окрестностях, и родители Софи опять стали отпускать ее из дома на песчаную насыпь. Часто и мне удавалось пробраться туда незамеченным.

О том, чтобы Софи ходила в школу, как все остальные дети, не могло быть и речи: все обнаружилось бы очень быстро, будь у нее даже фальшивая Метрика. Родители сами учили ее читать и писать, но никаких книг у них не было, поэтому во время наших прогулок и игр я старался как можно подробнее рассказать ей о том, чему нас учили и что читал я сам.

— Мир, где мы живем, очень большой, — рассказывал я Софи, — цивилизованный часть его, к которой принадлежит наш Вакнук, — лишь крохотный пятак. Называется он Лабрадор. Говорят, что название это дали ему еще Древние, но точно никто этого не знает. Вокруг почти всего Лабрадора очень много воды, она называется морем, и там полно всякой рыбы. Никто из тех, кого я знал, не считая дядю Акселя, не видел моря, потому что оно очень далеко отсюда — миль триста на восток или северо-восток. Если же идти к югу и к юго-западу, можно прийти лишь к Джунглям, а дальше, еще дальше — к Плохой Земле, которая убивает.

Еще нам говорили, хотя этого тоже никто не знал наверняка, что во времена Древних Лабрадор был очень холодной землей, таковой холодной, что жить здесь никто не мог. Древние лишь выращивали тут деревья и занимались какими-то своими таинственными делами. Но все это было очень давно. Тысячу? Две тысячи лет назад? А может быть, еще раньше? Обо всем этом можно лишь гадать. Трудно сказать, сколько поколений людей жили, как звери, до наступления Очищения и начала письменности. Одни лишь «Раскаиния» (или, как их еще называли, «Откровения») Никольсона дошли до нас от тех времен, да и то потому, что пролежали много столетий искусно спрятанными в скале. Только библия осталась от Древних.

Все, о чем рассказывалось в этих двух книгах, относится к далекому-далекому прошлому. А о том, что было в промежутке между Карой, ниспосланной на Древних, и нами, никто толком ничего не знает. Об этом промежутке существует множество легенд и сказаний. Собственно, и само название Лабрадор возникло из этих легенд — ни в библии, ни в «Раскаиниях» о такой земле не упоминалось. Может, и вправду это была холодная земля, хотя сейчас здесь холодно только месяца два в году?.. Кто знает...

Долгое время шли споры: были ли обитаемы раньше другие части света, кроме Лабрадора и большого острова Ньюфа? Считалось, что все они были плохими — на них пришла вся тяжесть Великой Кари. Но местами там были найдены остатки земли, напоминавшей Джунгли. Конечно, они совершенно неправильные. Жить там нельзя, во всяком случае, сейчас...

Не так уж много мог я рассказать о мире, в котором мы живем, но в любом случае говорить об этом было куда интереснее, чем об Этике, которой нас обучал по воскресеньям высокий, седой старик учитель. Этика... Он объяснял нам, что можно делать, а чего делать нельзя. Большинство запретов совпадало с теми, которые вдальбливали в нас дома отец, но объяснения иногда были разными.

Человечество, гласила Этика, то есть люди в цивилизованных местах, находится в процессе возврата к бытому процветанию. Тернистым и нелегким путем идем мы к тем вершинам, которые когда-то утратили. Кроме Истинного пути к этим вершинам, есть множество ложных, которые порой кажутся более легкими и потому заманчивыми, но ведут они к гибели. Есть лишь один Истинный путь, и, следя ему, мы с божьей помощью, как гласила Этика, обретем в назначение время то, что когда-то потеряли. Но так много на этом пути скользких дорог и ловушек, что каждый шаг наш должен быть осторожен, и не следует человеку полагаться в делах своих лишь на собственный разум. Только облеченные властью способны судить о каждом шаге нашем, только они могут отличить путь истинный, ведущий к благу, от ложного, ведущего к гибели.

Нужно извлечь урок из Великой Кари, постигшей мир Древних, с верой пройти весь тернистый путь, и, если мы одолеем все искушения, будут нам Прощение и Награда: Золотой веер.

Были некогда ниспосланы на людей различные кары: землетрясения, потопы, мор, глад, гибель городов и народов. Великая же Кара была последней и самой страшной, как если бы все предыдущие кары объединились в одну. Почему была она ниспослана и за что? Никто не знает, но, судя по всему, было это во время всеобщего кощунства и поругания веры.

Все заповеди и примеры в Этике сводились к тому, что долг и назначение человека — бороться со злом и пороком. Каждый должен следить за тем, чтобы не было среди нас отклонений от НОРМЫ.

В эту часть Этики я старался не посвящать Софи. Не то чтобы я считал ее мутантом, этого у меня и в мыслях не было. Но все же в разговорах с ней я старался не касаться этой щекотливой темы.

Глава пятая

1

Стоило мне исчезнуть с глаз домашних, и в Вакнуке обо мне словно забывали. Но стоило мне послоняться у всех на виду, как для меня тут же находилась работа.

Лето выдалось прекрасное, и фермерам не на что было жаловаться, лишь изредка им приходилось прерывать работу для истребления нечисти. Но отклонений было на редкость мало, разве что среди овец появилось несколько неправильных ранней весной. С урожаями же все обстояло благополучно, и инспектор выдал санкцию лишь на сожжение единственного поля, принадлежавшего Ангусу Мортону.

Среди овощей тоже было немного отклонений, и год этот мог по праву считаться на редкость удачным: все соответствовало НОРМЕ. Даже мой отец был доволен и в одной из своих проповедей отметил, что Вакнук в этом сезоне дал достойный отпор силам Зла.

— Хвала господу! — сказал он. — Кара за лошадей уродов обрушилась лишь на их хозяина, а не на весь поселок!

Все были так заняты уборкой урожая, что я почти каждое утро незамеченный убегал из дома и долгими летними днями бродил по окрестностям с Софи. Частенько мы стали заходить с ней все дальше и дальше от дома, хотя никогда не забывали об осторожности. У нее выработался своего рода инстинкт: стоило вдали показаться незнакомой фигуре, как Софи бессущно исчезала в зарослях кустарника. Единственный человек, которого она не боялась, был Корки, присматривающий за паровым двигателем. Все прочие жители поселка, разумеется, кроме меня, воспринимались ею лишь как источник опасности.

У нас с ней было излюбленное место — у ручья, где были песчаные отмели, и я любил, разувшись и закатав штаны до коленей, бродить там, отыскивая все новые и новые лужицы и маленькие озерца. Софи обычно в это время сидела на каком-нибудь большом теплом камне и с любопытством наблюдала за моими поисками. Потом мы стали брать с собой две небольшие сети — их сплела миссис Уэндер — и сачок для рыбы. Я ловил сетями небольших рыбешек, похожих на головастиков, а Софи в это время пыталась достать их сачком с берега. У нее это плохо получалось, и вскоре она бросила сачок и стала по-прежнему лишь с завистью наблюдать за мной. Но однажды желание половить рыбок взяло верх, и она осторожно сняла сначала один башмак, потом другой, с опаской озираясь по сторонам. Закатав штаны до коленей, она вошла в ручей и несколько минут стояла в воде по щиколотки, разглядывая свои босые ноги.

— Иди сюда! — крикнул ей я. — Тут полным-полно рыб!

Она отбросила наконец все свои опасения и страхи и, радостно хохоча, бросилась ко мне. Когда мы устали носиться по лужицам и набрали почти полный сачок рыбешек, мы присели на обломок камня, вытянув ноги, и стали греться на солнце.

— Они ведь не такие уж страшные, правда? — спросила Софи, указывая на свои маленькие ступни.

— Они совсем не страшные. Когда я смотрю на них, мне кажется, что моим чегото не хватает, — искренно ответил я. Она так и просияла.

Несколько дней спустя мы снова ловили рыбу в этом месте. Сачок мы укрепили возле камня и то и дело подбегали к нему, чтобы кинуть в него новую порцию улова. Мы так увлеклись, что ничего не замечали вокруг, пока вдруг у меня за спиной не раздался голос:

— Привет, Дэвид!

Я оглянулся, ничуть не испугавшись, потому что совсем не думал в тот момент о тайне Софи.

Мальчишка, окликнувший меня, стоял на берегу рядом с камнем, на котором лежали наши башмаки. Я хорошо знал его. Это был Алан, сын Джона Эрвина, кузнеца. Он был года на два старше меня. И только в этот момент я вспомнил, что Софи босая.

— Привет, Алан, — ответил я без особой радости, подошел к камню и поднял башмаки Софи.

— Лови! — крикнул я и кинул ей башмаки, стараясь, чтобы они упали к ней как можно ближе.

Один она поймала сразу, а второй упал в воду, но она быстро нагнулась и вытащила его.

— Чем это вы тут занимаетесь? — спросил Алан.

Я объяснил, что мы ловили мелких рыбешек, стараясь избегать его обращающего взгляда: кое-что я о нем знал, и у меня были все основания не особенно радоваться этой встрече.

— Рыбешек? — презрительно хмыкнул он. — И этих головастиков вы называете рыбешками?

Он перевел взгляд с меня на Софи, которая медленно взбиралась на берег, держа башмаки в руках.

— А это еще кто? — спросил он.

Я замешкался с ответом, натягивая ботинки, и когда поднял голову, увидел, что Софи уже успела спрятаться в кустах.

— Кто это? — повторил Алан. — Что-то я ее никогда раньше...

Внезапно он умолк на полуслове: что-то привлекло его внимание позади меня. Я быстро обернулся и увидел отпечаток маленькой босой ножки на мокром песке — небольшой отпечаток посередине ручья. Софи ступила туда, ловя второй башмак. След был совсем свежий, и на нем ясно были видны шесть пальцев.

Я схватил сачок и выплыслал все его содержимое на это место. Горсть рыбешек вместе с водой тут же стерли отпечаток ножки Софи, но в тот же миг я понял, что все мои старания скрыть правду были тщетны: я опоздал.

— Вот это да-а! — протянул Алан, и в глазах его промелькнуло выражение, которое мне очень не понравилось. Очень...

— Кто она? — уже с ноткой требовательности спросил он в третий раз.

— Моя подружка, — произнес я, стараясь выговорить это как можно тверже и независимее.

— Ну, и как же зовут эту твою подружку? — насмешливо спросил он.

Я промолчал.

— Ну что ж, скоро мы это разузнаем, — зловеще пообещал он.

— А тебе-то какое до этого дело? — огрызнулся я.

Но Алан, не обращая больше внимания на меня, вскочил на обломок скалы и стал пристально глядеться в заросли кустарника — туда, куда спряталась Софи.

Не колеблясь больше ни секунды, я бросился на него с кулаками. Он был намного здоровее меня, но я застал его врасплох, и мы кубарем скатились с камня. Я не очень хорошо умел драться, но злость придавала мне силы. У меня была только одна цель: дать время Софи надеть башмаки и скрыться. Если она успеет это сделать, он никогда не найдет ее, я был в этом уверен. Придя в себя от моего неожиданного наступления, Алан здорово врезал мне раза два по физиономии. Это заставило меня на время забыть про Софи и удвоило мою злость. Хрипя и отплевываясь от попадавшего в рот песка, мы катились по берегу, но вскоре силы мои стали сдавать, и он это сразу почувствовал. Все же мне удалось на время отвлечь его и не дать сразу броситься вслед за Софи. В конце концов он усился на меня верхом, и все, что я мог теперь делать, — это защищать от ударов голову. Вдруг Алан издал странный вопль, скорее, даже стон, и «удары прекратились». Тело его обмякло, я легко выбрался из-под него, проторг глаза, огляделся и увидел... Увидел Софи, стоящую рядом с тяжелым острым камнем в руке.

— Это я его стукнула! — с гордостью воскликнула она. — Как ты думаешь, он умер?

Стукнула она его здорово. Он лежал без движения с побелевшим лицом, залитым кровью, однако было слышно его хрипление, прерывистое дыхание, так что убить она его не убила.

— О господи! — вдруг всхлипнула Софи и выронила камень из рук.

Мы посмотрели на Алан, потом друг на друга. И у нее, и у меня было естественное желание как-то помочь лежащему на песке парню. Но мы очень боялись.

— Никто и никогда не должен узнать об этом! — множество раз твердила нам миссис Уэндер. — Никто и никогда!

Парень, лежавший у наших ног, знал это. Страх сковал нас намертво, страх этот мешал нам подойти к Алану ближе и попробовать привести его в чувство.

Наконец я поднялся на ноги, взял Софи за руку и твердо сказал:

— Пошли.

2

Джон Уэндер внимательно слушал наш торопливый, сбивчивый рассказ.

— Вы уверены, что он видел? Может быть, он просто

заинтересовался Софи, потому что никогда раньше ее здесь не встречал?

— Нет, — твердо ответил я. — Он видел след.

— Понимаю, — кивнул Уэндер. Меня поразило его спокойное и задумчивое лицо. Он внимательно посмотрел на нас обоих: на расширенные от страха и возбужденные глаза Софи, на мою, заляпанную грязью, в ссадинах и кровоподтеках физиономию. Потом перевел взгляд на жену.

— Боясь, это случилось, родная, — мягко сказал он.

— Джонни... — Миссис Уэндер побледнела, руки ее беспомощно опустились.

— Мне очень жаль, Марта, но это так, ты знаешь. Мы всегда знали, что когда-нибудь это произойдет. Слава богу, что все случилось, когда я здесь. Сколько времени тебе нужно, чтобы собраться?

— Очень мало, Джонни. Ты... ты прав, я всегда... всегда ждала этого и всегда была наготове.

— Ну что ж, надо торопиться. — Джон Уэндер встал и подошел к жене. Наклонившись, он обнял ее и бережно поцеловал. Слезы навернулись ей на глаза.

— Ох, Джонни... Ты... ты всегда был так добр ко мне!.. Ты никогда, ни словом... ни в чем не упрекнул меня за то горе, которое я принесла тебе!..

Он закрыл ей рот своими губами, и несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга, а потом оба перевели взгляд на Софи. К миссис Уэндер вернулась ее обычная ласковая улыбка. Она быстро накрыла на стол.

— Скорейко умойтесь оба и садитесь есть, — сказала она нам. — И поешьте как следует, ничего не оставляйте.

Умыв лицо и кое-как приведя себя в порядок, я взглянул на миссис Уэндер и неожиданно для себя задал вопрос, который уже давно ворчался у меня на языке.

— Миссис Уэндер, — спросил я, — если все дело только в пальцах... Почему вы не могли отрезать по одному у нее на каждой ступне? Когда она была еще совсем маленькой? Ведь тогда ей было не так уж больно, и никто не догадался бы, что... что это было больше? А?

— Нет, Дэви, — вздохнула миссис Уэндер. — Остались бы следы, люди заметили бы их и рано или поздно докопались бы до правды... Ешьте, ешьте скорее! — застопорилась она и быстро вышла из комнаты.

— Мы уезжаем, — шепнула мне Софи, когда мы доедали пирог.

— Уезжаете? — растерянно переспросил я.

Она кивнула.

— Мама давно говорила, что мы должны будем уехать, если кто-нибудь увидит это. Мы хотели уехать еще тогда... Ну, когда ты увидел...

— Как это?.. — До меня только сейчас дошел смысл сказанного. — Вы уезжаете насовсем? Чтобы никогда уже сюда не вернуться?

— Да. Наверное, так, — грустно подтвердила Софи.

Я был очень голоден, но после этих слов мне расхотелось есть. Я сидел и тупо размазывал по тарелке пирог, вслушиваясь в звуки, доносящиеся из соседней комнаты. Теперь я знал, что там происходит. Я посмотрел через стол на Софи. В горле у меня застрял какой-то ком, который я никак не мог проглотить, и мне с трудом удалось выдавить из себя лишь одно слово.

— Куда?.. — хрипло спросил я.

— Не знаю. Наверное, далеко, — тихо сказала Софи.

Мы сидели друг против друга, Софи тихонько всхлипывала, дрожевая пирог, а я все никак не мог проглотить комок, застрявший у меня в горле. Все вокруг казалось мне каким-то пустым, бессмыслицей, я чувствовал, что теперь все уже никогда не будет таким, как было. Все... Чувство это охватило меня с такой силой, что я с трудом удерживал слезы.

Миссис Уэндер внесла в комнату несколько узлов и корзин. Как сквозь пелену я видел, что она сложила их возле двери и вышла. Потом она вновь появилась и увела с собой Софи. Вошел Джон Уэндер с узлами и свертками. Когда он сложил их у двери и повернулся, чтобы уйти, я вскочил и побежал вслед за ним. Во дворе стояла пара лошадей с поклажей, и я удивился, что их не впряжен в повозку. Когда я спросил об этом мистера Уэндера, он покачал головой.

— С повозкой, Дэви, можно ехать только по дороге, а на лошадях скаки куда хочешь.

Глядя, как он привязывает тюки к седлам, я неожиданно для себя набрался храбрости и выпалил:

— Мистер Уэндер! А вы... Вы не могли бы взять с собой меня?

Он на мгновение замер, потом обернулся, несколько секунд мы смотрели друг на друга, и он медленно с горечью покачал головой. Видя, что на глаза мои навернулись слезы, он положил мне руку на плечо и сказал:

— Зайдем в дом, Дэви.

Миссис Уэндер стояла в пустой гостиной, видимо, стараясь сообразить, не оставила ли она чего-нибудь в поклаже.

— Марта! — окликнул ее Уэндер. — Слушай, Марта, он... Он хочет уехать с нами!..

Не говоря ни слова, она присела на краешек стула и протянула ко мне руки. Я подошел к ней, не в силах произнести ни звука. Она посмотрела мимо меня на мужа, и слова со стоном сорвались с ее губ:

— Джонни!.. Ох, Джонни! Этот его ужасный отец... Я боюсь его!..

Стоя рядом с ней, я отчетливо видел все ее мысли. Они были для меня гораздо понятнее, чем любые слова. Я знал, что она чувствует, знал, как страстно хочет она, чтобы я уехал с ними, и как хорошо она знает и понимает, что я не могу, не должен ехать. Я знал, каков будет ответ, еще задолго до того, как Джон Уэндер произнес первое слово.

— Я все понимаю, Марта! — сказал он.— Пойми, больше всего на свете я боюсь за Софи... И за тебя. Если нас все-таки поймают, то обвинят уже не только в скрытии отклонения, но еще и в похищении ребенка, понимаешь?

— Джонни! Если они отберут у нас Софи, мне уже ничего будет больше терять! Какая разница?!

— Есть разница, родная,— мягко возразил жене Уэндер.— Когда они убедятся, что мы убрались из их района, они успокоятся: пускай за нас теперь отвечают другие. Но если исчезнет сын Строрма, поднимется вой на всю округу, и у нас не останется ни единого шанса. Они нас из-под земли достанут! Это не просто риск. Это конец!

Несколько секунд она молчала. Я знал, о чем она думает. Ее руки обвились вокруг моей шеи, и она медленно проговорила:

— Ведь ты понимаешь это, Дэви? Если ты уйдешь с нами, твой отец будет так зол, что вряд ли нам удастся убежать. Я... я бы очень хотела, чтобы ты был с нами, но... Ради Софи, ради нее, Дэви, ты не должен этого делать! Будь умницей, пожалуйста! Ведь, кроме тебя, у нее нет друзей. Ты должен остаться ради нее! Ты... ты сделаешь это, Дэви? Сделаешь, как я говорю?..

Ее слова лишь подтвердили то, что я и так уже знал по ее мыслям — знал гораздо лучше, чем с ее слов. У меня не было выбора, но не было и сил сказать хоть слово в ответ, и я лишь молча кивнул... И долго стоял, прижалвшись лицом к ее рукам, а она обнимала меня так, как еще ни разу в жизни меня не обнимал никто. Как ни разу в жизни меня не обнимала моя родная мать...

3

Они закончили собираться еще до наступления сумерек. Когда все было готово, мистер Уэндер отвел меня в сторону.

— Дэви,— помолчав, сказал он.— Я знаю, что ты любишь Софи. Ты вел себя, как настоящий мужчина, и сделал для нее все, что мог. Но есть еще одна вещь, которую ты можешь сделать и которая поможет ей. Ты... ты сделаешь это, Дэви?

— Да,— твердо сказал я.— Я сделаю все, что вы мне скажете, мистер Уэндер.

— Когда мы уедем,— сказал он,— не возвращайся домой сразу. Ты мог бы побывать здесь... Ну, скажем, до утра? У нас тогда было бы больше времени, понимаешь? Ты... побудешь?

— Да,— ответил я, и он пожал мне руку, как мужчине. Мне стало чуть легче от этого рукопожатия. Я почувствовал себя сильнее, а главное, всей душой ощутил, что кто-то во мне нуждается. Во мне и в моей помощи. Нечто похожее я почувствовал еще в нашу самую первую встречу с Софи, когда она подвернула лодыжку...

Мы подошли к лошадям, и Софи протянула мне руку. В кулаке у нее было что-то зажато.

— Это тебе, Дэви,— сказала она.

Я протянул свою руку, и она вложила мне в ладонь прядь своих каштановых волос, перевязанных желтой ленточкой. Потом она обвила мою шею своими ручонками и поцеловала меня прямо в губы, а я стоял и смотрел на эту тоненькую прядь...

Отец взял ее за руки и усадил на лошадь. Миссис Уэндер поцеловала меня так же нежно, как до этого сделала ее дочь, и прошептала:

— Прощай, Дэви... Прощай, мой милый.— И, потрогав ссадины на моем лице, одними губами шепнула:— Мы... мы не забудем этого, Дэви! Никогда не забудем...

Они тронулись в путь. Джон Уэндер одной рукой правил лошадьми, другой обнимал жену. На опушке леса они остановились и помахали мне на прощание. Я махнул рукой в ответ, и они тронулись дальше. Последнее, что я видел, была ручонка Софи, махнувшая мне перед тем, как окончательно исчезнуть среди деревьев, на которые уже тем временем спускались сумерки.

4

Домой я вернулся засветло, когда все уже были в поле. Двор был пуст, но возле коновязи стояла лошадь инспектора, и я понял, что отец дома. Я честно выполнил просьбу мистера Уэндера и надеялся, что они успели уехать уже далеко. Хоть я и твердо решил не возвращаться домой до утра, когда наступила ночь, мне стало не по себе: никогда я еще не ночевал в чужом доме. В доме Уэндеров все мне было знакомо, но в опустевших комнатах чудились какие-то шорохи и скрипы. Я нашел несколько свечных огарков, зажег их, растопил печку, и потрескивающие поленья немного развеяли мои страхи. Но и внутри дома, и снаружи мне долго еще мерещились странные шорохи и непонятные звуки...

Я сел у стены так, чтобы вся комната была у меня

перед глазами. Временами страх подступал к горлу, становился невыносимым, и только мысли о Софи приводили меня к скамейке. Но я ни на секунду не мог забыть, что снаружи — кромешная тьма, а я здесь — один-единешенек.

Так прошла вся длинная ночь, и ничего страшного со мной не случилось. Где-то среди ночи я набрался храбрости, поднялся со скамейки и прилег на кровать. Долго я смотрел на пламя свечей, с ужасом думая, что будет, когда они погаснут. В конце концов они действительно погасли и... В окна брызнули лучи солнца. Должно быть, я все-таки уснул.

У Уэндеров я нашел кусок черствого хлеба, вернувшись домой, снова ощутил сильный голод. Впрочем, с едой можно было и подождать. Единственное, чего мне сейчас по настоянию хотелось, это проскользнуть незамеченным в свою комнату и притвориться, будто я просто-напросто проспал рассвет. Но мне не повезло.

Когда я крался по двору, из кухни меня увидела Мэри и крикнула:

— Скорей иди сюда! Тебя все давно ищут, ты где был?!— И, не дожидаясь моего ответа, добавила:— Отец в бешенстве. Немедленно иди к нему, а то будет еще хуже!

Отец сидел с инспектором в комнате, которой мы недавно пользовались. Я вошел в самый неподходящий момент: инспектор внешне казался спокойным, но отец был просто вне себя.

Я подошел к нему.

— Где ты был?— спросил он тоном, не сулящим ничего хорошего.— Тебя не было дома всю ночь! Ну? Где ты был, я спрашиваю?!

Я молчал. Он выпалил еще несколько вопросов, и я не ответил ни на один из них, хотя ноги мои дрожали от страха: никогда еще до сих пор я не видел его в такой ярости.

— Ну ладно,— скрипнул он зубами,— никакое запирательство тебе все равно не поможет. Кто была эта... эта нечисть, с которой тебя видели вчера?!

Я молчал по-прежнему. Отец стал приподниматься со стула, но тут вмешался инспектор.

— Дэвид,— сказал он вполне миролюбиво,— скрытие богохульства, в особенности когда речь идет о подобии человека, ведь очень серьезная, и я хочу, чтобы ты понял это. За подобное укрывательство людей сажают в тюрьму. Долг и обязанность каждого — немедленно сообщить мне о любом отклонении, даже о любом сомнительном случае. Здесь же, если только зрячий мальчишка не ошибся, речь идет о явном отклонении от НОРМЫ, о самом настоящем кощунстве. Он сказал, что эта... этот ребенок... Словом, что у нее на ноге шесть пальцев. Это правда, Дэвид?

— Нет,— с трудом выдавил я.

— Он лжет!— крикнул отец.

— Ну что ж,— протянул инспектор,— если это не правда, то ничего страшного не случится, и ты можешь нам честно сказать: кто она и откуда? Ведь так, Дэвид?

Я ничего не ответил ему, да и что мне было сказать? Мы молча смотрели друг на друга.

— Ты не можешь не согласиться со мной, Дэвид,— терпеливо и настойчиво добивался от меня ответа инспектор.— Если все это неправда...

— Хватит!— резко перебил его отец.— В конце концов это мой сын, и справиться с ним — мое дело. Ступай к себе!— бросил он мне, даже не взглянув при этом в мою сторону.

Одну секунду я колебался. Я хорошо знал, что означало его «иди к себе», но я знал и то, что в том состоянии, в каком был сейчас отец, он изобьет меня независимо от того, скажу я правду или нет. Я повернулся и пошел к двери. Отец двинулся за мной, прихватив со стола хлыст.

— Это мой хлыст,— ледяным тоном произнес инспектор.

Отец, казалось, не расслышал его... Тогда инспектор встал с места и повторил фразу так, что отец поневоле остановился. Секунду или две он с яростью смотрел на инспектора, потом швырнул хлыст на стол и вышел вслед за мной...

5

Не знаю, где была в это время мать. Может быть, она просто боялась отцовского гнева. Ко мне зашла Мэри, помогла раздеться и лечь в кровать. Она не могла удержать слез. Я же из всех сил старался держаться стойко, пока она была рядом. Но когда она, дав мне выпить горячего бульона, вышла из комнаты, слезы хлынули у меня из глаз. Я ревел не от боли, вернее, не от физической боли, а от стыда и беспомощности: с отчаянием я скрипал в руке прядь каштановых волос, перевязанных желтой лентой, и, захлебываясь в рыдающих, бормотал:

— Я ничего не смог сделать... Софи... Я ничего... ничего не смог!..

Перевел с английского
Феликс САРНОВ.

Продолжение следует.

ШАХМАТЫ

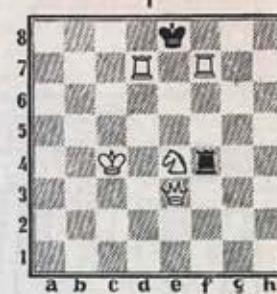

29-я шахматная олимпиада

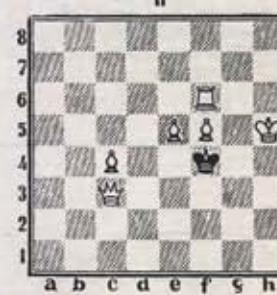
Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

К группе обязательных требований, предъявляемых к шахматным задачам, относятся требования **решаемости** и **единственности решения**. Первое означает, что задание должно выполняться во всех вариантах задачи не более чем в заданное число ходов, второе — что задание выполняется лишь одним, задуманным автором путем. Если начиная с первого хода задача решается другим, не замеченным автором способом, говорят, что она имеет **побочное решение**, которое лишает ее права на существование.

Третий тур

Белые: Krc4, Fе3, Ld7, Lf7, Ke4 (5)
Черные: Kре8, Lf4 (2)
Мат в 2 хода (1 балл).

Белые: Kph5, Fс3, Lf6, p. с4, e5, f5 (6)
Черные: Kpf4 (1)
Мат в 3 хода (2 балла).

Белые: Kреб, Le1, p. e7 (3)
Черные: Kре8, Ce5 (2)
Мат в 4 хода (2 балла).

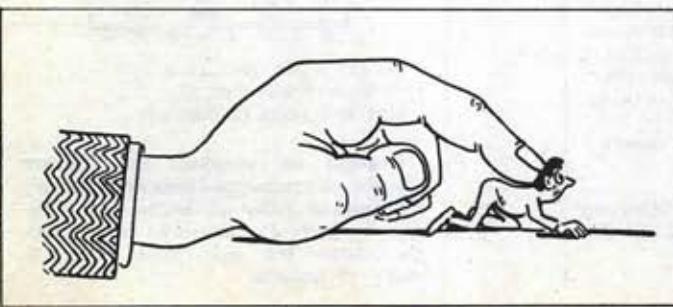
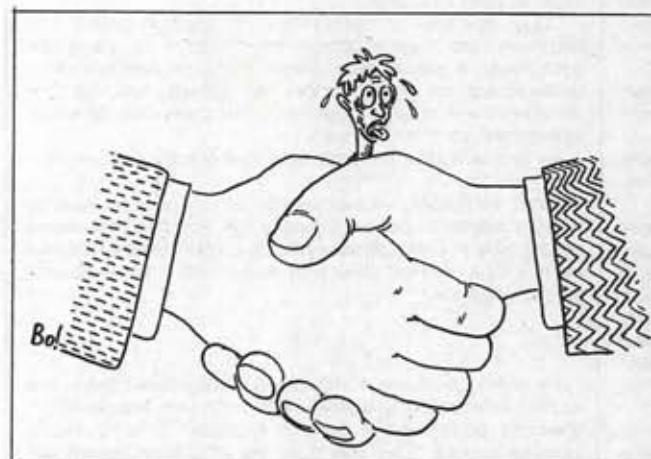
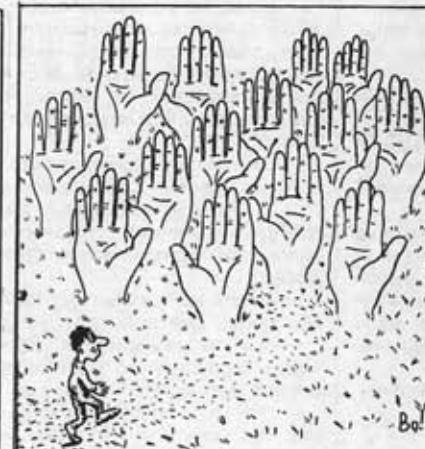
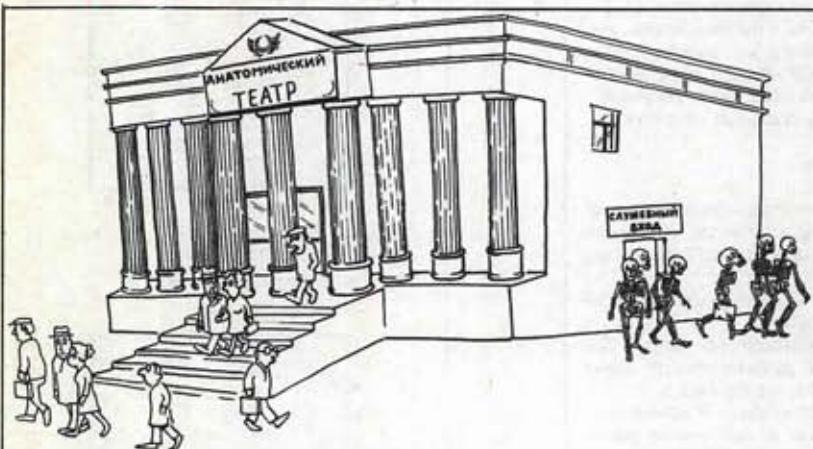
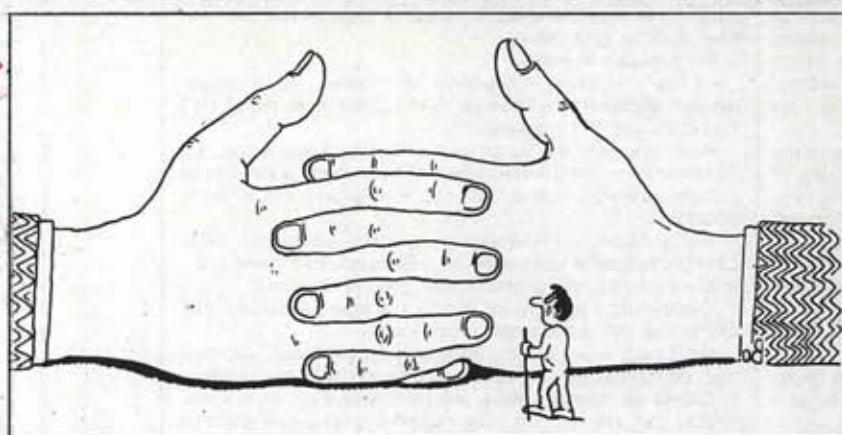
Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 3-й тур». Последний срок отсылки писем (по почтовому штемплю) — 15 апреля.

У Петра Воскресенского очень серьезная профессия: он врач-хирург. Но и коллеги, и студенты из 2-го Московского медицинского института прямотаки хохочут на лекциях, когда кандидат медицинских наук Воскресенский сопровождает их собственноручными иллюстрациями. Петр рисует с детства, умудрился даже окончить студию молодого карикатуриста при редакции журнала «Крокодил». Но впервые свои карикатуры он опубликовал в «Смене». Участвовал в разных выставках, в том числе и в болгарском городе Габрово. Работе это увлечение не помеха, ведь в карикатуре, считает Петр, так же, как и в хирургии, нужны острый глаз и твердая рука.

ПЕТР ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Читайте в ближайших номерах «Смены»:

Делегат съезда комсомола — школьница из Ярославля чемпионка мира по акробатике Анастасия Бабанина.

Представляем Международный юношеский турнир по футболу на приз журнала «Смена».

«Автобиография». Майя Плисецкая.

Неснятые фильмы режиссера Динары Асановой.

Ираклий Абашидзе: Пушкинское наследие.

Письмо мужчины, обиженного на женщин.

«Кроты». Анатолия мирка спекулянтов.

Рассказы Вениамина Каверина.

Подписка на «Смену» не закончилась. Вы можете выписать наш журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

ГИМНАСТИКА УМА

Кроссворд — игра, сочетающая занимательность и доступность. Может быть, именно поэтому популярность ее все время растет. «Смена» ежегодно получает сотни писем с кроссвордами или о кроссвордах. Многие читатели, в частности В. Беляевский из Алушты, Д. Иванников из Дивногорска, М. Трясцына из Алма-Аты, просят напечатать правила составления кроссвордов, принятые в нашем журнале.

Кроссворд начинается с сетки (рисунка). Наш журнал остановился на ее классическом типе как наиболее понятном широкому читателю. Сетку читатель обязательно должен придумать сам. Она не должна в точности повторять ни одну из появившихся в печати. Требования к сетке:

1. Она должна быть изящной, симметричной полностью или попарно-двусторонне (может быть и закрученной по спирали) и не распадаться на отдельные части.

2. Размер — не больше 21 клетки по горизонтали и 25 по вертикали. Число позиций — от 40 до 75 (как правило, их не должно быть меньше 50).

3. Чем меньше черных (пустых) клеток, тем лучше. Недопустимы сочетания из двух и более черных клеток. Слова могут быть любой длины, начиная от двухбуквенных. Но слов из двух, трех и четырех букв не должно быть слишком много. Изящество и законченность кроссворда придают длинные слова.

Такая сетка, характерная частым пересечением слов, позволяет, не очень затрудняя разгадывание, брать как простые, так и редкие понятия, имена и т. д.

Однако не следует усложнять ее в ущерб содержанию. Стремитесь заполнить ее интересными и самыми разными (даже тематически) словами. Причем простых слов обычно должно быть больше, чем сложных, редких. Не надо загадывать названия болезней, бытовых приборов, чисто религиозные и монархические слова, малые планеты, а также слова неблагозвучные и вызывающие неприятные ассоциации.

Основные требования к словарному составу:

1. Слова берут в единственном числе именительного падежа (в цитатах допустим и винительный падеж). Во множественном числе можно загадывать названия народов и жителей государств, городов и т. д., парные предметы, слова, у которых нет единственного числа. Названия произведений в одно слово можно брать любые.

2. Имен собственных не должно быть больше одной трети от всех загаданных слов. Начальные буквы зашифрованных слов должны как можно шире отражать алфавит. При этом на одну букву не берут больше 10 процентов от всех загаданных (если всего слов, скажем, 59, то на одну букву не больше 5). В ответах не может стоять больше двух слов подряд на одну букву. Личные имена берут только как персонажи произведений либо принадлежащие известным людям.

3. Из населенных пунктов можно брать столицы, города, порты, пристани, курорты и достопримечательные места.

4. Нельзя загадывать больше трех однородных понятий (скажем, птиц, химических элементов, городов).

5. Слов с правильным чередованием не должно быть больше половины от всех загаданных (агава, базар, иней).

6. Слова надо стремиться чаще пересекать на согласных, а не на гласных буквах. Это упрощает разгадывание.

Самая трудная часть работы над кроссвордом — толкование загаданных слов. Даже обычные определения чаще всего нельзя просто переписывать из словарей и энциклопедий, где они недостаточно специальные или неоправданно растянутые. А в кроссворде определение должно быть универсальным, житейским, понятным каждому читателю.

Часть определений обязательно должна быть познавательной, занимательной, интригующей. Искать их надо прежде всего в научно-популярной литературе, газетах и журналах, других источниках. Проще сначала накопить достаточный запас таких определений, а затем уже слова под них загадывать в кроссворде. Если долго искать, можно

интересно зашифровать самое, казалось бы, простое слово. Возьмем, например, липу. Почти всегда ее определяют так: лиственное дерево. Определение уже пришло, главное, не сообщает ничего интересного. Между тем можно найти множество других определений: любимое дерево игрушечников; «медовое» дерево; дерево, стоящее за названием цикла И. А. Бунина «Темные аллеи»; дерево, под которым Левин нашел Кити с ребенком во время грозы («Анна Каренина»). И так без конца.

Все животные и растения в кроссворде обязательно должны быть определены оригинально, лучше познавательно. Недопустимы научные термины «отряд», «семейство» и т. д.

Некоторое загаданное слово или однокоренное с ним нигде не должно встречаться в определениях. Недопустимы также неопределенные слова типа «что-либо», «где-нибудь» и подобные (их можно брать только в цитатах из литературных произведений).

Кратко об оформлении. В редакцию надо присыпать две аккуратно сделанные сетки с четко заштрихованными черными клетками. Одну заполняют цифрами, обозначающими позиции, а вторую — загаданными словами.

Определения слов оформляйте так:

1. Камень — древнерусское название Уральских гор (Мезенин — 4).

Каждую новую позицию начинайте с новой строки и пишите при этом на одной стороне листа разборчивым почерком либо на машинке. В конце работы расшифруйте источники толкования, обязательные к каждому слову. В данном случае: Н. Мезенин. Уральский металл. М., Металлургия, 1981. Страница указана сразу. Указывать надо именно источник определения, а не просто загаданного слова. Если вы указали источник, где слово стоит во множественном числе, то нужно указать и другой, где оно есть в единственном.

Каждый читатель, с достаточной полнотой выполнивший все пункты правил, может рассчитывать на публикацию своего кроссворда в «Смене».

Конкурс кроссвордистов. Первое задание

По напечатанной здесь сетке надо составить кроссворд, ни в чем не отступающий (кроме случая, оговоренного ниже) от правил, изложенных в статье «Гимнастика ума». В кроссворд можно включать любые дозволенные правила слова. Но при этом надо постараться загадать как можно больше слов на тему «Искусство и литература». Таковыми жюри будет считать все слова, непосредственно относящиеся ко всем видам искусств — как основных, так и прикладных, к литературе, мифологии, фольклору, а также любое слово вообще, которое участник конкурса сумеет «привязать» к теме посредством интересного определения. Скажем, шахматы — игра, которой увлекались Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Достоевский и другие русские писатели. Или, допустим, пастушество — профессия, с которой в греческой мифологии часто связана музыка.

Победителей жюри определит по набранным очкам. За каждое слово на тему «Литература и искусство» будет начислено одно очко, за каждое «музыкальное» слово — два, а за каждый музыкальный инструмент — три.

В этой сетке при 55 позициях 60 слов. Следовательно, на одну букву нельзя загадывать больше шести слов. Но в этот счет не надо включать музыкальные инструменты. Скажем, на «а» можно загадать шесть слов и еще сколько угодно названий музыкальных инструментов.

Представим, что участник конкурса сумел включить в кроссворд 45 слов, связанных с литературой и искусством, причем 32 из них по музыке, в том числе 12 названий музыкальных инструментов. За это ему будет начислено 36 очков, за оставшиеся 20 слов по музыке — еще 40 очков и 13 очков за остальные слова по литературе и искусству. То есть всего он наберет 89 очков.

К своей работе каждый участник конкурса должен приложить отдельный листок, на котором сверху крупно написана цифра — число набранных им очков, а ниже приведена система подсчета и выписаны слова отдельно по теме «Литература и искусство», по музыке и названия инструментов.

При равном числе набранных очков преимущество будет отдано кроссвордам с более интересными определениями слов. Особенно важно дать интересные, познавательные определения к инструментам, чтобы кроссворд не был монотонным.

Одну или две лучшие работы «Смена» напечатает. Победителям и еще четырем участникам редакция предоставит возможность напечатать обычный кроссворд вне очереди и наградит книгами и дипломами. Дипломы «Смены» получат также еще пятеро участников конкурса.

Последний срок отсылки конкурсной работы — 15 мая. На конверте пометьте: «Конкурс кроссвордистов-87, первое задание».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 4 (1434)
февраль 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ.

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Сергей ВЕТРОВ

Художник
Вячеслав ПАВЛОВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

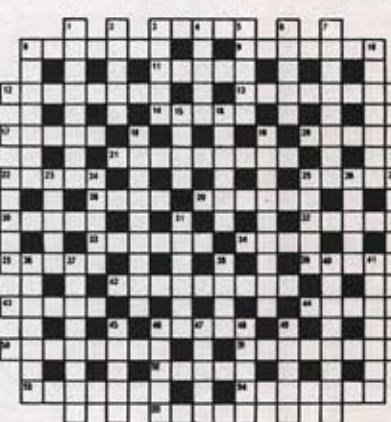
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки;
212-13-19 — коммунистического воспитания;
251-32-84 — фотоочерка;
250-29-39 — военно-спортивный;
212-21-36 — международной жизни;
251-04-10 — литературы и искусства;
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена». 1987 г.

Сдано в набор 05.01.87.
Подписано к печати 16.01.87.
А 05012. Формат 70×108^{1/4}.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50.
Тираж 1300 000 экз.
Изд. № 346. Заказ № 17.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типоррафия имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Ответы на кроссворд,
опубликованные в № 3

По горизонтали:

1. Эллипс. 5. Ухажер. 9. Золовка. 12. Юргин. 13. Призыв. 14. Бандура. 16. Империал. 17. Одеколон. 21. Австралиотек. 24. Коса. 25. Росс. 26. Крестовик. 27. Чинар. 28. Форум. 29. Молодость. 30. Матр. 32. Дина. 33. Автоматизация. 38. Традиция. 41. Гирлянда. 42. Ясачная. 43. Педант. 44. Имбирь. 45. Цитраль. 46. Рюкзак. 47. ...стража...

По вертикали:

1. Элюви. 2. Лиссип. 3. Приправа. 4. ...вождь... 6. Характер. 7. «Жизель». 8. Ревень. 10. Опал. 11. Кор. 14. Бактериология. 15. Администрация. 18. Пансионат. 19. Монополия. 20. Аксиома. 21. Астрата. 22. Колония. 23. Истукан. 31. «Эрианта». 32. «Дипломат». 34. Штопор. 35. Нардек. 36. ...ундина. 37. Бальса. 39. Ясли. 40. Очек. 41. Гаял.

Петр СПЕКТОР

Pослый партнер и миниатюрная партнерша застыают в центре катка. И мы уже привыкшие к таким дуэтам, смотрим на новую пару пристрастно: не станет ли она повторением пройденного Черкасовой и Шахраем, Пестовой и Леоновичем?

Почерк мастера не спутать ни с чем. И воспитанников ЦСКА даже не специалист в фигурном катании узнает сравнительно легко — в первую очередь по подбору труднейших элементов. Но даже в сравнении с предыдущими армейскими спортивными парами программа Екатерины Гордеевой и Сергея Гринькова отличается насыщенностью элементами высшей сложности «ультрас».

Вспоминаю, как несколько лет назад приехал на одну из тренировок армейских фигуристов. Стоя у бортика, смотрел, как плавно скользит по льду Анна Кондрашова, как взмывает ввысь в тройном прыжке Александр Фадеев.

— Видишь эту девчушку? — кивнул Станислав Жук в угол площадки.

— Которая все время падает? — уточнил я.

Катя как раз в этот момент в который уже раз оказалась на льду. Немножко сморщилась от боли, потом стянула снежную пыль с костюма, как ни в чем не бывало подъехала к Сереже, и они снова принялись разучивать новый каскад.

— То, что падает, — не страшно, — ответил Жук.

— Характер у ребят бойцовский.

Так вот, запомни: через несколько лет Катя с Сережей станут чемпионами мира.

— Шутите, — улыбнулся я.

— Чемпионами мира среди взрослых, — лаконично повторил Станислав Алексеевич, словно подчеркивая, что тренировочный каток не место для розыгрышей.

Тот короткий разговор с Жуком, произшедший несколько лет назад зимним студенческим вечером, я припомнил в марте 1986 года, когда счастливые Катя и Сережа поднялись на верхнюю ступень пьедестала почета первенства мира в Женеве.

И в тот момент казалось — они были в фигурном катании всегда, потому что побеждающая юность всегда внушиет восхищение. А Кате тогда было четырнадцать, Сереже — восемнадцать лет.

Чем-то они напомнили многим Ирину Родину и Александра Зайцева. Может, тем, что так же стремительно ворвались в мировую элиту.

Болельщики, испытывающие всем понятную ностальгическую грусть по ушедшим чемпионам, сразу, безоговорочно приняли юную пару, прониклись к ней доверием, которое Катя и Сережа, безусловно, оправдывают.

...Они выходят из-за кулис, проходят по прорезиненной дорожке, снимают чехлы с лезвий коньков и спустя мгновение оказываются на матовом льду, залитом яркими огнями.

На секунду Катя и Сережа застыают в центре катка.

Сейчас грянет музыка. Сейчас...

Многие думают: нед-хороший.
Поверьте нам, он - здор. И нам же кажется
что крохотное зрелище. И своим
катающим мы хотим, чтобы это было
доходило до ваших сердец, дорогие
читатели "Смены".

Станислав
Жук

**ЕКАТЕРИНА
ГОРДЕЕВА**
**СЕРГЕЙ
ГРИНЬКОВ**